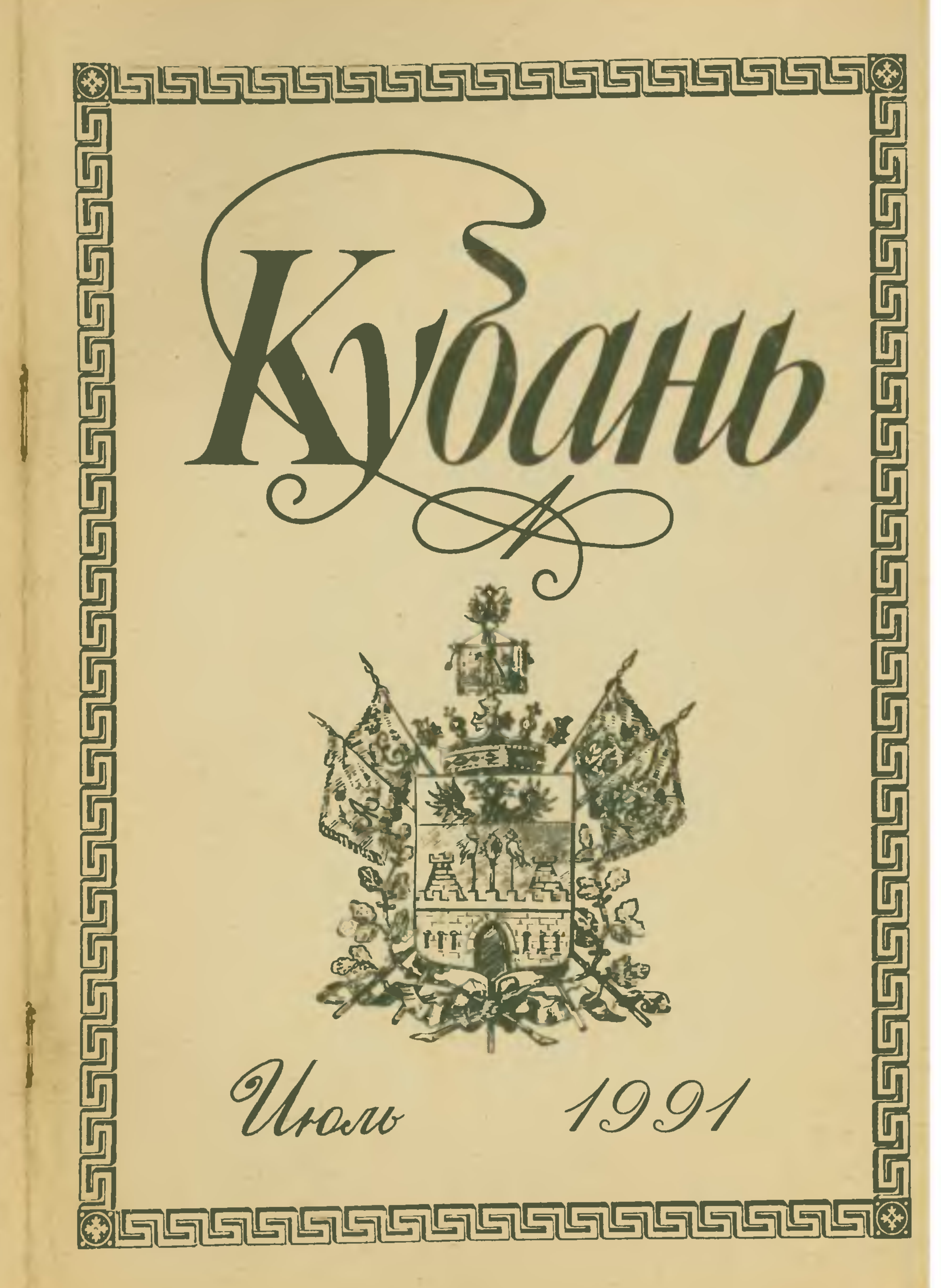
2 руб.
Индекс 73607

ISSN 0130-217X



Июль
1991

Издается с 1945 г.



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ —
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
И КОЛЛЕКТИВА РЕДАКЦИИ

Содержание

РОССИЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ	2	*Иван Ильин.* Творческая идея нашего будущего. Окончание
ПРОЗА	8	*Иван Солоневич.* Россия в концлагере. Продолжение
	19	*Петр Краснов.* От Двуглавого Орла к Красному Знамени. Продолжение
ПОЭЗИЯ	7	*Варлам Шаламов.* Стихи
	29	*Любовь Мирошникова.* Болтливые кумушки. Приятный сон. Незадачливый червячок. Мак и цыпленок. Ночь. Про солнышко, про Аллочку и эскимо на палочке. Антошка и комар. Стихи
ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА	30	*Анатолий Иванов* (Скуратов). Роковой день России (9 января 1905 года)
	39	*Петр Придиус.* "Звездопад". Повесть-хроника. Продолжение
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	72	*Даниил Скобцов.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. Продолжение
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ	43	*Борис Башилов.* Масонство и русская интеллигенция
СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ	54	*Анатолий Цикунов* (Кузьмич). Лгущий гуманизм
	89	*Федор Углов.* Как предупредить катастрофу?
ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНИ	82	Кто соблазнит малых сих... Письмо священнику Александру Меню

Иван Ильин

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО*

Бывают в истории периоды и времена, когда тип бесхарактерного человека становится распространенным или даже преобладающим. Именно так было в России перед революцией... *Но именно так оно у нас впредь не должно обстоять!* Народ, не умеющий и не могущий преодолеть это состояние и найти из него творческий выход, т. е. укрепить свой духовный характер и насадить его в новых поколениях, *не сможет удержаться на исторической арене:* его смоет волна других народов. И потому *у России нет выбора:* она должна вступить на указываемый путь. И я верю, что это так и будет: великие исторические крушения и испытания пробудят и укрепят его духовные силы. И не нам сомневаться в этом, не нам, которых Пушкин научил молиться за Россию этими дивными словами:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Что же делать нам, чтобы не раздробиться подобно стеклу? Что делать нашему поколению и тем поколениям, которые придут вслед за нами? Как укрепить нам наш характер, блюдя его национальную природу и сообщая ему живую и огненную духовную основу? И как нам воспитать ее в нашей народной массе?

Не здесь и не сейчас разрешать этот вопрос в целом. Но утвердим теперь же, что от разрешения этой задачи зависит вся судьба, вся будущая судьба России и русской культуры. Ибо на чем же построим мы наше государство, если не на духовном характере русских людей? Не на терроре же? И не на расползающейся же центробежной хляби человеческой, не на лжи же, пассивности и саморазнузданности! Мы строили его доселе на священной традиции, которая отбирала людей с характером и вела ими страну. Но ныне традиция эта порвалась, и мы должны идти *не от нее, а к ней,* исходя от характера у немногих и восходя к насаждению характера в массе...

И если мы не укрепим силу духовного и гражданственного характера в России, то какая же государственная форма удастся нам? Пародия на республику или народная монархия? Что познает и утвердит бесхарактерный ученый? Куда поведет нас бесхарактерный философ? В какую оргию, в какой распад вовлечет нас бесхарактерный художник? Какую продажность развернет бесхарактерный чиновник? Кого научит, кого воспитает бесхарактерный политик? Какую войну сумеет повести бесхарактерный офицер?

Вся Россия была создана людьми с характером. Вся русская культура есть явление национального духовного характера. А ныне, после таких и стольких испытаний, мы призваны к тому, чтобы *найти ключ* к воспитанию русского национального духовного характера в *массе* и осуществить это воспитание. Мы должны твердо верить в то, что все беды и испытания последних лет не только плющили и разбивали слабых, но и закаляли сильных. И от этих сильных и закаленных мы и должны начать новую систему национального воспитания в России. Это проблема всех проблем; здесь начало всех начал. Ибо люди с сильным духовным характером нужны России не только через сто лет и не только "послезавтра", *но сегодня, сейчас, немедленно...*

И кто воспитает теперь же хоть одного такого человека — укрепит ли он себя самого, или поможет другому, или взрастит в этом духе сына или дочь, — тот оправдается перед лицом России и ее истории. Если враги России чего-нибудь опасаются, то именно этого. Если разрешение какой-нибудь задачи нельзя откладывать, то именно этой задачи!

Россия нуждается больше всего в воспитании и укреплении духовного характера. В чем его сущность? Каковы его основы?

Отвечаю на эти вопросы не в общей, философской форме, а применительно к России, русскому народу и русскому национальному характеру.

Русскому человеку в массе даны три основные силы: гибкий, крепкий *инстинкт* самосохранения, изобретательный и подвижный, темпераментный в основном заряде и талантливый в проявлениях; яркая, глубокая, отзывчивая жизнь *чувства* и сила созерцающего, образно мыслящего *воображения.*

Чтобы захватить эти три основные силы и вовлечь их в строительство характера и в жизненное творчество, русскому человеку необходимо что-то искренно и сильно любить, что на самом деле заслуживало бы этой любви, и во что-то искренне и крепко *верить,* что заслуживало бы этой веры.

Есть народы, которым надо прежде всего понять умом и на основании этого решить волею. У нас же первые движущие силы — *любовь и вера.* Без любви русский человек становится лентяем и мотом, пассивно прозябающим существом; без веры русский человек становится безразличным резонером, пустым и вредным разговорщиком. Чтобы действовать, русский человек должен твердо поверить во что-нибудь, пусть в ложное или дикое, хотя бы в то, что "всякая вера нелепа и всякая любовь вредна", тогда из него выйдет, по крайней мере, активный нигилист или воинствующий безбожник. Ум и воля приводятся у русского человека в движение *любовью (или, соответственно, ненавистью) и верою.*

Поэтому русское национальное воспитание должно непременно обращаться к иррациональной глубине инстинкта, к страсти человека, к его живому и глубокому чувству, чтобы *разбудить чувствилище человека духовным содержанием,* чтобы ранить, пленить, влюбить душу в Божественное.

Инстинкт и дух не враги. Они необходимы друг другу. Инстинкт необходим духу как жизненная сила. Дух необходим инстинкту как высшая власть и ценность, как источник формы. Противодуховный инстинкт без ценности, без власти, без формы обречен на разложение и хаос; он не даст ни силы, ни победы. Но и дух, если захочет задавить инстинкт и попрать его природные законы, вступит на путь болезни, безумия и смерти.

Эта великая "тяжба" между инстинктом и духом, между *волком* и *ангелом* в человеческой душе разрешима только в гармоническом примирении сил: когда инстинкт, пленившись Божественным, почует и увидит, что *он сам не противодуховен,* что *он сам от духа.* Тогда он утвердит свою собственную духовность, прощенность и исцеленность, а дух примет свои собственные инстинктивные корни и творчески овладеет всеми недрами души.

Все великое на земле создано страстью, но не животной страстью, а одухотворенной и духовной. И больше всего это относится *к русскому человеку и русской истории.* Ему необходимо, чтобы страсть его не подавлялась и не томилась под запретом, но сама горела искренним и искрящимся огнем любви и сама излучала влучившийся в нее свет веры. Так, чтобы эта любовь не стыдилась разума, но придавала его свету силу высшей ясности, глубины и власти и чтобы она не боялась воли, не отстранялась от нее, а зажигала и вдохновляла ее.

Такой любви и такой веры требуют от русского человека три великие "предмета":

Бог, Родина и национальный вождь.

(Верным первообразом такого национального вождя в России искони был Государь).

И вот, воспитать русского ребенка и воспитать в нем характер значит, прежде всего, открыть ему, его инстинкту, его глубокому иррациональному чувствилищу, его страсти способность и счастье беззаветно любить и беззаветно верить: прежде всего и превыше всего — *любить Бога и верить в Бога,* а потом — любить *Родину,* это живое жилище Духа Божия на земле, эту национальную сокровищницу Духа Святого; и наконец — любить персонифицированного главу Родины, ее ответственного и вдохновленного вождя, или Государя.

Но, чтобы так беззаветно полюбить и беззаветно поверить, надо *увидеть духовными очами* то, что любишь и во что веришь.

Необходима *духовная очевидность.* Русский национальный характер должен быть построен на очевидности, может быть построен только на ней. Это и только это соответствует душевному естеству и укладу русского человека.

Очевидность — вот то простое и единое слово, к которому я свожу воспитание русского национального характера и, следовательно, все возрождение России. На *очевидности* — на *духовном оке,* на *зрении сердца,* на *созерцании любви* — построена была Россия: и русское православие, и русская добродетель; и русское правосознание, и русское геройство; и русское искусство, и русский характер.

И если ныне мировой кризис обнаружил некоторую опустошенность и некое бесплодие мировой культуры, то эта опустошенность сводится к утрате *духовной очевидности;* и если народы ныне жаждут чего-то и нуждаются в духовном обновлении, то они нуждаются именно в очевидности; и ныне обаяние России и русской культуры во всем мире объясняется именно тем, что люди и народы смутно, как сквозь сонную завесу, чуют, что русский дух богат, щедр и живет именно тем началом духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви, которой им недостает и которая составляет как бы самый воздух, или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры. Эту-то силу мы и должны ныне осознать, возродить и очистить и из нее вырастить новую Россию.

Очевидность не сводится ни к мнению, ни к познанию, ни к вероятности, ни к "принятию чего-то за истину". Очевидность состоит не в том, что человек выбирает то, что ему приходится по вку-

* Окончание. Начало в № 6.

су, и начинает с этим понравившимся носиться, как с сокровищем. В очевидности не человек охватывает истину умом, а истина охватывает человеческое сердце, и воображение, и ум. В очевидности отпадает всякое сомнение и шатание, исчезают все оговорки, резервации, всякая условность, все релятивистические уловки.

Люди, *одержимые очевидностью духа и сердца,* носят в себе первооснову духовного характера и обыкновенно узнают друг друга издалека, легко и быстро. Вся судьба их, вся кривая их жизни слагается по-особому. Ибо очевидность одухотворяет, опаляет и очищает человеческое бессознательное — инстинкт и его первобытное чувствилище, страсть и темперамент человека. Она дает человеческой душе якорь, опору и характер. Она дает всем нравственным удержам силу и питание. Она открывает человеку возможность стать духовно сильным, здоровым и цельным. Человек не раздвоен: у него не так обстоит дело, что ему нравится то, чего он не ценит, а ценит он то, к чему его не тянет, а так, что ему нравится *совершенное,* а к несовершенному его и не влечет; для него не милое хорошо, а хорошее мило: и в вещах, и в людях, и в деяниях. И отсюда его *цельность в душе* и его *искренность в духе.* То, что он любит, за то он и борется; он и прав в этом, и сам знает об этом; ибо за то, что взято и принято очевидностью сердца, за это люди всегда боролись на жизнь и на смерть.

Очевидность есть источник *убеждения,* убежденности; она есть источник духовной принципиальности и духовного характера. Именно к очевидности в ее полном и глубоком значении может быть сведена творческая идея нашего будущего.

И вот далее, есть такой закон духа, согласно которому человек вживает силы своей души в то содержание, которое дается ему в акте очевидности. Я имею в виду тот закон, который выражен в евангельских словах: "где сокровище ваше — там и сердце ваше будет" (Лука 12, 34).

Пифагорейцы учили когда-то, что в мире есть божественный центр, а в нем горит огонь божественного присутствия — Гестия. Из этой Гестии излучается миродержащая и мироупорядочивающая сила, и благодаря этой силе мир оказывается не хаосом, а космосом.

Вот, приблизительно, таков духовный характер человека: его душа вследствие богомыслия и духочувствия становится центрированным космосом со священной купиной в центральной глубине.

Из этой купины и раздается тот голос, который мы называем *голосом совести,* не совести укоряющей и угрызающей за совершение худших дел, но совести, *властно бросающей нас в самое верное и лучшее из возможных деяний* и делающей для нас невозможными, неосуществимыми, невыполнимыми дела злобы и коварства. Человек с духовным характером слышит голос совести *не после греха, а до* поступка; и этот голос совести не мучает его укором, а подсказывает ему *самое лучшее.*

Чувство собственного духовного достоинства — не есть ни тщеславие, ни честолюбие, ни гордыня. Оно не только не исключает чувство *ответственности,* но является прямым условием их верного, искреннего и плодотворного переживания.

Ибо чувство *ответственности* растет и крепнет именно от непосредственного предстояния своей купине и ее голосу. И именно в этом предстоянии, трепетном и ответственном, человек впервые научается смиряться без лицемерия и аффектации, видеть себя малым и слабым в отрыве от Божьей силы. Он научается смирению без унижения; смирению, а не рабству; он научается, по слову ап. Петра, служить, как *свободный* (1 Петра, 2, 16). И *покаяние* у него никогда не превратится в отчаяние о себе и не поведет его на путь бессильного примирения с грехом, ибо источник его возрождения и его силы в нем *самом,* ему стоит только войти в свой кремль и храм и внять гласу из купины — и он знает об этом, помнит, — и покаяние его становится от этого *творческим.*

Чувство собственного духовного достоинства — есть драгоценная и безусловная основа настоящего характера. Оно как будто говорит человеку неумолчно: помни, что твоя воля укоренена *в благе;* что ты сам хочешь добра, к которому ты призван; что доступ к нему *открыт тебе* ежесекундно и пожизненно; *что ответственность* твоя перед Богом, перед собою и перед людьми велика и неизбывна; помни о своих слезах и клятвах перед этим алтарем и оставайся верен своей вере и своей любви, чего бы это тебе ни стоило.

Спросим себя, способен ли такой человек на измену или предательство? Способен ли он на низость или продажность? Способен ли он на клевету или интригу? И установим, что Россия нуждается прежде всего и больше всего в людях такого уклада и характера. Россия только тогда стряхнет с себя и вытравит из своей души последние остатки и крепостного права и коммунистического порабощения, когда встанет такое поколение деятелей и граждан.

И именно тогда начнут исчезать из русского душевного уклада все те рабские, подлые и пошлые черты, которые закреплены в русских поговорках: "Чей хлеб ешь, того и обычай тешь"; "В какую стаю залетел, так и каркай"; "Меж волками вой по-волчьи, меж свиньями хрюкай по-свинячьи"; "Рука руку моет, вор вора кроет"; "Мимо идти да не украсть — люди дураком назовут"; "На бабу да на скотину суда нет"; "Молчи больше, проживешь дольше"; "Закон, что дышло: куда поворотишь, туда и вышло"; "Что за чины, когда во щах нет ветчины"; "Что и в титуле, как пусто в шкатулке"; "Конь любит овес, а воевода принос"; "Помути, Господи, народ, накорми воевод"; "То-то и закон, как судья знаком"; "Когда рак свистнет, тогда судья решит право"; "Судейский карман, что поповское брюхо"; "Деньгам все повинуется"; "Мир на дело сошелся — виноватого опить"; "Стыд не дым, глаза не выест"; "Казна — шатущая корова, не доит ее ленивый"; "Казенного козла за хвост подержишь — шуба будет"; "Дай прокормить казенного воробья — без своего гуся за стол не сядем" и т. д. и т. д.

Не довольно ли? Не ясно ли?

Чувство собственного духовного достоинства — есть основа достойного, верного образа действий; основа *здоровой гражданственности, творческого правопорядка, могучей армии, крепкого государства.* Это есть основа *неподкупного, честного* служения церкви, и родине, и всякому Божьему делу на земле, основа того, что я называю предметным поведением в жизни и творчестве: и в политическом творчестве, и в научном; и в художественном, и в хозяйственном.

Силен тот народ, где люди знают, говоря словами Пушкина, "первую науку: чтить самого себя". Но чтить самого себя может только тот, кто *носит в себе Бога* Ибо только ему есть за что себя чтить, и притом не от самомнения, заносчивости или гордыни. Он чтит в себе Божий и ангельский зрак, чтит в себе того, кому заповедано молиться "Отче наш..." и кто этою молитвою утверждает в себе сына Божьего.

Таковы основы духовного характера со всеми их последствиями и проявлениями. Из них проистекает прежде всего умение владеть собою: самому устанавливать для себя закон жизни и поведения и самому свободно этот закон выдерживать и соблюдать (то, что можно передать греческим словом автономия — по-русски буквально *самозаконие).*

Эта автономность характера — это самообладание, этот самоудерж является условием *верности и свободы.* Ибо для того, чтобы блюсти верность церкви, родине, правительству, жене, своему слову, нужна не только преданность сердца, но еще и живая, волевая власть над самим собою, над произволом своего ума, над кипением своих страстей, над своею корыстью и ленью.

Русский человек силен тогда, когда он *целен;* а цельности он достигает прежде всего и больше всего *через свободу* — через внутреннюю *свободу любви и свободу веры.* И замечательно, что этой свободой любви и веры проникнут дух русского православия — этой главной и величайшей воспитательной силы в истории русского народа.

Православие дало русскому народу освобожденную, свободную очевидность, дар и способность: самостоятельно, самодеятельно, самозаконно обращать себя к Богу и к Божьим путям на земле; "повиноваться не только за страх", как говорила первая статья русских основных законов, "но за совесть". И этот драгоценный дар нелицемерного, искреннего, убежденного и преданного повиновения, свободного повиновения, сердечной лояльности, верноподданного и вернопреданного служения необходимо укрепить, осветить, осмыслить и освятить в наших детях и в новых русских поколениях, чтобы строить русский национальный характер на древних непоколебимых и священных традициях нашей веры и нашего бытия.

Но духовный характер дает людям еще одну драгоценную способность — *распознавать людей,* их *духовность,* их *силу,* их *ранг,* их *призвание,* их *верность.* Ибо распознать все это может только тот, кто сам к этому причастен, кто или уже имеет это, или же *упорно и усердно* работает над тем, *чтобы это приобрести.*

Вот почему к организаторской и водительской деятельности призваны именно люди с духовным характером, и только они. Ибо им дано видеть в других людях, *кто* из этих других к *чему призван;* и кто силен, кто слаб; и кто верен, и кто затаил в себе предателя; и кто какой ранг способен понести и вынести. А вне этого не создать никакой могучей и ведущей, жизненно-творческой организации.

В этом отборе людей, который уже начат силою исторических событий и ныне продолжается и совершается сам по себе — решает прежде всего и больше всего критерии жизни и смерти. Ибо эти события — и великая война, и революция, и наше рассеяние — неустанно твердят нам одно: "жить стоит только тем, за что стоит бороться на жизнь и на смерть, за что стоит умереть". Стоит бороться и умереть за Бога, за веру, за духовную свободу, за честь, за родину, за семью; стоит бороться и умереть за свой народ, за его духовную культуру, за его творческую жизнь, за национальное искусство, за национальное достояние, за национального вождя. И новые русские поколения должны внять этому критерию у самой колыбели своей.

Пусть никто не говорит, что это сурово, невозможно и неосуществимо. Ибо, вот смотрите: разве я выдумал эти слова и это требование?.. разве не сама русская история громко твердит их у колыбели новорождающихся русских людей и разве не слышите вы в этих словах как бы некий исторический голос, который сразу обличает наше прошлое малодушие и оскудение и в то же время дает нам обетование неизмеримо большего и прекрасного? Ведь в этом последний, потрясающий смысл всего того, что переживают русские люди под ярмом большевистского террора: "предай и предайся; или закались и воспари; ибо жить стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть"... И не большевики мыслят и говорят это — куда им, слепым кротам материализма! Но в плавильне их зверского террора "дробится стекло" русской духовной бесхарактерности и "куется булат" русского национального характера. И, видя это, можем ли мы сомневаться в том, чем это кончится? И можем ли мы пассивно недоумевать о том, *что* нам надлежит делать?

Мы должны прежде всего и больше всего крепить, растить и углублять русский национальный духовный характер в самих себе, и в других, и в наших детях. В этом залог спасения, *знамя* спасения и утверждения на много десятков лет, на сотни лет вперед. В этом творческая *идея нашего будущего,* в этом критерий нашего успеха. Это мерило для нашего государственного и хозяйственного строя. Здесь источник расцвета русской науки, русского искусства, русской культуры.

И не "приступить" к этому мы должны, ибо мы к этому уже приступили, а сознательно и планомерно, неутомимо предаться этому

Идея духовного характера должна стать и станет в России ведущей идеей, программой, мерой. Бесхарактерность будет мерою неудачи и стыда; характер мерою успеха и почета. От людей, которые не любят ничего высшего и не верят ни во что Божественное, будут сторониться; их будут обходить. С людьми, у которых нет очевидности, не будут разговаривать — ибо с трупами не беседуют. Всюду будут искать людей совестливых и верных. Люди, лишенные чувства собственного достоинства, займут последний ранг в обществе. Люди, не способные к автономному самообладанию, будут обуздываться и клеймиться. Россия вступит в эпоху орденских и рыцарских организаций.

Ибо русские люди поймут и продумают окончательно то, что начали понимать уже и в наши дни: а именно, что один человек с духовным характером есть уже целый остров в бушующем море; и что два таких человека, сговорившихся в крепком и верном, жизненно-смертном единомыслии, образуют начало материка, а орденский союз, сплотившийся из таких людей, может все, и для него *нет невозможного.*

И потому мы теперь же, сегодня же должны — каждый в себе самом, за себя и для себя и в то же время для других и для России — ковать в себе этот духовный характер, измеряя себя и свои поступки этими мерилами: *любви, веры, очевидности, совести, чувства собственного духовного достоинства, автономного самообладания и смертной готовности.* И все это *перед лицом России* — ее исторических судеб, ее трагедии и ее возрождения, ее потребностей, ее грядущих путей, познавая ее через свою собственную душу и познавая себя в ее истории и ее духе.

Итак, спасение России — в воспитании и укреплении *русского национального рыцарства.* В этом все — идея, программа и путь борьбы. Это единственно верное и единственно нужное. Все остальное есть проявление, развитие и последствие этого.

Рыцарский дух, рыцарская дисциплина, рыцарское единение, рыцарская борьба! В мире раздор и смута потому, что люди ищут только "своего" и только "для себя". Смута и раздор потому, что в жадных сердцах нет престола Божия, нет служения и ответственности, а потому нет и спасительной, творческой идеи, которая давала бы не только новую цель и новую программу, но указала бы и новое бытие, и новые формы бытия. Нет в этой идеи *христиански-милосердно-социальной* и в то же время *духовно-правовой, патриотически-государственной и грозной. Да, милосердной и грозной, рыцарской.*

Оставим в стороне другие страны и народы. У них свои язвы, свои беды, свои нужды и свои опасности. Нельзя быть умным и сильным за других. Мы сами — беспризорные дети, и потому не наша печаль чужих детей качать. Оставим до времени все эти общечеловеческие мечты и вселенские химеры, Россия перед нами. А ей необходимо русское рыцарство: *новое служение по-новому служащих новых служилых кадров.*

Быть рыцарем — значит предстоять престолу Божьему; и в этом трепетном предстоянии почерпать бестрепетность для честного и грозного служения.

Быть рыцарем — значит свободно и цельно любить нечто Высшее и связаться с ним через очевидность до одержимости, через веру до волевых поступков.

Быть рыцарем — не значит иметь отвлеченный "идеал", но значит быть верным, сильным и бесстрастным орудием живой идеи, ее носителем до смерти, ее слугою на смерть.

Быть рыцарем — значит закалять свой характер, значит утопить свое малое "я" в великом, национально-патриотическом "Мы" и подчинить свое личное общему спасению.

Быть рыцарем — значит построить свою жизнь на свободном повиновении Предмету и Вождю и поднять забрало навстречу врагу.

Быть рыцарем — не значит "отвергать собственность", но значит оплодотворять ее трудом и преображать щедростью.

Быть рыцарем — значит вносить во все дела дух неуравнивающей справедливости, нести своему народу братство, слабому — защиту, злому — грозу!..

...Невозможно? Неосуществимо? Утопическая мечта? Непосильный идеал?

Смотрите же: весь смысл переживаемой нами смуты в том, чтобы повсюду запылали очаги нового, национально-государственного рыцарства; чтобы разделились вода и огонь; чтобы не погибла Россия от теплоты и сырости, от плесени и грязи...

И не говорите, что "нас мало" и что нельзя нам "переть против рожна". Тех, кто прав, силен и верен, всегда было на свете меньше; и все большие движения всегда начинались скудным меньшинством. Дело не в числе людей, а в их внутренней, духовной силе и в их спайке на жизнь и на смерть. Зверь гораздо сильнее укротителя, но не смеет броситься на него, пока дух укротителя собран и пока не дрогнула сила его взгляда.

Будем же твердо уверены в возрождении России. И доведем себя до очевидности в вопросе о необходимости для России национального духовного характера. И тогда все сложится само собою.

Знаем мы, что русскому человеку в массе нелегко дается сила характера. Но если характер дался и удался русскому человеку, то крепости его искони дивились другие народы.

Читайте историю России и убеждайтесь, что вся она сотворена силою русского духовного характера. От Феодосия Печерского до Сергия, Гермогена и Серафима Саровского; от Мономаха до Петра Великого и до Суворова, Столыпина и Врангеля; от Ломоносова до Менделеева — вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, соблазнами, опасностями и врагами.

Так было. Так будет и впредь. В России зазияла бездна безбожия и жадности, бесчестия и порока. Россия отзовется на это и уже отзывается зарождением рыцарства. Господь подаст нам и умудрения, и силы, и горения, и воли.

Варлам Шаламов

Среди возвращенных отечественной литературе имен имя Варлама Тихоновича Шаламова примечательно особым даром — тайной нравственно-художественного прозрения. Его жизнь, определенная судьбой "на изломе", раскрывает для нас понятность во взаимодействии со временем, а вернее и точнее — со вселенской катастрофой, произошедшей во времени на пространстве и живом теле России.

Будучи незаконно репрессированным, писатель 17 лет провел в лагерях. Известный прежде всего как автор "Колымских рассказов", "Левого берега", "Очерков преступного мира", "Воскрешения лиственницы" Варлам Шаламов сегодня все больше открывается в печати как поэт. Мы возвращаемся к тому, что у истоков творческой биографии художника — вышедшие сборники стихов "Огниво" (1961), "Шелест листьев" (1964), "Дорога и судьба" (1967). И не случайно, должно быть, последним словом его было поэтическое откровение. Предлагаемые читателям "Кубани" стихи В. Шаламова "расслышаны" от него в доме престарелых и инвалидов, где писатель провел остаток жизни. Вряд ли кого они оставят равнодушными, ибо главное в них не "компрессия" (как отзывались медики, в отличие от литераторов, отказавшихся их печатать как "распад"), а вывод "о человеческой жизни, человеческой психике", который, по признанию автора, подсознательно "давно лежит в мозгу" и который "достался ценой большой крови и сбережен, как самое важное..."

Памяти известного русского писателя посвящает редакция публикацию этих предсмертных строк.

1

Послеужинный кейф —
Наше лучшее время,
Открывается сейф
Перед всеми.

Под душой — одеяло,
Кабинет мой рабочий,
По сердцу — карандаши
Днем и ночью.

Мозг работает мой,
Как и раньше — мгновенно,
Учреждая стихи
Неизменно.

2

Наверх выносят плащаницу,
Весьма напоминающую стелу.
Гусей целые вереницы
Плывут над тем Христовым Телом.

Я занят службою Пасхальной,
Стихи читаю в стихаре;
Порядок мира идеальный
По той, мальчишеской поре.

3

Я не хочу прогуливать собак —
Псу жалко
Носить мое бессердие в зубах,
Как палку.

В раю я выбрал самый светлый зал,
Где вербы.
Я сердце сунул — он понюхал зал,
Мой цербер.

Сердечный мускул все-таки не кость...
Помягче будет... И цена ему иная.
Так я вошел — последний райский гость —
Под своды рая.

4

Миллионы прослушал я месс,
Литургий, панихид и обеден,
Миллионы талантливых пьес,
Так что опыт мой вовсе не беден.

Говорят, драматург — Демиург,
Я таким сообщеньям не верю,
Не искал и не знал среди пург,
Среди бешенства белого зверя...

Совершив многолетний пробег
Леденящих дыханье движений,
Не прибег к покровительству нег
И подобных ему учреждений.

Я сражался один на один
С этим снежным клокочущим зверем,
И таким я дожил до седин,
До подсчета последним потерям.

5

Лермонтов дал звуковые повторы,
Терек царицы Тамары воспел,
Демонов вывел целую свору,
Хоть пополуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.
Я — безбожник лермонтовского склада,
Был богоборец, а не аферист...
Он, как герои его "Маскарада",
Был перед истиной чист.

6

Я на бреющем полете
Землю облетаю —
Велика ль земли забота
Я и сам не знаю.

Мы силою не женской
Устраняем думы,
Мы не самосожженцы
И не Аввакумы.

Иван Солоневич

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ*

В срывах и взлетах советской жизни, где срыв — это смерть, а взлет — немного тепла, кусок хлеба и несколько минут сознания безопасности, я сейчас чувствую себя на каком-то взлете, несколько фантастическом.

Возвращаюсь в УРЧ в каком-то тумане. На улице уже темновато. Меня окликает резкий, почти истерический, вопросительный возглас Юры:

— Ватик? Ты?

Я оборачиваюсь. Ко мне бегут Юра и Борис. По лицам их я вижу: что-то случилось. Что-то очень тревожное.

— Что, Ва, выпустили?

— Откуда выпустили?

— Ты не был арестован?

— И не собирался, — неудачно иронизирую я.

— Вот сволочи! — с сосредоточенной яростью и вместе с тем с каким-то мне еще непонятным облегчением говорит Юра. — Вот сволочи!

— Подожди, Юрчик, — говорит Борис. — Жив, и не в третьей части, и слава тебе, господи. Мне в УРЧ Стародубцев и прочие сказали, что ты арестован самим Якименко, начальником третьей части и патрулями.

— Стародубцев сказал?

— Да.

У меня к горлу подкатывает острое желание обнять Стародубцева и прижать его так, чтобы и руки, и грудь чувствовали, как медленно хрустит его позвоночник. Что должны были пережить Юра и Борис за те часы, что я сидел у Якименко, пил чай и вел хорошие разговоры?

Но Юра уже дружественно тычет меня кулаком в живот, а Борис столь же дружественно обнимает меня своей пудовой лапой. У Юры в голосе слышны слезы. Мы торжественно в полутьме вечера целуемся, и меня охватывает огромное чувство и нежности, и уверенности. Вот здесь два самых моих близких и родных человека на этом весьма неуютно оборудованном земном шаре. И неужели же мы, при нашей спайке, при абсолютном "все за одного и один за всех" пропадем? Нет, не может быть. Нет, не пропадем!

Мы тискаем друг друга и говорим разные слова, милые, ласковые и совершенно бессмысленные для всякого постороннего уха, наши семейные слова. И как будто тот факт, что я еще не арестован, что-нибудь предрешает для завтрашнего дня; ведь ни Борис, ни Юра о якименковском "плюньте" не знают еще ничего. Впрочем, здесь действительно carpe diem: сегодня живы, и то слава богу.

...Разговор с Якименко, точно списанный со страниц Шехерезады, сразу ликвидировал все: и донос, и третью часть, и перспективы — или стенки, или побега на верную гибель, активистские поползновения и большую часть работы в урчевском бедламе.

Вечерами вместо того, чтобы коптиться в махорочных туманах УРЧ, я сидел в комнате Якименко, пил чай с печеньем и выслушивал якименковские лекции о лагере. Их теоретическая часть, в сущности, ничем не отличалась от того, что мне в теплушке

* Продолжение. Начало в № 1 — 6.

рассказывал уголовный коновод Михайлов. На основании этих сообщений я писал инструкции. Якименко предполагал издать их для всего ББК и даже предложить Гулагу. Как я узнал впоследствии, он так и поступил. Авторская подпись была, конечно, его. Скромный капитал своей корректности и своего печенья он затратил не зря.

БАМ — БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ

МАРКОВИЧ ПЕРЕКОВЫВАЕТСЯ

Шагах в двухстах от УРЧ стояла старая, схилившаяся набок бревенчатая избушка. В ней помещалась редакция лагерной газеты "Перековка", с ее редактором Марковичем, поэтом и единственным штатным сотрудником Трошиным, наборщиком Мишей и старой разболтанной бостонкой. Когда мне удавалось вырваться из урчевского бедлама, я нырял в низенькую дверь избушки и отводил там свою наболевшую душу. Там можно было посидеть полчаса-час вдали от урчевского мата, прочесть московские газеты и почерпнуть кое-что из житейской мудрости Марковича.

О лагере Маркович знал все. Это был благодушный американизированный еврей из довоенной еврейской эмиграции в Америку.

— Если вы в вашей жизни не видали настоящего идиота, так смотрите, пожалуйста, на меня.

Я смотрел. Но ни в плюгавой фигурке Марковича, ни в его устало-насмешливых глазах не было ничего особенно идиотского. Маркович лет семь тому назад перебрался сюда из Америки. "Мне, видите ли, кусочек социалистического рая пощупать захотелось. А? Как вам это нравится? Ну, не идиот?"

Было у него 27 000 долларов, собранных на ниве какой-то комиссионерской деятельности. Само собою разумеется, что на советской границе ему эти доллары обменяли на советские рубли.

— Ну, вы понимаете, тогда я совсем, как баран, был. Словом, обменяли. Потом обложили. Потом снова обложили так, что я пришел в финотдел и спрашиваю: так сколько же вы мне самому оставить собираетесь — я уже не говорю в долларах, а хотя бы в рублях? Или мне, может быть, к своим деньгам еще и приплачивать придется? Ну, они меня выгнали вон. Короче говоря, у меня уже через полгода ни копейки не осталось. Чистая работа. Хе. Ничего себе шуточки — 27 тысяч долларов!

Сейчас Маркович редактировал "Перековку". Перековка — это лагерный термин, обозначающий перевоспитание, перековку всякого рода правонарушителей в честных советских граждан. Предполагается, что советская карательная система построена не на наказании, а на перевоспитании человеческой психологии, и что вот этакий каторжный лагерный труд в голоде и холоде возбуждает у преступников творческий энтузиазм, пафос построения бесклассового социалистического общества, и что, проработав этаким способом лет шесть-восемь, человек, ежели не подохнет, вернется на волю, переполненный трудовым рвением и коммунистическими инстинктами. "Перековка" в кавычках была призвана славословить перековку без кавычек.

Нужно отдать справедливость, "Перековка" даже и по советским масштабам была потрясающе паршивым листком. Ее содержание сводилось к двум моментам: энтузиазм и доносы. Энтузиазм испущал сам Маркович, для доносов существовала сеть лагкоров — лагерных корреспондентов, которая вынюхивала всякие позорящие факты насчет недовыработки норм, полового сожительства, контрреволюционных заговоров, выпивок, соблюдения религиозных обрядов, отказов от работы и прочих грехов лагерной жизни.

— Вы знаете, Иван Лукьянович, — говорил Маркович, задумчиво взирая на свое творение, — вы меня извините за выражение, но такой газеты в приличной стране и в уборную не повесят.

— Так бросьте ее к черту!

— Хе. А что я буду без нее делать? Надо же мне свой срок отрабатывать. Раз я уже попал в социалистический рай, так нужно быть социалистическим святым. Здесь

же вам не Америка. Это я уже знаю, за эту науку я заплатил тысяч тридцать долларов и пять лет каторги. И еще лет пять осталось сидеть. Почему я должен быть лучше Горького? Скажите, кстати, вот вы недавно с воли, ну, что такое Горький? Ведь это же писатель?

— Писатель, — подтверждаю я.

— Это же все-таки не какая-нибудь совсем сволочь; ну, я понимаю — я. Так я ведь на каторге. Что я сделаю? И вы знаете, возьмите медгорскую "Перековку" (центральное издание в Медгоре), так она, ей-богу, еще хуже моей. Ну, конечно. И я уже не краснею. Какие-нибудь там доносы, если они вредные, так я их не пускаю, ну, и все такое. Так я — каторжник. А Горький? В чем дело с Горьким? Что, у него денег нет? Или он на каторге сидит? Он же старый человек, зачем ему в проститутки идти?

— Можно допустить, что он верит во все, что пишет. Вот вы ведь верили, когда сюда ехали?

— Ну, это вы оставьте. Я верил ровно два дня.

— Да. Вы верили, пока у вас не отняли денег. Горький не верил, пока ему не дали денег. Деньги определяют бытие, а бытие определяет сознание, — иронизирую я.

— Гм. Так вы думаете, деньги? Слава? Реклама? Не знаю. Только, вы знаете, когда я начал редактировать эту "Перековку", так мне сначала было стыдно по лагерю ходить. Потом — ничего, привык. А за Горького, так мне до сих пор стыдно.

— Не вам одному.

В комнатушку Марковича, в которой стояла даже кровать, неслыханная роскошь в лагере, удирал из УРЧ Юра, забегал с Погры Борис. Затапливали печку. Мы с Марковичем сворачивали по грандиозной козьей ножке, гасили свет, чтобы со двора даже через заклеенные бумагой окна не было видно, усаживались "у камина" и отводили душу.

— А вы говорите, лагерь, — начинал Маркович, пуская в печку клуб махорочного дыма. — А кто в Москве имеет такую жилплощадь, как я в лагере? Я вас спрашиваю, кто? Ну, Сталин. Ну, еще тысяча человек. Я имею в виду отдельную комнату. Я имею хороший обед. Ну, конечно, по блату, но имею. А что, вы думаете, если мне завтра нужны новые штаны, так я штанов не получу? Я их получу. Не может же советское печатное слово ходить без штанов! И потом, вы меня слушайте, товарищи, я, ей-богу, стал умный: знаете, что в лагере совсем-таки хорошо? Знаете? Нет? Так я вам скажу. Это — ГПУ.

Маркович обвел нас победоносным взглядом.

— Вы не смейтесь. Вот вы сидите в Москве, и у вас начальство — раз, профсоюз — два, комячейка — три, домком — четыре, жилкооп — пять, ГПУ — и шесть, и семь, и восемь. Скажите, пожалуйста, что вы, живой человек или протоплазма? А если вы живой человек, так как вы можете разорваться на десять частей? Начальство требует одно, профсоюз требует другое, домком же вам вообще жить не даст. ГПУ ничего не требует, и ничего не говорит, и ничего вы о нем не знаете. Потом раз — и летит Иван Лукьянович, ну, вы знаете, куда. Теперь возьмите в лагере. Ильиных — начальник отделения. Он — мое начальство, он — мой профсоюз, он — мое ГПУ, он — мой царь, он — мой бог. Он может со мною сделать все, что захочет. Ну, конечно, хорошенькой женщины он из меня сделать не сможет. Но, скажем, он из меня может сделать не мужчину, вот посидите вы с годик на Лесной Речке, так я посмотрю, что от такого бугая, как вы, останется. Но, спрашивается, зачем Ильиных гноить меня на Лесной Речке или меня расстреливать? Я знаю, что ему от меня нужно. Ему нужен энтузиазм. Вот, постойте, я вам прочту.

Маркович поворачивается и извлекает откуда-то из-за спины со стола клочок бумаги с отпечатанным на нем заголовком.

— Вот, послушайте: "Огненным энтузиазмом ударники Беломорстроя поджигают большевистские темпы Подпорожья". Что, плохо?

— Н-да. Заворочено здорово, — с сомнением откликается Борис. — Только вот насчет "поджигают" — как-то не того.

— Не того? Ильиных нравится? Нравится. Ну и черт с ним, с вашим "не того".

Что вы думаете, я в Нобелевскую премию лезу? Мне дай бог из лагеря вылезти. Так вот, я вам и говорю. Если вам в Москве нужны штаны, так вы идете в профком и клянчите ордер. Так вы этого ордера там не получаете. А если получаете ордер, так не получаете штанов. А если вы такой счастливый, что получаете штаны, так или не тот размер, или на зиму — летние, а на лето — зимние. Словом, это вам не штаны, а болезнь. А я приду к Ильиных, он мне записку и — кончено. Маркович ходит в штанах и не конфузится. И никакого ГПУ я не боюсь. Во-первых, я все равно уже в лагере, так мне вообще более или менее наплевать. А во-вторых, лагерное ГПУ — это сам Ильиных. А я его вижу, как облупленного. Вы знаете, если уж непременно нужно, чтобы было ГПУ, так уж пусть оно будет у меня дома. Я по крайней мере буду знать, с какой стороны оно кусается, так я его с той самой стороны за пять верст обойду.

Борис в это время переживал тяжкие дни. Если мне было тошно в УРЧ, где загубленные человеческие жизни смотрели на меня только этакими растрепанными символами из ящиков с личными делами, то Борису приходилось присутствовать при ликвидации этих жизней совсем в реальности, без всяких символов. Лечить было почти нечем. И кроме того, ежедневно в санитарную ведомость лагеря приходилось вписывать цифру, обычно однозначную, сообщаемую из третьей части и означающую число расстрелянных. Где и как их расстреливали, официально оставалось неизвестным. Цифра эта проставлялась в графу "Умершие вне лагерной черты", и Борис на соответственных личных карточках должен был изобретать диагнозы и писать exitus lactalis. Это были расстрелы втихомолку — самый распространенный вид расстрела в СССР.

Борис — не из унывающих людей. Но и ему, видимо, становилось невмоготу. Он пытался вырваться из санчасти, но врачей было мало, и его не пускали. Он писал в "Перековку" призывы насчет лагерной санитарии, ибо близилась весна, и что будет в лагере, когда растают все эти уборные, страшно было подумать. Маркович очень хотел перетащить его к себе, чтобы иметь в редакции хоть одного грамотного человека, сам-то он в российской грамоте был не очень силен, но этот проект имел мало шансов на осуществление. И сам Борис не очень хотел окунаться в "Перековку", и статьи его приговора представляли весьма существенное препятствие.

— Эх, Борис Лукьянович, и зачем вы занимались контрреволюцией? Ну, что вам стоило просто зарезать человека? Тогда вы были бы здесь социально близким элементом, и все было бы хорошо. Но статьи — это уж я устрою. Вы только из санчасти выкрутитесь... Ну, я знаю как? Ну, дайте кому-нибудь вместо касторки стрихнина... Нет ни касторки, ни стрихнина? Ну, так что-нибудь в этом роде. Вы же врач, вы же должны знать. Ну, отрежьте вместо отмороженной ноги здоровую. Ничего, вам не влетит, только с работы снимут, а я вас сейчас же устрою... Нет, шутки шутками, а надо же как-то друг другу помогать. Но только куда я дену Трошина? Ведь он же у меня в самых глубоких печенках сидит.

Трошин был поэт колоссального роста и оглушительного баса. Свои неизвестные мне грехи он замаливал в стихах, исполненных нестерпимого энтузиазма. И кроме того, "пригвождал к позорному столбу", или, как говорил Маркович, к позорным столбцам "Перековки" всякого рода прогульщиков, стяжателей, баптистов, отказчиков, людей, которые молятся, и людей, которые "сожительствуют в половом отношении", ну, и прочих грешных мира сего. Он был густо глуп и приводил Марковича в отчаяние.

— Ну, вы подумайте. Ну, что я с ним буду делать? Вчера было узкое заседание: Якименко, Ильиных, Богоявленский — самая, знаете, верхушка. И мы с ним от редакции были. Ну, так что вы думаете? Так он стал опять про пламенный энтузиазм орать. Как бык орет. Я уж ему на ногу наступал: мне же неудобно, это же мой сотрудник.

— Почему же неудобно? — спрашивает Юра.

— Ох, как же вы не понимаете? Об энтузиазме можно орать, ну, там в газете, ну, на митинге. А тут же люди свои. Что, они не знают? Это же вроде старорежимного молебна: никто не верит, а все ходят. Такой порядок.

— Почему же никто не верит?

— Ой, господи! Что, губернатор верил? Или вы верили? Хотя вы уже после молебнов

родились. Ну, все равно. Словом, нужно же понять, что если я, скажем, перед Якименко буду орать про энтузиазм, а в комнате никого больше нет, так Якименко подумает, что или я дурак, или я его за дурака считаю. А потом Трошина спросил: так кто же, по его, больше дурак — Якименко или он сам? Ну, так он меня матом обложил. А Якименко меня сегодня спрашивает: что это у вас за... как это... орясина завелась? Скажите, кстати, что такое орясина?

Я по мере возможности объяснил.

— Ну, вот. Конечно, орясина. Мало того, что он меня дискредитирует, так он меня еще закопает. Ну, вот смотрите. Вот его заметка. Я ее, конечно, не помещу. Он, видите ли, открыл, что завхоз сахар крадет. А? Как вам нравится это открытие? Подумаешь, Христофор Колумб нашелся. Без него, видите ли, никто не знал, что завхоз не только сахар, а что угодно ворует. Но черт с ней, с заметкой. Я ее не помещу — и точка. Так этот, как вы говорите? Орясина? Так эта орясина ходит по лагерю и, как бык, орет, какой я активный! Я разоблачил завхоза, я открыл конкретного носителя зла. Я ему говорю: вы сами, товарищ Трошин, конкретный носитель идиотизма.

— Но почему же идиотизма?

— Ох, вы меня, Юрочка, извините, но только вы еще совсем молодой. Уж раз он завхоз, так как же он может не красть?

— Но почему же не может?

— Вам все почему да почему. Знаете, как у О'Генри: "Папа, а почему в дыре ничего нет?" Потому и нет, что она дыра. Потому он и крадет, что он завхоз. Вы думаете, что если к нему придет начальник лагпункта и скажет, дай мне два кила, так завхоз может ему не дать? Или вы думаете, что начальник лагпункта пьет чай только со своим пайковым сахаром?

— Ну, если не даст, снимут его с работы.

— Ох, я же вам говорю, что вы совсем молодой.

— Спасибо.

— Ничего, не плачьте. Вот еще поработаете в УРЧ, так вы еще на пол-аршина вырастите. Что, вы думаете, что начальник лагпункта — это такой же дурак, как Трошин? Вы думаете, что начальник лагпункта может устроить так, чтобы уволенный завхоз ходил по лагерю и говорил: вот я не дал сахару, так меня сняли с работы! Вы эти самые карточки в УРЧ видели? Так вот, карточка завхоза попадет на первый же этап на Морсплав или какую-нибудь там Лесную Речку. Ну, вы, вероятно, знаете уже, как это делается. Так ночью завхоза разбудят, скажут: собирай вещи, а утром поедет себе завхоз к чертовой матери. Теперь понятно?

— Понятно.

— А если завхоз ворует для начальника лагпункта, то почему он не будет воровать для начальника УРЧ? Или почему он не будет воровать для самого себя? Это же нужно понимать. Если Трошин разорячтся, что какой-то там урка филонит, а другой урка перековался, так от этого же никому ни холодно, ни жарко. И одному урке плевать: он всю свою жизнь филонит, и другому урке плевать: он всю свою жизнь воровал и завтра опять проворуется. Ну, а завхоз? Я сам из-за этого десять лет получил.

— То есть, как так из-за этого?

— Ну, не из-за этого. Ну, в общем был заведующим мануфактурным кооперативом. Там же тоже есть вроде нашего начальника лагпункта. Как ему не дашь? Одному дашь, другому дашь, а всем ведь дать нельзя. Ну, я еще тоже молодой был. Хе. Даром, что в Америке жил. Ну, вот и десять лет.

— И, так сказать, не без греха?

— Знаете что, Иван Лукьянович, чтобы доказать вам, что без греха — давайте чай пить с сахаром. Мишка сейчас чайник поставит. Так вы увидите, что я перед вами не

хочу скрывать даже лагерного сахара. Так зачем же бы я стал скрывать нелегальную мануфактуру, за которую я уже все равно пять лет отсидел? Что, не видел я этой мануфактуры? Я же из Америки привез костюмов — на целую Сухаревку хватило бы. Теперь я живу без американских костюмов и без американских правил. Как это говорит русская пословица: а чужой монастырь со своей женой не суйся. Так? Кстати, о жене: мало того, что я, дурак, сюда приехал, так я, идиот, приехал сюда с женой.

— А теперь ваша жена где?

Маркович посмотрел в потолок.

— Вы знаете, Иван Лукьянович, зачем спрашивать о жене человека, который уже шестой год сидит в концлагере? Вот я через пять лет о вашей жене спрошу.

МИШКИНА КАРЬЕРА

Миша принес чайник, наполненный снегом, и поставил его на печку.

— Вот вы этого парня спросите, что он о нашем поэте думает, — сказал Маркович по-английски.

Приладив чайник на печку, Миша стал запихивать в нее бревно, спертое давеча из разоренной карельской избушки.

— Ну, как вы, Миша, с Трошиным уживаетесь? — спросил я.

Миша поднял на меня свое вихрастое, чахоточное лицо.

— А что мне с ним уживаться? Бревно и бревно. Вот только в третью часть бегает.

Миша был парнем великого спокойствия. После того, что он видел в лагере, мало осталось в мире вещей, которые могли бы его удивить.

— Вот, тоже, — прибавил он, помолчавши. — Приходит давеча сюда, никого не было, только я. Ты, говорит, Миша, посмотри, что с тебя советская власть сделала. Был ты, говорит, Миша, беспризорным. Был ты, говорит, Миша, преступным элементом. А вот тебя советская власть в люди вывела, наборщиком сделала.

Миша замолчал, продолжая ковыряться в печке.

— Ну, так что?

— Что? Сукин он сын, вот что.

— Почему же сукин сын?

Миша снова помолчал.

— А беспризорником-то меня кто сделал? Папа и мама? А от кого у меня чахотка третьей степени? Тоже награда, подумаешь? Через полгода выпускают, а мне всего год жить осталось. Что же он, сукин сын, меня агитирует? Что он с меня дурака разыгрывает?

Миша был парнем лет двадцати, тощим, бледным, вихрастым. Отец его был мастером на Николаевском судостроительном заводе. Был свой домик, мать, сестры. Мать померла, отец повесился, сестры "смылись" неизвестно куда. Сам Миша пошел "по всем дорогам", попал в лагерь, а в лагере попал на лесозаготовки.

— Как поставили меня на норму, тут, вижу я, здоровые мужики, привычные, и то не вытягивают. А куда же мне? На меня дунь — свалюсь. Бился я, бился, да так и попал за филонство в изолятор, на 200 грамм хлеба в день и ничего больше. Ну, там бы я и загиб, да, спасибо, один старый соловчанин подвернулся, так он меня научил, чтобы воды не пить. Потому от голода опухлость по всему телу идет. От голода пить хочется, а от воды опухлость еще больше. Вот, как она до сердца дойдет, тут, значит, и крышка. Ну, я пил совсем помалу. Так, по полстакана в день. Однако нога в штанину уже не влезала. Посидел я так месяц, другой... Ну, вижу, пропадать приходится, никуда не денешься. Да, спасибо, начальник добрый попался. Вызывает меня. Ты, говорит, филон. Ты, говорит, работать не хочешь, я тебя на корню сгною. Я ему говорю: вы, гражданин начальник, только на мои руки посмотрите. Куда мне с такими руками семь с половиной кубов напилить и нарубить. Мне, говорю, все одно погибать — чи так, чи этак. Ну, пожалел, перевел в слабосилку.

Из слабосилки Мишу вытянул Маркович, обучил его наборному ремеслу, и с тех пор Миша пребывает при нем неотлучно.

По легких у Миши практически уже нет. Борис его общупывал и обстукивал, снабжал его рыбьим жиром. Миша улыбался своей тихой улыбкой и говорил:

— Спасибо, Борис Лукьянович, вы уж кому-нибудь другому лучше дайте. Мне это все одно уж поздно.

Потом я как-то подсмотрел такую сценку.

Сидит Миша на крылечке своей "типографии" в своем рваном бушлатике, весь зеленый от холода. Между его коленями стоит местная деревенская "вольная" девчушка, лет этак десяти, рваная, голодная и босая. Миша осторожненько наливает рыбий жир на ломтик хлеба и кормит этими бутербродами девчушку. Девчушка глотает жадно, почти не пережевывая, и в промежутках между глотками скулит:

— Дяденька, а ты мне с собой хлебца дай.

— Не дам. Я знаю, ты матке отдашь. А матка у тебя старая. Ей, что мне, все равно помирать. А ты вот кормиться будешь — большая вырастешь. На, ешь.

Борис говорил Мише всякие хорошие вещи о пользе глубокого дыхания, о солнечном свете, о силах молодого организма — лечение, так сказать, симпатическое, внушением. Миша благодарно улыбался, но как-то наедине, застенчиво и, запинаясь, сказал мне:

— Вот, хорошие люди и ваш брат, и Маркович. Душевные люди. Только зря они со мною возжаются.

— Почему же, Миша, зря?

— Да я же через год все равно помру. Мне тут старый доктор один говорил. Разве ж с моей грудью можно выжить здесь? На воле, вы говорите? А что на воле? Может, еще голоднее будет, чем здесь. Знаю я волю. Да и куда я там пойду? И вот Маркович. Душевный человек. Только вот, если бы он тогда меня из слабосилки не вытянул, я бы уже давно помер. А так вот еще мучаюсь. И еще с годик придется помучиться.

В тоне Миши был упрек Марковичу. Почти такой же упрек, только в еще более трагических обстоятельствах, пришлось мне услышать на этот раз по моему адресу от профессора Авдеева. А Миша а мае помер. Года промучиться еще не пришлось.

НАБАТ

Так мы проводили наши редкие вечера у печки товарища Марковича, то опускаясь в философские глубины, то возвращаясь к прозаическим вопросам о лагере, о еде, о рыбьем жире. В эти времена рыбий жир спасал нас от окончательного истощения. Если для среднего человека канцелярская кухня означала стабильное недоедание, то, скажем, для Юры с его растущим организмом и пятью с половиной пудами весу лагерное меню грозило полным истощением. Всякими правдами и неправдами (преимущественно, конечно, неправдами) мы добывали рыбий жир и делали так: в миску крошилось с полфунта хлеба и наливалось с полстакана рыбьего жиру. Это казалось необыкновенно вкусным, в такой степени, что Юра проектировал, когда переберемся за границу, обязательно будем устраивать себе такой пир каждый день. Когда перебрались, попробовали. Ничего не вышло.

К этому времени горизонты наши прояснились, будущее стало казаться полным надежд, и мы, изредка выходя на берег Свири, оглядывали прилегающие леса и вырабатывали планы переправы через реку, на север, в обход Ладожского озера — тот приблизительно маршрут, по которому впоследствии пришлось идти Борису... Все казалось прочным и урегулированным.

Однажды мы сидели у печки Марковича. Сам он где-то мотался по редакционно-агитационным делам. Поздно вечером он вернулся, погрел у огня иззябшие руки, выглянул в соседнюю дверь, в наборную и таинственно сообщил:

— Совершенно секретно: едем на БАМ.

Мы, разумеется, ничего не понимали.

— На БАМ. На Байкало-Амурскую магистраль. На Дальний Восток. Стратегическая перестройка. Свирьстрой к черту. Подпорожье к черту. Все отделения сворачиваются. Все, до последнего человека, на БАМ.

По душе пробежал еще неопределенный холодок. Вот и поворот судьбы лицом к деревне. Вот и мечты, планы, маршруты и "почти обеспеченное бегство". Все это летело в таинственную и жуткую неизвестность этого набатного звука БАМ. Что же дальше?

Дальнейшая информация Марковича была несколько сбивчива. Начальником отделения получен телеграфный приказ о немедленной, в течение двух недель, переброске не менее 35 000 заключенных со Свирьстроя на БАМ. Будут брать, видимо, не всех, но кого именно — неизвестно. Не очень известно, что такое БАМ. Не то стройка второй колеи Амурской железной дороги, не то новый путь от северной оконечности Байкала по параллели к Охотскому морю. И то, и другое приблизительно одинаково скверно. Но хуже всего дорога. Не меньше двух месяцев езды.

Я вспомнил наши кошмарные пять суток этапа от Ленинграда до Свири, помножил эти пять суток на 12 и получил результат, от которого по спине поползли мурашки. Два месяца! Да кто же это выдержит? Маркович казался пришибленным, да и все мы чувствовали себя придавленными этой новостью. Каким-то еще не снившимся кошмаром вставали эти шестьдесят суток заметенных пургой полей, ледяного ветра, прорывающегося в дыры теплушек, холода, голода, жажды. И потом БАМ. Какие-то якутские становища в страшной Забайкальской тайге. Новостройки на трупах. Как было на канале, о котором один старый беломорстроевец говорил мне: "Тут, братишка, на этих самых плотинах больше людей в землю вогнано, чем бревен..."

Оставался, впрочем, маленький просвет: эвакуационным директором Подпорожья назначался Якименко. Может быть, тут удастся что-нибудь скомбинировать. Может быть, опять какой-нибудь Шпигель подвернется. Но для меня все эти просветы были неясны и нереальны. БАМ же встал перед нами зловещей и реальной массой, навалившейся на нас так же внезапно, как чекисты в вагоне номер 13.

ЗАРЕВО

Совершенно секретная информация о БАМе на другой день стала известна всему лагерю. Почти пятидесятитысячная "трудовая" армия стала, как вкопанная. Был какой-то момент нерешительности, колебания, и потом все сразу полетело ко всем чертям.

В тот же день, когда Маркович ошарашил нас этим БАМом, из Ленинграда, Петрозаводска и Медвежьей горы в Подпорожье прибыли и новые части войск ГПУ. Лагерные пункты были окружены плотным кольцом ГПУских застав и патрулей. Костры этих застав окружали Подпорожье заревом небывалых пожаров. Движение между лагерными пунктами было прекращено. По всякой человеческой фигуре, показывающейся вне дорог, заставы и патрули стреляли без предупреждения. Таким образом, в частности, было убито десятка полтора местных крестьян, но в общих издержках революции эти трупы, разумеется, ни в какой счет не шли.

Над тысячами метров развешанных в бараках и на бараках, протянутых над лагерными улицами полотнищ с лозунгами о перековке и переплавке, строительстве социализма и бесклассового общества, о мировой революции трудящихся и о прочем, над всеми нами, над всем лагерем точно повис багровой спиралью один-единственный, невидимый, но самый действенный: "Все равно пропадать".

Работы в лагере были брошены все. На местах работ были брошены топоры, пилы, ломы, лопаты, сани. В ужасающем количестве появились саморубы. Старые лагерники,

зная, что значит двухмесячный этап, рубили себе кисти рук, ступни, колени, лишь бы только попасть в амбулаторию и отвертеться от этапа. Начали совершенно бессмысленные кражи и налеты на склады и магазины. Люди пытались попасть в штрафной изолятор и под суд, лишь бы уйти от этапа. По саморубов приказано было в амбулаторию не принимать, налетчиков стали расстреливать на месте.

"Перековка" вышла с аншлагом о том энтузиазме, с которым "ударники Свирьстроя будут поджигать большевистские темпы БАМа", о великой чести, выпавшей на долю бамовских строителей, и — что хуже всего — о льготах. Приказ Гулага обещал ударникам БАМа неслыханные льготы: сокращение срока заключения на одну треть и даже наполовину, перевод на колонизацию, снятие судимости. Льготы пронеслись по лагерю, как похоронный звон над заживо погребенными: советская власть даром ничего не обещает. Если дают обещания, значит, что условия работы будут неслыханными, и никакие, значит, обещания не будут выполнены. Когда же советская власть выполняет свои обещания? Лагпунктами овладело безумие.

Бригада плотников на втором лагпункте изрубила топорами чекистскую заставу и, потеряв при этом 11 человек убитыми, пропала в лес. Лес был завален метровым слоем снега. Лыжные команды ГПУ в тот же день настигли прорвавшуюся бригаду и ликвидировали ее на корню. На том же лагпункте ночью спустили под откос экскаватор, он проломил своей страшной тяжестью полуметровый лед и разбился о камни реки. На третьем лагпункте взорвали два локомобиля. Три трактора-тягача, неизвестно кем пущенные, но без водителей, прошли железными привидениями по Погре, один навалился на барак столовой и раздавил его, два других свалились в Свирь и разбились. Низовая администрация какими-то таинственными путями, видимо, через урок и окрестных крестьян, распродавала на олонецком базаре запасы лагерных баз и пила водку. У погрузочной платформы железнодорожного тупичка подожгли колоссальные склады лесоматериалов. В двух-трех верстах можно было читать книгу.

Чудовищные зарева сполохами ходили по низкому зимнему небу, трещала винтовочная стрельба, ухал разворованный рабочими аммонал. Казалось, для этого затерянного в лесах участка божией земли наступили последние дни.

О КАЗАНСКОЙ СИРОТЕ И О КАЧЕСТВЕ ПРОДУКЦИИ

Само собою разумеется, что в отблесках этих зарев коротенькому промежутку относительно мирного житья нашего пришел конец. Если на лагерных пунктах творилось нечто апокалипсическое, то в УРЧ воцарился окончательный сумасшедший дом. Десятки пудов документов только что прибывших лагерников еще валялись неразобранными кучами, а всю работу УРЧ надо было перестраивать на ходу, вместо организации браться за эвакуацию. Картотеки, формуляры, колонные списки — все это смешалось в гигантский бумажный ком, из которого ошалелые урчевцы извлекали наугад первые попавшиеся под руку бумажные символы живых людей и наспех составляли списки первых эшелонов. Эти списки посылались начальникам колонн, а начальники колонн о поименованных в списке людях и слыхом не слыхали. Железная дорога подавала составы, но грузить их было некем. Потом, когда было кем грузить, не было составов. Низовая администрация, ошалелая, запуганная "боевыми приказами", движимая тем же лозунгом, что и остальные лагерники, — "Все равно пропадать", — пьянствовала и отсыпалась по всякого рода потаенным местах. На тупичках Погры торчало уже шесть составов. Якименко рвал и метал. ВОХР сгонял к составам толпы захваченных в порядке облав заключенных. Бамовская комиссия отказывалась принимать их без документов. Какие-то сообразительные ребята из подрывников взорвали уворованным аммоналом железнодорожный мостик, ведущий от Погры к магистральным путям. Над лесами выла вьюга. В леса, топорами

прорубая пути сквозь чекистские заставы, прорывались целые бригады в расчете где-то отсидеться эти недели эвакуации, потом явиться с повинной, получить лишние пять лет отсидки, но все же увернуться от БАМа.

Когда плановый срок эвакуации уже истекал, из Медгоры прибыло подкрепление — десятков пять работников УРО, специалистов учетно-распределительной работы, еще батальон войск ГПУ и сотня собак-ищеек.

На лагпунктах и около лагпунктов стали расстреливать без всякого зазрения совести.

Урчевский актив переживал дни каторги и изобилия. Спали только урывками, обычно здесь же на столах или под столами. Около УРЧ околачивались таинственные личности из наиболее оборотистых и "социально близких" урок. Личности эти подносили активу подношения от тех людей, которые надеялись бутылкой водки откупиться от отправки или по крайней мере от отправки с первыми эшелонами. Якименко внюхивался в махорочно-сивушные ароматы УРЧ, сажал под арест, но сейчас же выпускал: никто, кроме Стародубцева и иже с ним, никакими усилиями не мог определить, в каком, хотя бы приблизительно, углу валяются документы, скажем, третьего смоленского или шестого ленинградского эшелона, прибывшего в Подпорожье месяц или два тому назад.

Мои экономические, юридические и прочие изыскания были ликвидированы в первый же день бамовской эпопеи. Я был пересажен за пишущую машинку — профессия, которая оказалась здесь дефицитной. Бывало и так, что я сутками не отходил от этой машинки. Но, боже ты мой, что это была за машинка!

Это было советское изделие советского казанского завода, почему Юра и прозвал ее "казанской сиротой". Все в ней звенело, гнулось и разбалтывалось. Но хуже всего был ее норов. Вот сидишь за этой сиротой, уже полуживой от усталости. Якименко стоит над душой. На какой-то таинственной букве каретка срывается с зубчатки и летит влево. От всех 12 экземпляров этапных списков остаются одни клочки. Якименко испускает сдержанный мат в пространство, многочисленная администрация, ожидающая этих списков для вылавливания эвакуируемых, вздыхает с облегчением: значит, можно поспать. А я сижу всю ночь, перестукивая изорванный список и пытаясь предугадать очередную судорогу этого эпилептического советского недоноска.

О горестной советской продукции писали много. И меня всегда повергали в изумление те экономисты, которые пытаются объять необъятное и выразить в цифровом эквиваленте то, для чего вообще в мире никакого эквивалента нет.

Люди просиживают ночи над всякого рода "казанскими сиротами", летят под откосы десятки тысяч вагонов (по Лазарю Кагановичу — 62 000 крушений за 1935 год, результат качества сормовской и коломенской продукции), ржавеют на своих железных кладбищах сотни тысяч тракторов, сотня миллионов людей надрывается от отупляющей и непосильной работы во всяких советских урчах, стройках, совхозах, лагерях, и все это тонет в великом марксистско-ленинско-сталинском болоте.

И в сущности, все это сводится к проблеме качества. Качество коммунистической идеи неразрывно связано с качеством политики, управления, руководства — и результатов.

И на поверхности этого болота яркими и призрачными цветами маячат разрушающийся и уже почти забытый Турксиб, безработный Днепрострой, никому и ни для чего не нужный Беломорско-Балтийский канал, гигантские заводы — поставщики тракторных и иных кладбищ. И щеголяют в своих кавалерийских шинелях всякие товарищи Якименки — поставщики кладбищ нетракторных.

Должен, впрочем, сознаться, что тогда все эти мысли о качестве продукции — и идейной, и не идейной — мне в голову не приходили. На всех нас надвигалась катастрофа.

ПРОМФИНПЛАН ТОВАРИЩА ЯКИМЕНКО

На всех нас надвигалось что-то столь же жестокое, как и этот ББК. Зарева и стрельба на лагпунктах у нас в управлении отражались беспросветной работой, чудовищным нервным напряжением, дикой суматошной спешкой. Все это было катастрофично. Конечно,

наши личные судьбы в этой катастрофе были для нас самыми болезненными точками, но и бессмысленность этой катастрофы, взятой, так сказать, в социальном разрезе, давила на сознание, как кошмар.

Приказ гласил: отправить в распоряжение БАМа не менее 35 000 заключенных Подпорожского отделения и не более как в двухнедельный срок. Запрещается отправлять всех бывших военных, всех уроженцев Дальнего Востока, всех лиц, кончающих срок наказания до 1 июня 1934 г., всех лиц, осужденных по таким-то статьям, и, наконец, всех больных — по особому списку.

По поводу этого приказа можно было бы поставить целый ряд вопросов. Неужели этих 35 тысяч пар рабочих рук нельзя было найти где-то поближе к Дальнему Востоку, а не перебрасывать их через половину земного шара? Неужели нельзя было подождать тепла, чтобы не везти эти 35 000 людей в заведомо истребительных условиях нашего этапа? Неужели ГПУ не подумало, что в двухнедельный срок такой эвакуации ни физически, ни тактически выполнить невозможно? И, наконец, неужели ГПУ не понимало, что из наличных 45 000 (или около того) заключенных Подпорожского отделения нельзя набрать 35 000 людей, удовлетворяющих требованиям приказа, и в частности людей, хотя бы относительно здоровых?

По существу, все эти вопросы были бессмысленны. Здесь действовала система, рождающая казанских сирот, декоративных гигантов и нетракторные кладбища. Не могло быть особых сомнений и насчет того, как эта система, взятая в общем и целом, отразится на частном случае подпорожской эвакуации. Конечно, Якименко будет проводить свой промфинплан с железной беспощадностью. На посты, вроде якименковского, могут пробраться только люди, этой беспощадностью обладающие. Другие отметаются, так сказать, в порядке естественного отбора. Якименко будет сажать людей в дырявые вагоны, в необорудованные теплушки. Якименко постарается впихнуть в эти эшелоны всех, кого только можно, — и здоровых, и больных. Больные, конечно, не доедут живыми. Но разве хотя бы один раз в истории советской власти человеческие жизни останавливали победно-халтурное шествие хотя бы одного промфинплана?

Окончание следует

Петр Краснов

ОТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА К КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ*

Вечер-"кабаре" при участии лучших петроградских артисток и артистов в пользу семейств убитых того гвардейского полка, которым командовал граф Палтов, был давно и широко задуман графиней Натальей Борисовной. Она постаралась к этому дню собрать возможно больше офицеров из полка и устроила им отпуски, воспользовавшись тем, что полк стоял в резерве. Из запасного батальона были взяты красивые рослые люди. Они были одеты в парадную форму мирного времени, в кивера и мундиры с лацканами и поставлены шпалерами по обоим широким маршам мраморной лестницы особняка графини. Так же, в старую форму, яркую и блестящую, был одет и полный хор музыкантов полка, нарочно присланный к запасному батальону. Веселясь в пользу семейств убитых на войне солдат, делали все возможное, чтобы позабыть об этой войне и вспомнить старое безмятежное время красивых парадов, лихих песен и бравурной музыки.

Ожидалась одна высокопоставленная особа, ожидался начальник кавалерийской дивизии, молодой свитский генерал Саблин, должен был быть генерал Пестрецов и его начальник штаба, генерал Самойлов, надеялись видеть генерала Поливанова и члена Государственной думы четырех созывов Обленисимова и многих крупных общественных деятелей.

Должна была танцевать Преображенская, играть румынский квартет Гулеско, Кноп — рассказывать и петь под гитару, сама хозяйка, графиня Палтова, выступала с несколькими модными романсами и песенками легкого содержания, обещала приехать из Москвы Иза Кремер.

Несмотря на наступившую дороговизну, был заказан роскошный ужин, и по особой протекции добыто шампанское и другие заграничные вина.

Наталья Борисовна, княгиня Репнина, графиня Валерская и старый Мацнев, ставший председателем отделения "земгора", больше месяца готовили этот шикарный вечер-"кабаре", о котором должен был говорить весь Петроград.

Если бы подсчитать все то, что было заплачено художнику за прекрасные афиши, изображавшие солдат в парадной форме, за устройство интимной сцены, за ужин, вина и закуски, за участие артистов и артисток, то на эти деньги можно было бы много лучше обеспечить семьи убитых, чем на ту прибыль, что ожидалась от небольшого числа зрителей, званных по именным билетам. Но графиня Палтова знала, что без этой приманки едой, выпивкой и весельем ей никто не даст нужных денег, что это так принято, и вечер сам по себе занимал ее больше, чем помощь несчастным солдатским семьям.

Начало было назначено в восемь часов, но съезжаться начали только к девяти. Граф и графиня Палтовы и группа офицеров полка встречали гостей на верхней площадке лестницы. На графине Наталье Борисовне был дорогой открытый вечерний туалет, она была причесана у лучшего парикмахера и выглядела красавицей, сверкая белизною плеч и шириною красивой груди. Офицеры были в новомодных френчах с длинными юбками cloche*, в блестящих погонах и блистали различными значками и орденами.

Едва только на первом марше показалась высокая сгорбленная фигура генерала в защитных погонах и с шашкой на защитном ремне, как полковой адъютант сделал знак музыкантам, и оркестр грянул полковой марш.

— Счастлив видеть вас в добром здоровье, — скрипучим голосом проговорил чернобородый генерал, целуя руку Палтовой. — Вы все хорошеете. Так отдыхаешь у вас от всех волнений войны.

За ним, придерживая георгиевское оружие и сверкая Георгиевским крестом на чистом кителе старого покроя со свитскими аксельбантами, все еще молодой от короткой стрижки седеющих волос и от темного, юного загара похудевшего лица, вошел в залу Саблин.

Он поклонился графине и чернобородому генералу.

— А, Саблин, — сказал тот, ласково протягивая широкую руку, — какое чудное дело делает графиня! Сколько слез бедных сирот она утрет

* Продолжение. Начало в № 4—6.

* Колоколом (франц.).

этим роскошным вечером! Как мы отвыкли за эти полтора года от блеска! Пвpадивя форма иаших славных N-цев кажется уже аиахронизмом

Геиералы и офицеры, бывшие в зале, встали и поклонились чернобородому геиералу. Дамы, одни сидя, другие стоя, с любопытством разглядывали его в лорнеты.

— Как он постарел, — сказала красивая сестра милосердия в элегантной, короткой, защитной юбке геиералу Самойлову, стоявшему с ней рядом.

— Да, не легко дается ему борьба на два фронта, Любовь Матвеевна.

— А вы считаете, что он борется? — кокетливо, исподлобья глядя на Самойлова, сказала сестра.

— Конечно, — отвечал Самойлов.

— По-моему, давно плывет по течению.

— С каких пор?

— С той самой поры, как он был уверен, что свалил Свиньина, а Свиньин перебежал ему дорогу и через императрицу свалил его самого.

— Но ведь теперь он достиг желаемого

— Поздно, Николай Захарович. Он достиг, чтобы мстить. Я знаю его татарскую иатуру, он жестоко отомстит. Это один из главных девтелей надвигающейсв революции.

— Шшш, Любовь Матвеевна! В салоне графини Палтовой, в присутстаии почти всего двора и коронованных особ такие страшные слова

— Я говорю то, что все говорят. Этот раут, Николай Захарович, — это пир во время чумы. Это пир Навуходоиосора. Мне все кажется, что раздвинется занавес на сцене и вместо милой графини Палтовой у рояля в увижу чью-то страшную руку, которая напишет: мене, текел, фарес...

— И вам ие страшно?

— И даже очень. Нет, в самом деле, посмотрите, Николай Захарович, ведь это не люди кругом, не русские людн, живущие в столице во время величайшей войны, в это ходячав партия С нами и против нас. У каждого своя платформа, и эта платформа для него все.

— Ну а вы на какой, Любовь Матвеевна? — улыбаясь спросил Самойлов.

— Я?.. Моя платформа — живи и жить давай другим. С тех пор, как муж меня бросил, я должна была что-нибудь делать. Я оглянулась — искать друга, добывать развод, — это всегда роняет. Я пошла по другому пути и, смотрите, как все менв уважают!

— От них же пераым есмь аз. Могу в рассчитывать на вашу благосклонность?

— Если будете паинькой и не будете делать заранее масляных глаз, чего я терпеть не могу. У меня les affaires sont les affaires*!

Темно-синяя бархатная занавесь, украшенная по иизу золотым меандром и бахромою и подвешениая на больших кольцах, медленно раздвинулась на две половины, ио вместо таинственной руки, которую ожидала Любовь Матвеевна, иа сцене появился прапорщик Кноп. В модиом френче, с длинной юбкой, в защитных шароварах и сапогах с гетрами, припомаженный и подвитой, он ие походил на офицера. Это был актер, иеискусно вырядившийся в офицерскую форму. Но главное, тут, на сцеие, при свете рампы, было всно видио, что это ие только офицер, но это развязный и нахальный еврей.

Как он мог попасть в полк? Как мог пробраться в офицеры? Как мог попасть в н а ш полк, думали, глядя на него, граф Палтов и другие кадровые офицеры полка.

Зал затих.

С гитарой в руках, небрежно похаживая вдоль рампы, Кноп ожидал, когда станет совсем темно и тогда вместе с трелью гитары и ударами костяшками пальцев по деке, подобными отдаленному барабанному бою, бросил коротко:

— Солдаты идут!..

Красиво и талантливо он рисовал чувства ребенка, девушки, женщины и старика, стоящих у окна и глядящих на проходящий мимо полк. Искусно поставленный и заглушенный граммофон то играл все удаляющийся пехотный марш, то рассыпался треском барабанов.

— Солдаты идут! Солдаты, солдаты, солдаты идут, играют и поют...

Иллюзия была так сильна, что многие поворачивали головы к задрапированным тяжелыми занавесками окнам.

Едва он кончил и раздались рукоплескаиия и крики "браво", Саблин встал и прошел в маленькую гостиную, бывшую сзади зала. Ему тяжело было видеть все это. Три дня тому назад, отбив спешенными частями своей дивизии страшный штурм германской пехоты, сопровождавшийся ураганным огнем артиллерии, и передав позицию подошедшей на смену армейской пехоте, он отошел в резерв, на тридцать верст в тыл. Перед его глазами все еще стояла последняя картина, которую он наблюдал. Он пропускал мимо себя дивизию на переправе через реку. Река наполовину замерзла, но, замерзая, разлилась, и неуклюжий мост, построенный еще в сентябре казаками, оказался посередине реки. На него въезжали, проваливаясь по конское брюхо, в воду и с него съезжали тоже в воду. Дно было вязкое, болотистое, и проходившие полки растоптали и углубили его. Небо было пасмурно, дул холодный резкий ветер и срывал снежинки. Эскадрон за эскадроном подходили к мосту. Суровые, худощавые солдатские лица хмуро и серьезно смотрели вниз на воду. Накануне здесь утонул оренбургский казак, и свежая могила желтым глинистым бугром возвышалась на самом берегу. Крест без надписи стоял над ней. Собранные на мундштуках рыжие лошади драгунского полка, сильно похудевшие, с раздуваемой ветром длинной шерстью, заминались и неохотно ступали в темную ледяную воду. По реке неслись, кружась, ржавые льдинки. Лошади то неожиданно проваливались по брюхо, то шли

по мелкому месту, звеня льдом и хлюпая водой, разбрызгиваемой копытами. Пики мотались из стороны в сторону, и ряды расстраивались. Угрюмый, на прекрасной чистокровной кобыле, стоял командир полка. Эскадронный командир первым бухнулся в воду, а за ним пошли его люди. В версте, за широким разливом реки, эскадроны стягивались в длинные и узкие змейки колонн по три и уходили за лес. Саблин простоял весь день на переправе. Артиллерия задержала. Уже ночью, при луне, перешел он сам и рысью, по лесной дороге, запорошенной тонким слоем снега, пошел, обгоняя последние сотни казачьего полка, на свой ночлег в убогий дом священника селения Озеры. Последним его впечатлением был молодой хорунжий, дежурный по полку, сопровождавший его вдоль полка по узкой лесной дороге и звонко кричавший казакам: — П о в о д в п р а в о! Знакомым казалось Саблину красивое лицо молодого офицера с горящими оживлением и каким-то особенным счастьем глазами.

— Как ваша фамилия? — спросил его Саблин.

— Хорунжий Карпов, — весело ответил офицер.

— Вы были ранены под Железницей?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Уже оправились?

— Совершенно, ваше превосходительство!

Они обгоняли хмурых казаков. Все были мрачны, голодны и усталы, и только этот молодой офицер был счастлив и радостен. Саблин внимательно посмотрел на него и понял по его глазам, что в нем сидят с и и т р и — в е р а, н а д е ж д а, л ю б о в ь, но любовь больше всего.

Потом Саблин долго ехал один со старшим адъютантом, трубачами и вестовыми по дороге и, наконец, замаячили в серебристом сумраке лунной ночи эскадроны гусар на серых дымящихся паром лошадях. И опять были крики: — П о в о д в п р а в о! — и такие же хмурые, серьезные, голодные лица.

Шли солдаты...

На другой день, переночевав на соломе, на полу, в столовой у священника, Саблин на автомобиле проехал на железную дорогу и через тридцать шесть часов был в Петрограде. Его дочь и графиня Палтова упросили его пойти на вечер. И вот... с о л д а т ы и д у т...

Саблину слишком хорошо вспомнилось, что значит идут солдаты. Он хорошо их видел и сейчас...

— А, Александр Николаевич, — приветствовал его Пестрецов, сидевший в углу с Обленисимовым и с подвижным, немолодым штатским, в черной, наглухо застегнутой куртке военного образца, в золотых очках и с седой, небритой щетиной бороды. — Наш бравый Румянцев! О твоей дивизии рассказывают чудеса Вы не знакомы? — обратился он к штатскому.

— Александр Иванович Пучков, наш маг и народей. Да, милый Александр Николаевич, то, чего не могли сделать мы, люди с военной эрудицией, то делают теперь вот они, коммерческие люди, люди практической складки, знающие, что такое общественность. И, если Алексей Андреевич Поливанов наш князь Пожарский, то это Минин. Армия спасена! Вы к весне будете завалены снарядами и патронами. Аэропланов будет сколько угодно. Все союзники.

— Не одни союзники, Яков Петрович, мы и свою промышленность широко ставим. Теперь нами провозглашен девиз: все для войны! — тихим вкрадчивым голосом сказал Пучков.

— Помогай Бог, — сказал Саблин.

— Ну что, как у тебя на фронте? — спросил Обленисимов, — ты, Саша, можешь говорить вполне откровенно, все свои, верные люди.

— На фронте настроение такое, что если бы тут были враги, я и перед ними с удовольствием бы рассказал про него. Дайте нам ту технику, что имеют немцы, и прикажите идти на Берлин, — сказал горячо Саблин.

— Хорошо сказано, — сказал Пестрецов.

— А не увлекаешься ты, Саша?

— Нет, что же увлекаться. Наш солдат был, есть и, хочу верить, будет первым солдатом в мире. Офицеры — один восторг. У нас таких еврейчиков, как только что выступавший, нет.

— Ну, какой же он еврей, — сдержанно сказал Пестрецов.

— И отчего еврей не может быть офицером? — спросил Пучков.

— Отчего еврей не может быть офицером, я, пожалуй, вам не сумею ответить, но я знаю одно, что ни один офицер, не еврей, не способен на такую пошлость, как этот... Ломаться на сцене, как последняя девка, в то время, когда его товарищи сидят в окопах. Вы посмотрите, как он одет! Ведь это костюм, а не форма.

— Неисправим, — сказал Обленисимов. — Как ты отстал, Саша! Ты не видишь, что тут готовится новое, и это новое должна сделать армия. Все взоры на нее.

— Ты сказал, дядя, что здесь все свои. Никого кругом нет, все увлечены, если я не ошибаюсь, танцами Преображенской, так скажи прямо — готовится революция?

— А разве не нужна она? — спросил Пестрецов. — Разве не дошли не только мы, лучшие люди, но и простой народ до рокового сознания, что она неизбежна и необходима?

— Значит, я не лучший человек? — сказал Саблин, — потому что я считаю, что пока идет война, она невозможна... Да и после... К чему?

— Но что же делать? — тихо спросил Пучков.

— Всеми силами поддерживать трон! Я говорил это полтора года тому назад дяде Егору Ивановичу, повторяю и теперь. Назовите меня ретроградом, но я считаю, что валить трон, во время ужасной войны, это такое безумие!.. Вообще... валить трон! Да еще в России...

Саблин не договорил. Наступило тяжелое молчание. Из соседней комнаты сквозь притворенную дверь врывались обрывки музыки и слы-

* Дело — так дело (франц.).

шался легкий стук ножек. Танцы продолжались.

— Трон валится сам, и поддержать его мы не в силах, — сказал мягким, спокойным голосом Пучков, но Саблин заметил, что он волновался. — Мы все сделали. Какой был энтузиазм вначале, как верили в царя, как шли за ним и для него и чем это кончилось?! Распутин обнаглел, как никогда. Влияние его и Александры Федоровны стало невозможно, и оно идет прямо во вред России. Вы знаете адмирала Балтова? Он сделал чудеса в Севастополе. Посылают телеграмму Государю, просят о назначении его на высокое место, где он мог бы все перестроить. Государь согласен. Приказ подписан. О н а мчится в Могилев и через два часа подписан новый приказ об удалении Балтова из Севастополя и о назначении его в тыл на синекуру.

— В угоду немцам и по приказу из Берлина, — вставил Пестрецов.

— Против Государя даже великие князья. Они пробовали уговаривать Государя, писали ему письмо. Они попали в опалу. Государь прямо сказал, что ему легче выносить Распутина, чем истерики Ее Величества, — сказал Обленисимов.

— Надо устранить и его, и ее от управления, но не колебать принципа монархии, — сказал Саблин.

— Милый мой, он давно поколеблен. В полках открыто говорят о связи царицы с Распутиным, и уважения к монарху нет, — сказал Обленисимов.

— В каких полках? Полки высочайше вверенной мне дивизии умрут за Государя, каков бы он ни был.

— И отлично. Но Петроградский гарнизон настроен иначе. Революционные лозунги начинают проникать в солдатскую массу, и здесь уже на перекличке вы не услышите гимна. В ротах, если открыто еще и не поют, то умеют петь рабочую марсельезу, — сказал Пучков. — С этим хотите не хотите, а считаться приходится.

— Это результат обучения солдат на мостовых. Сегодня утром, проезжая с вокзала к себе на квартиру, я видел это безобразие. Толпу, а не шеренгу солдат на улице, винтовку в станке и рядом каких-то темных личностей с газетами и листками. Это, видимо, подготовка республиканских войск...

Никто не возразил.

— Обучать нужно в полку, — продолжал Саблин. — Пошлите их к нам в резервы. Мы их обучим, не балуя. Я вижу работу тыла даже здесь на сегодняшнем празднике.

— Ты осуждаешь прелестную Наталью Борисовну? — сказал Пестрецов.

— Зачем было ставить этих скверно выправленных болванов, одетых в кивера и мундиры с лацканами? Чтобы они видели эту роскошь, этот разврат высшего круга, этот блеск, вино и яства, в потом воспоминание об этом и сравнения перенесли в холодные и сырые окопы.

— Точно они не знают, — сказал Обленисимов.

— Надо, чтобы они знали другое, — сказал Саблин. — Нужно самим переродиться. Если все для войны, то долой эту роскошь, театры, балы, вино, концерты, все на работу для фронта!

— Неисправим, — сказал Обленисимов.

— Фронт и тыл, — сказал снисходительно Пучков. — Их никогда не примиришь.

В гостиную вошла графиня Палтова.

— Господа, — сказала она, — вот это мило! Я сейчас выступаю, а вы забились куда-то и знать меня не хотите.

— Мы только покурить, графиня, — сказал, поднимаясь с кресла, тяжелый Обленисимов.

— Успеете курить. Знаю я ваше — курить. Поболтать захотели, неисправимый болтун. Александр Николаевич, вашу руку, я сейчас буду петь прелестную вещицу Гуно — "Баркарола". Послушайте припев. Совсем точно волны колышат лодку.

И она напела Саблину вполголоса:

Скажите, юная красавица,
Куда нам плыть?
Поставлен парус,
Ветер играет им.

Гром аплодисментов приветствовал графиню Палтову, едва только она показалась в зале под руку с Саблиным. Аплодировали ей, хозяйке дома, аплодировали и Саблину, его георгиевскому кресту и той славе, что шла с его именем.

Какой-то штатский, в длинном черном сюртуке, с сухим старым лицом, где не росла борода, вышел из кресел и, остановив Саблина, протянул ему пачку сторублевых ассигнаций.

— Ваше превосходительство, тут десять тысяч, раздай своим орлам.

Саблин, смущенный, не знал, что делать. Графиня Палтова выручила его.

— Это наш постоянный поставщик, Лапин, большой патриот и благотворитель. Вы мне скажите, что купить для ваших солдат, и я с вами им и пошлю.

— Вот спасибо, ваше сиятельство, Наталья Борисовна. Так и хорошо будет.

Овации Саблину и графине Палтовой долго не смолкали. У Саблина глаза были полны слез от вида устремленных на него женских и девичьих глаз и маленьких рук, что хлопали ему. Он видел среди них милое лицо своей Тани, красное, полное восторга.

Все это вышло так неожиданно.

Графиня Палтова поняла его смущение и, покинув его, прошла на сцену. Аккомпаниатор заиграл ритурнель. Все стали садиться, в зале наступила тишина.

Когда графиня Палтова кончила играть, весь зал разразился бешеными аплодисментами, а она, раскрасневшаяся, обрадованная своему успеху, сошла со сцены и, вмешавшись в толпу зрителей, остановилась, разговаривая с графиней Валерской. Саблин воспользовался общим движением — был антракт, гости выходили к чайному буфету — и пошел к выходу. Он не мог долее оставаться. Нервы не выдерживали. Он решил прогуляться и вернуться к концу ужина за Таней.

— Ну, голоса-то у нее никакого, а манера какая-то есть, — говорил худощавый штатский, продолжая аплодировать, своему соседу, полному господину во фраке, с большим белым жилетом.

— И куда ей за Гуно браться, — отвечал тот, — из "Баркаролы" у нее так ничего и не вышло. Я слышал эту вещицу в исполнении Бакмансон. Вот, батенька мой, школа, доложу я вам!

— Ей вот "Гусаров" петь, это по ее голосу.

— И то до Вяльцевой далеко.

— По улице, пыль поднимая, под звуки лихиих трубачей, — напевал какой-то интендантский полковник, весь сплошь в защитном, даже с затемненными пуговицами, и наткнулся на Саблина, — извиняюсь, ваше превосходительство, — сказал он, давая дорогу Саблину.

На лестнице все так же, стараясь тянуться, стояли солдаты в киверах. Но от непривычки их носить кивера съехали на затылок, а от плохой выправки и запавших грудей на блестящих лацканах были складки, и от всей этой прекрасной формы, которую так любил Саблин, веяло жалкой бутафорией.

Саблин отыскал с помощью солдата свою шинель и вышел на улицу.

Был одиннадцатый час ночи, и город жил полною суетною жизнью. По улицам носились трамваи, переполненные пассажирами, и на каждом на передней и на задней площадке, на ступеньках, держась за поручни, висели солдаты. Эти солдаты были везде. Они толкались по улицам, грызя семечки, они толпами стояли у ярко освещенных, горящих разноцветными огнями кабаре и кинематографов. Саблин не был в Петрограде полтора года, и он не узнавал его. Сколько открылось новых кинематографов и маленьких театриков миниатюр, где обещали пение, танцы, музыку, фокусы. И откуда взялась вся эта масса артистов, кто они?

Была ночь, а солдаты свободно ходили по городу. Они были трезвы, большинство, если и не становилось во фронт Саблину, то все-таки отдавало честь и даже притоптывало по-гвардейски ногами, но вид имели эти солдаты не только не гвардейский, но и не солдатский. Серые папахи были надеты небрежно, большинство было без поясных ремней, а те, у кого эти поясные ремни были надеты, имели их неподтянутыми, с пряжками и бляхами, сползшими набок. Многие солдаты ходили с молодыми штатскими людьми и с девушками интеллигентного вида.

У одного большого кинематографа на Невском только что окончился сеанс, и одна толпа входила, а другая выходила.

— Ах, товарищи! — восхищенно говорил молодой солдат, выходя из кинематографа и обращаясь к другим солдатам, — ну и ловкая жизнь. Вот жизнь!

— Что же, все возможно, товарищ, — проговорила маленькая черная женщина в платье сестры милосердия, шедшая с ними. — Кто дерзает, тот и достигнет.

— Все-таки преступление, сестрица.

— Ну, какое там преступление.

Солдат увидел Саблина и испуганно вытянулся.

Саблин взглянул на часы. Было половина одиннадцатого. Сеанс окончится около двенадцати, а раньше двух ночи нечего и думать вытащить от графини Палтовой Таню.

Саблин вошел в кинематограф. Он шел не смотреть картину с заманчивым названием, сверкавшим громадными, красными буквами под картиной, изображавшей людей в масках, душащих старика. Он шел смотреть толпу и солдат.

Впереди него, на третьем месте, как всегда в кинематографе, перед самым экраном, сидела дешевая публика. Это почти исключительно были солдаты. Они сняли с себя папахи, и Саблин вместо коротко остриженных, шариками, голов, видел то косматые, вихрастые затылки, то тщательно разделанные и припомаженные проборы. Там и там среди солдатских шинелей виднелась косынка сестры милосердия или кокетливая шляпа швейки или горничной. Несмотря на то, что курить в кинематографе было строго запрещено, кое-кто из солдат тихонько курил.

На втором месте сидели молодые элегантные офицеры, штатские и дамы. Штатских было мало, почти все мужчины были одеты в защитные френчи или шинели солдатского сукна, военного и невоенного покроя. Можно было подумать, что со второго года войны интендантство взяло на себя подряд одеть по-военному всю Россию. Одни из этих молодых людей в защитном имели какие-то узенькие погоны из золотой и серебряной рогожки с зелеными, малиновыми, алыми и черными просветами, другие были без погон. Кто они? какого ведомства? почему в форме? — Саблин понять не мог. Даже многие женщины были одеты в платья защитной материи. Здесь очень много было сестер милосердия. Но по лицам многих из них Саблин видел, что это не сестры, но лишь носящие платья сестер.

На первом месте публика была старая, не петроградская, а петербургская, та, которую хорошо знал Саблин. Средний обыватель, что раньше наполнял Александринский театр и ходил по клубным сценам, устремился теперь в кинематографы. Но и здесь много было защитных френчей и вычурных форм. Саблин спросил у одного из молодых людей с зелеными полосами на серебряной рогожке погона и с чином коллежского советника, в сине-серых рейтузах-галифе и больших шпорах на рыжих сапогах, где он служит.

— В гидротехническом отделе Земгора, — ответил молодой человек, — по осушке окопов от сточной воды.

Саблин не нашелся что сказать: так поразила его эта особенная деятельность молодого человека.

В кинематографе играл сокращенный оркестр какого-то гвардейского полка. Нечищенные, грязные трубы отдавали каким-то захолустьем, и их странно было видеть в руках музыкантов с алыми гвардейскими погонами на рубашках. Турецкий барабан часто бил такт. Но, очевидно, это считалось за особое прибавление к сеансу, потому что, проиграв какую-то дребедень, солдаты шум-

но встали и с громким разговором ушли из театра.

Ближе к рампе придвинули пианино, и какой-то молодой человек начал фантазировать на нем, дополняя музыкой то, что было на экране.

В кинематографе стало темно. Пианино говорило о тоске, певучий вальс с нарочно замедленным темпом срывался с клавиш из-под пальцев пианиста.

"И в хижине страдальца цвела любовь" — появилась надпись на экране.

В маленькой комнате сидела красивая девушка. Она была бедно одета. Она шила. Она принуждена была шить шелковое и батистовое белье в магазине и портить глаза за мелкой строчкой. В труды ее рук одеваются другие, не знающие труда.

На экране роскошное помещение модного магазина белья. Приходили и уходили девушки с картонками, сдавая свою работу. Они были бедно одеты, у них были плохие, дырявые башмаки, а было холодно, и шел снег.

На экране встала та самая белошвейка, что была изображена в первой картине. Артистка была снята на улице в костюме бедной девушки, в оборванной юбке и в больших дырявых башмаках. Сыпал снег, проходили прохожие и заглядывали на нее, а она пожималась, топотала ножками на подъезде в ожидании, когда ей откроют дверь богатого магазина.

"Там шили приданое" — мелькнула надпись, и снова появилась картина большого зала магазина. Красивые девушки раздевались до белья и примеряли панталоны и нижние юбки. Они становились перед зеркалом в самых рискованных позах и любовались собою. В зале раздавалось сладострастное мычание мужчин и ахи женщин.

"Она любила святою первою любовью... Но он был беден" — сказал кинематограф, и на экране в большом овале появилось молодое, смелое лицо с папиросой в зубах, в мягкой кепке рабочего, в старом пиджаке, надетом поверх блузы, и с руками, заложенными в карманы.

Пианист стал играть мотив песни "Последний нынешний денечек", а на полотне появилась надпись:

"Его хотели взять в солдаты. Его хотели заставить убивать своих братьев. Он знал, что война — это ужас. Она помешает любви. Почему не берут богатых, которые тратят деньги на пиры и увеселения, на игру и женщин? Он наблюдал их жизнь."

Мимо плыли изображения каких-то парижских кабачков, где пьянствовали и кутили молодые люди, разряженные девушки танцевали канкан между столиками, играли в карты. В этот вертеп с улицы, где носились автомобили, пьяный офицер тащил за руку бедную девушку с картонкой.

"Никогда!" — стояло на экране, и молодой человек хватал за грудь офицера и отталкивал его от девушки. На полотне разыгрывалась грубая сцена драки между офицером и молодым оборванцем. С офицера сорвали эполеты и так толкнули его, что с него свалилось кепи. Собиралась толпа.

— "Он оскорбил мою невесту!" — объясняла надпись на экране, и сейчас же появился сначала в большую величину артист, герой драмы. Его лицо было искажено гневом и негодованием, грудь тяжело дышала. Рот часто открывался, он быстро что-то говорил. Мелькнула перемена картины, и публика увидела опять шумную улицу, толпу, размахивающую руками и палками, и офицера, стоящего среди нее. Но уже бежали полисмены.

"Оскорбление армии!" — стоял короткий заголовок, и на экране вели героя драмы с целым отрядом полицейских. Офицер с оборванными эполетами давал свою карточку полицейскому сержанту и садился в кеб, полицейские разгоняли толпу.

В третьем месте, где сидели солдаты, шел тихий ропот негодования. Картина кинематографа захватывала страшною драмою, и симпатии солдатской массы были на стороне ее героя.

Шли картины суда, тюрьмы. Развивался чувствительный роман девушки-белошвейки и арестанта.

Белошвейка принесла заключенному запеченную в хлебе пилу и веревку, и к великой радости публики третьего места он бежал. Было показано, как пилилась осторожно, с оглядкой, решетка тюрьмы, как беглец повис над бездной, как спрыгнул, как бросился за ним часовой, хотел стрелять, приложился — и тут, когда все зрители замерли в волнении, на экране появилась надпись:

"Он узнал в бегущем брата. Брата узнал он в несчастном. Пускай меня судят, пускай убьют меня, но я не могу стрелять".

И зрители увидели часового, скорбно облокотившегося на ружье.

Первая часть кончилась. Но Саблин не ушел из кинематографа. С сильно бьющимся от волнения сердцем, с глазами, горящими возмущением, он оглядывал освещенный яркими электрическими лампочками зал. У входа стоит затянутый в серое пальто полицейский офицер с тяжелым револьвером у бедра, два генерала и несколько пожилых офицеров сидят в местах, сидят юнкера, кадеты. И тут же на глазах у всех идет серьезная глубокая проповедь антимилитаризма, идет во время войны. Кто разрешил к постановке этот фильм? Откуда пришел он к нам? Не из Германии ли? Удушливые газы, которыми тогда начали угрожать германцы, вся их тяжелая артиллерия, воздушный и подводный фронт были ничто в сравнении с этой картиной в две тысячи метров длиною. И неужели никто этого не видит? Неужели я первый сделал это страшное открытие, — думал Саблин, — неужели этого не видят ни Поливанов, ни Штюрмер, ни Протопопов, ни Родзянко, ни мой всеведущий и вездесущий дядюшка Егор Иванович?..

Вторая часть называлась "Мститель". Перед

зрителями проходили сцены самых необычайных, хитро и смело задуманных ограблений. Герой драмы уже был главарем целой шайки городских громил. Начав с малого, он развил свое воровское дело в целое предприятие. В их распоряжении был таинственный черный автомобиль, который истреблял по ночам наиболее ревностных агентов полиции и наводил панику на жителей громадного города.

"Черный автомобиль носился по городу" — говорила надпись экрана. Мелькали красивые перспективы улиц ночного города. Они были почти безлюдны. Проезжала изредка карета ночного извозчика, проходила компания загулявших кутил, шел полицейский патруль, и вдруг вдали показывался таинственный черный автомобиль. При виде его полицейские в паническом ужасе разбегались в подворотни, патрули торопливо исчезали.

"Шайка мстителя не трогала бедных. "Руки вверх!" — была ее команда, и горе тому, кто вздумал бы ее не исполнить".

Зритель видел шикарный игорный дом. Горы золота и кучи ассигнаций лежали на столах, за ними сидели богато одетые молодые люди и дамы. Пили шампанское, и выигравшие счастливцы отдыхали на диванах в объятиях женщин. И вдруг в широко распахнутые двери ворвалась шайка бандитов. Все были в масках, только герой драмы Лео, предводитель шайки, был с открытым лицом. Все подняли руки вверх, кроме одного молодого офицера, который, обнажив саблю, бросился на бандитов, но тут же был застрелен.

Шайка грабила банки. В ее распоряжении были усовершенствованные приборы для резания стали струею горящего газа.

"Лучшие химики помогали Лео в его борьбе с капиталом".

Обыскивались банковские сейфы, проникали в самые потаенные места хранилища. Лео был благороден. Грабители хотели взять какой-то маленький узелок из одного сейфа.

"Товарищи, оставьте, — гласила надпись, — это все сбережения бедной вдовы рабочего, на которые ей предстоит прожить всю ее длинную жизнь. Товарищи, оставьте"

На другой день даже полиция умилялась благородству бандитов.

Вся фантазия авторов Шерлока Холмса и Пинкертона была перенесена на экран. И то, чем раньше зачитывалась молодежь и в возможность чего не верила, было инсценировано, и все было ясно, просто и красиво.

Третья часть изображала красивую жизнь Лео и его возлюбленной белошвейки. Счастье было чисто буржуазное. Лео и его нареченная жили в прекрасном особняке, у них были горничные и лакеи, правда, с этими горничными и лакеями Лео и его жена обращались просто. Они разговаривали со своими господами сидя, но Лео отлично кушал, у него был свой автомобиль, а когда он проезжал по какому-то предместью, рабочие снимали перед ним шапки.

"Он наш. Он вышел из нашей среды, но он был сильный и сумел победить, — гласила надпись, — будем же все сильными и тогда победим".

Такова была заключительная вывеска драмы в две тысячи метров, при участии лучших артистов экрана.

Саблин не уходил. Он заставил себя остаться и посмотреть картины кинематографа Пате, который "все видит и все знает". Обрывками, маленькими эпизодическими сценками мелькали перед ним отголоски войны. "Налет французских аэропланов", "Гидропланы", "Германская пушка большая Берта", "Атака кавалерии",— и сразу после этого чествование какого-то атамана на Кавказе. Пир горой, офицеры в черкесках с эполетами, лезгинка, пьяные тосты, кидание на "ура" какого-то толстого генерала и разливанное море вина.

Когда на экране было показано обучение в тылу английской армии, перебегал и маневрировал по плацу, усеянному камнями, батальон англичан, Саблин слышал одобряющие возгласы и сейчас же мучительно обидное сравнение: "Это не то, что у нас. Отдание чести и остановка во фронт"...

Сеанс кончился. Возбужденная и взвинченная толпа выходила из театра на мокрую панель улицы. Дождя не было, но туман сел на землю. Фонари бросали вверх странные темные тени столбами. Шумный город имел необычный вид. Население его точно удвоилось, слышался польский говор — это были беженцы из Польши. Саблин вспомнил свое первое дело, замок и графа Ледоховского со всеми его панами и паненками. Он шел по Невскому, глубоко взволнованный. Кинематографы, а их были сотни и на самом Невском, и на Литейном, и на Загородном, и на Забалканском, и всюду и везде, — нагло пестрыми буквами и громадными картинами и плакатами кричали заманчивые названия, и смысл их был — пролетарии всех стран, соединяйтесь! Долой войну! Мир хижинам, война дворцам! Странная классовая война открыто проповедовалась с экрана, и миллионы людей смотрели на это, а те, кому нужно было видеть, не видели.

Был фронт, где терпеливые солдаты шли холодною ночью по полуразрушенному мосту, где умирали молча: где раненые, как этот милый Карпов, едва оправившись, стремились в свой полк, где месяцами жили в землянках и прислушивались, как рвутся снаряды в окопе или подле, где молчаливым укором стояли немые, без надписей, могилы с плохо сколоченными из палок крестами. Там была глубокая чистая вера в Бога, надежда на победу, на то, что будет день, когда победные знамена, окруженные потоками войск, будут возвращаться в родные города, и их встретят девушки с венками цветов и радостными криками. Там была любовь, выше которой ничего не может быть, любовь, полагающая душу свою за други своя..

Это было три дня назад. Три дня назад Саблин жил святою христианскою жизнью, среди христиан. Жил на фронте!

Теперь он был в тылу. Он видел глубокое равнодушие к вере. Он не слышал имени Христа нигде. Он видел храмы, где проповедовались отчаяние и ненависть. Что, как не отчаяние от своего бессилия, вызвал этот простой и, казалось бы, такой невинный кинематограф Пате? Там, у немцев, у французов, у англичан: все для войны. Шумными стаями летают аэропланы и, кажется, с экрана слышишь гул их пропеллеров. Там длинная Берта, стреляющая на сорок верст, там разумное полевое обучение молодых солдат, а у нас — чествование атамана, лезгинка, пьяные тосты и пьяные песни. Отчаяние и ненависть проповедовал кинематограф и на Невском, и на Литейном, и на Загородном, и на Забалканском, и всюду и везде. Вон, с угла какого-то переулка наглыми, хлесткими огнями сквозь туман кричит он — т о л ь к о д л я в з р о с л ы х. И толпы солдат, юных и безусых, толпы мальчишек и девочек-подростков выливается из его гостеприимных дверей на улицу. Слышны смелые шутки и смех. В них нет стыда. Мальчик, лет четырнадцати, нагнулся к уху девочки-подростка и напевает на всю улицу:

Как тебе не стыдно,
Панталоны видно...

Кругом смех, жадный, страстный, животный смех...

Раньше на всех этих местах были сине-красные вывески и горящие золотом надписи: т р а к т и р, р а с п и в о ч н о и н а в ы н о с. Тут отравляли тело человека, но тогда лучшие умы народа, писатели и художники, восставали против них. Толстой и Кившенко, один пером, другой кистью, описывали весь ужас, что несет в народ эта сине-красная вывеска с золотыми буквами.

Теперь здесь вытравляли душу человеческую, здесь соблазняли малых сих, заплевывали их юные сердца, но никто не навешивал на соблазнителей жернова и не бросал их в морскую пучину. Молчали писатели и художники, потому что все это было либерально! Это шло под лозунгами социализма, и говорить против этого было невыгодно!!

И опять, как в ту страшную ночь, когда Саблин, после разговора с дядюшкой Егором Ивановичем, пришел к сознанию пустоты кругом, к сознанию того, что в Р о с с и и н е т л ю д е й, н е т с и л ы, с п о с о б н о й с п а с т и Россию, он содрогнулся и низко опустил голову.

Но сейчас же он вспомнил фронт. Он увидел хмурое лицо командира драгунского полка, стоящего на переправе, он увидел радостное лицо Карпова, увидел своих солдат и казаков, и горячая вера и могучая любовь согрели его сердце.

Офицеры! Вот кто придет и спасет Россию! Офицеры, как некогда Христос, возьмут вервие и выгонят торгующих из храма! Фронт придет на место тыла и разгонит тыл, и уничтожит эти места, где совращают душу народную.

Только не было бы поздно. Только не совратился бы и фронт от этой заразы.

И Саблин гадливо отстранился от двух солдат, тащивших весело визжавшую девчонку.

Петроградский тыл изумил Саблина. Не то, чтобы Саблин ожидал увидеть и услышать что-нибудь иное. Он знал, что тыл всегда тыл, то есть, что в нем и должно группироваться все трусливое и малодушное, все жаждущее развлечений во что бы то ни стало и какою бы то ни было ценою. Он знал, что никакая война не в силах изменить характера и привычек графини Палтовой, а с нею и всего петроградского света — это его не поражало, но поразила его распущенность гарнизона и его новых офицеров.

Душно и противно было в Петрограде, несмотря на зиму, снег и морозы. Скучно, несмотря на развлечения. Даже дочь его не развлекала. Тихая и скромная Таня только что становилась из девочки девушкой, и уже забирал ее цепкими сетями петроградский свет. Она росла вне дома. Была мать — мать умерла, ушла так трагически странно. Был брат, которого она боготворила, и брат ушел, погиб в конной атаке. Без нужды погиб. Попал в атаку случайно, любителем, и убит... Таня осталась одна на попечении института и старой, сухой англичанки, мисс Проктор. Растет его дочь, а что в ее душе, что думает она, о чем мечтает — кто знает?

Саблин торопился д о м о й, в дивизию, в маленький домик священника села Озеры, к драгунам, уланам, гусарам и казакам. Они, кого он знал менее полугода, были ему дороже и с ними было уютнее, чем в старой петроградской квартире на улице Гоголя, где так много пережито счастья и горя.

Проснувшись на другое утро после вечера у графини Палтовой, Саблин долго лежал в постели, постланной ему на диване в кабинете. Было девять часов утра. Поздно, по понятиям Саблина, встававшего у себя в семь часов и в восемь уже отправлявшегося на позицию, очень рано по понятиям его дома, где он чувствовал себя теперь как бы в гостях.

Серый зимний день тихими сумерками колыхался за окном, занавешенным желтоватою шторою в мелких складках. Портьеры не были задвинуты, и кабинет с наскоро и временно устроенной из него спальней казался чужим. На письменном столе стояли кое-какие старые безделушки, но бумаги были убраны, чувствовалось, что за ним давно никто не работал, и он имел мертвый, покинутый вид. Против дивана висел потрет Веры Константиновны. Кротко и ясно смотрели большие синие глаза. Слишком большие, слишком синие, чтобы лгать. И она не солгала ему. В шкафу ее страшный дневник, написанный ею перед самоубийством.

Саблин потянулся сильным и крепким телом, с чувством животной радости ощутил под собою чистое, свежее белье, мягкие подушки и тюфячок, положенный на пружинный диван, и широко открытыми глазами посмотрел на портрет.

Белая роза была приколота в золотистых волосах Веры Константиновны. Счастливая улыбка застыла на прекрасном лице. Но Саблин не видел ее такою, какою она была на полотне. Из-за красок смотрело на него другое лицо, искаженное нечеловеческой мукой стыда и отчаяния.

"Простил ли?" — спрашивал взгляд синих глаз, и жутко становилось от полного муки вопроса.

Ужас вставал перед ним и смотрел на него красками портрета.

"Простил ли?"

Да, простил. Хочу простить. Когда я познал всю силу христианской любви. Кажется... могу простить.

Он отвернулся от портрета.

Могу ли?

Отдохнувшее тело жаждет женской ласки, ты ушла, ушла, моя Вера!!.

Саблин с тоскою и упреком посмотрел на портрет. Ему стало жаль себя. Неужели и ему, как Самойлову, искать утешения и минутной радости в объятиях Любови Матвеевны, звать ее к себе, раздевать ее на глазах у портрета, в квартире, где живет его дочь?.. Или ехать к Ксении Петровне, хорошенькой тридцатилетней разводке, которая вчера смотрела на него в свой черепаховый лорнет большими карими выпуклыми глазами и говорила ему, знаясь:

— Как вы интересны, Александр Николаевич! Вы мне так нравитесь! Приезжайте ко мне завтра в шесть.

Он смотрел на ее рыжие крашеные волосы, на лицо, тронутое белилами и румянами, на блестящие зубы, мелькавшие из-под алых губ чувственного рта, и что-то старое, напоминавшее ему его корнетские годы и Китти, вставало перед ним.

— Зачем? — спросил он ее, а глазами говорил ей: — Ты дразнишь меня.

— Я встречу вас с бульоткой чая и бутылкой хорошего коньяка на шкурах белого медведя в своем любимом беличьем халате, такая мягкая, мягкая...

— А под халатиком что будет? — спросил Саблин, невольно впадая в игривый тон.

Она засмеялась ему в лицо, и белые зубы сверкнули жадно. Она повернулась к нему спиной и, повернув голову, кинула ему:

— Ma peau!..*

И пошла, чуть покачивая широкими бедрами...

Саблин вздрогнул. Вера Константиновна смотрела на него, улыбаясь синими глазами.

"Простишь ли?" — подумал Саблин и всем существом своим почувствовал ответ: " — Прощу, прощу!.. Хочу, чтобы ты был хоть на миг счастлив!"

Сытый, холеный зверь просыпался в Саблине.

"Простишь! — вдруг подумал он. — Ты-то простишь, а те..."

И с необычной ясностью встала перед ним река, покрытая пробитым льдом, мост, нелепо торчащий посреди, и серые солдаты, осторожно спускающиеся к воде... Могила казака. Крест из двух лучинок и сырые землистые лица... Простят ли?

Не довольно ли? Китти, Маруся, Вера Константиновна... Были и другие. Сытая, праздная жизнь, визиты, рауты, обеды, балы, красивые маневры, блестящие парады, шумное военное поле, трубачи, вся эта жизнь — между полем и театром, запах солдатского пота по утрам, а вечером аромат духов и возбужденные лица красивых женщин.

"Не довольно ли?.."

"А что же, — подумал Саблин. — Разве не умели мы умирать и драться? Ну, что же? Вот началась и больше года идет великая война. Без снарядов и патронов мы дрались, и разве в пехоте нашей нет смелых Долоховых и терпеливых Максим Максимычей, разве в коннице выветрились и вывелись Васьки Денисовы и смелые Ростовы, а в артиллерии Тушины? Русская армия жива и будет жить и побеждать. Тихий философ Платон Каратаев еще стоит в ее рядах..."

"А что, если..."

"Если они не умерли. Эти полтора года войны унесли столько жизней! Сколько легло на полях Восточной Пруссии и Галиции, сколько зарыто в отрогах Карпат и в болотах Польши!"

"Но другие идут на смену".

"Другие?"

Саблин сказал это слово почти вслух и даже сел на постели, пораженный страшной мыслью. "Кто же идет? Этот офицер-куплетист, что пел вчера у графини Палтовой с о л д а т ы и д у т..." После ужина они заперлись в маленькой гостиной графини. Барышень прогнали танцевать. Были дамы, генералы и много новых, нового типа офицеров. И этот... тоже офицер... во френче, в серых галифе и в гетрах, под гитару говорил куплеты, где в каждом слове, в каждом звуке был грязный циничный намек. Его слушали... Дамы общества и эта молодежь...

Саблин смотрел на них. Погоны, знакомые

* Моя кожа (франц.).

значки родных гвардейских полков и училищ, но между ними новые не офицерские лица...

Один задел неловко даму.

— Извиняюсь, — нагло сказал он.

Трое сидели на стульях в то время, когда дамам не хватило места и они стояли. Один закурил папиросу, ни у кого не спросив, ни у дам, ни у старших. Саблин оглядывал их. Они все были трезвы, но из них глядела развязная свобода, почти наглость.

Саблин хорошо знал, что офицеры делятся на целый ряд разновидностей. Есть офицеры гвардии и армии, у каждого рода войск свои типичные особенности, но все старые офицеры отличались рыцарскою вежливостью, вниманием к дамам. В них не было бесцеремонной развязности. Были между ними бурбоны, были нахалы, но хамов не было. От многих из этих новых веяло именно хамством, подчеркнутой свободой от всех красивых условностей.

"Мы, — думал Саблин, — могли увлекаться Китти, могли губить невинных девушек, как я погубил Марусю, мы пьянствовали, развратничали, но у нас было все же божество, вера, идеалы и мы бережно несли наш высокий девиз: за Веру, Царя и Отечество. Мы не могли посмеяться над Верой, ругать Царя и не любить Отечество. Мы не изменим".

"А эти... Есть ли у них вера? Я не говорю о глубокой вере, нет, есть ли у них хотя бы наружная вера, состоящая в уменьи стоять в церкви, поставить свечку, приложиться к иконе. Есть ли у них хотя бы видимая дисциплина духа, что дает религия."

"Царя они не любят. А Родину?"

Это были новые офицеры, с новыми понятиями. Да, среди них еще были люди старого вида, — это те, кто вышел из лицея, училища правоведения, из кадетов, — эти держались особо, старались не смешиваться с толпою, но масса, но большинство были новые и какие страшные!

Саблин долго подбирал им название, долго искал, как определить их одним словом, и вдруг это слово блеснуло у него в голове и холод пробежал по его спине.

Революционные офицеры.

Ужели правда, что будет то, что словно носится в воздухе, о чем ему вчера намекали дядя Обленисимов, Самойлов, Пестрецов и другие. Ужели будет революция!

Решение уехать обратно, на позицию, крепло в нем. Одевшись, он позвонил. В дверь постучали нескоро. Вошла горничная его дочери, Паша. Хорошенькое лицо ее еще было красно от сна, она была наскоро, но по моде, причесана и одета нарядно и богато. Она смотрела на Саблина открыто и развязно.

— Барышня встала? — спросил Саблин.

— Татьяна Александровна еще спят.

Саблин смотрел на нее, Паша смотрела на него, и первый смутился Саблин.

— Хорошо, — сказал он. — Дайте мне сюда чаю. И принесите мой чемодан. Я сегодня уезжаю.

Продолжение следует



Любовь Мирошникова

Мирошникова Любовь родилась в 1960 году. Окончила техникум советской торговли. Дипломант Форума молодых поэтов Кубани 1990 г. В 1991 году в Краснодарском книжном издательстве выходит в свет первая книга стихов для детей "Кому быть воробьем".

Живет и работает в Краснодаре.

Какой растяпа-петушок
Посеял этот гребешок?

Ночь

Чу, камыш шуршит над речкой,
Словно мышь в углу за печкой,
И, как глазки у котят,
В небе звездочки горят.

Болтливые кумушки

На березовой макушке
Толковали две кукушки,
Мол, почем сегодня мушки
Были в лавке у лягушки.
Вдруг стемнело на опушке,
Грянул гром, как залп из пушки.
Тут шарахнулись болтушки
С перепугу друг от дружки,
И с тех пор по наши дни
Заикаются они.
И кума куму зовет:
"Ку-ку-ку..."
который год!

Про солнышко, про Аллочку и эскимо на палочке

Таяло у Аллочки
Эскимо на палочке —
Это солнышко само
Съесть решило эскимо.
Хитро глаз сощурив, Алла
Солнцу ласково сказала:
— Отчего ж ты, солнышко,
Не жалеешь горлышко?
Заболеешь ты ангиной,
Кто тебе даст чай с малиной,
На ночь сделает компресс?
Ты ж одно среди небес!
Мне же в случае чего
И бояться нечего:
Мама, доктор тетя Надя
Вмиг с моей болезнью сладят!
Чтобы лучше было всем —
Эскимо сама я съем!

Приятный сон

По воде перед котом
Рыба шлепала хвостом.
Выпил кот всю воду в речке,
Выбрал рыбное местечко
И давай ловить ершей,
Словно в погребе мышей!
Даже месяц облизнулся.
Кот объелся и... проснулся!

Незадачливый червячок

Плыл листик, будто челночок,
На нем свернулся червячок.
Впервые в жизни он жалел,
Что дырку в листике проел.
А так не хочется тонуть.
Ау... Спасите кто-нибудь!

Антошка и комар

— Эй, крылатый шприц с ногами!
Надоел ты мне и маме!
Подучился бы немножко,
Был бы ты бесценной мошкой:
Прививал бы всем вакцины,
Жил для пользы медицины,
А пока ты кто? — Пират!
И никто тебе не рад.
Рассердился тут Антошка,
Размахнулся и ладошкой
Комаришку — хлоп!
Не кусался чтоб!

Мак и цыпленок

В траве нашел цыпленок мак,
И не возьмет он в толк никак:

Анатолий Иванов (Скуратов)

РОКОВОЙ ДЕНЬ РОССИИ

(9 января 1905 года)

Нам с детства вбили в головы жуткий рассказ о том, как кровожадный царь Николай II с помощью подлого провокатора попа Гапона заманил к своему дворцу бедных, несчастных рабочих, которые, не подозревая ничего плохого, шли к царю батюшке с единственной целью — просить у него управы на своих притеснителей, и приказал встретить это мирное шествие ружейными залпами и кавалерийскими атаками, повидимому, из чистого садизма, потому что никакого другого хоть сколько-нибудь правдоподобного мотива, зачем царю понадобилось устраивать на свою голову эту бессмысленную бойню, наши официальные историки не приводят. Только и слышно, "провокация" да "провокация". Нас явно стараются настроить на стойкую мысль о чем-то очень плохом, но плохое может быть плохим по разным причинам.

Объективная история официального рабочего движения в первые годы нашего века еще не написана, хотя попытки в этом направлении делались. Однако впоследствии, с воцарением более примитивных представлений, они были начисто забыты, а зря. Привычка упрощать прошлое вредно сказывается на способности разобраться в сложностях настоящего.

"Полицейский социализм"... Этими словами, как плевком, пытаются сегодня залепить от нас историческую перспективу, перечеркнуть целый этап в развитии рабочего движения в нашей стране и этап, по всей вероятности, необходимый и неизбежный в тех условиях, в которых оно зарождалось. Конечно, с высот победившего социализма как-то неловко вспоминать о своих полицейских предках, но что делать? Здесь ни убавить, ни прибавить: так это было на земле. Так было, что только-только формирующаяся социал-демократия представляла собой ничтожно малую величину, а ее связи с рабочим классом были весьма эфемерными. Достаточно напомнить, что на II съезде РСДРП в 1903 году среди 44 делегатов насчитывалось всего четверо рабочих. Да, узок был круг этих революционеров, страшно далеки они были от народа. Мы давно и хорошо знаем эту фразу, думаем, будто она относится к декабристам, а на самом деле не меньше оснований отнести ее к горстке интеллигентов, к тому же, в большинстве своем, нерусских. А как приблизиться к вожделенному народу, если и сам народ прочь гонит, да и полиция вокруг похаживает? Тут-то и пришел на помощь неприкаянным социал-демократам жандармский ротмистр Сергей Васильевич Зубатов.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что Зубатов втайне сочувствовал революционерам. Субъективно он, конечно, хотел нейтрализовать их пока еще только потенциальное влияние и противопоставить начинавшимся стихийным волнениям рабочее движение, организованное сверху. Но Зубатов, при всех своих достоинствах, будучи человеком "по-своему неглупым и чрезвычайно энергичным"*, был в то же время, если так можно выразиться, монархистом-идеалистом по своим убеждениям: хотя он с ранней юности вращался среди революционеров, участвуя лично в целом ряде тайных обществ**, так что, надо полагать, был хорошо знаком с разными вариантами антиправительственной идеологии, марксистское учение о классовой природе государства осталось для него книгой за семью печатями: он глубоко верил в "надклассовый" характер русской монархии и, соответственно, в ее способность обуздать произвол капиталистов.

На этой вере он впоследствии и погорел.

Некоторые советские историки позже пытались преуменьшить значение зубатовской организации, писали, будто Зубатову удалось вовлечь в ее состав лишь "часть рабочих из наиболее отсталых слоев московского пролетариата"***. Но подобные голословные утверждения опровергаются в более серьезных исследованиях.

Основанное в 1901 году Общество взаимопомощи рабочих механического производства первоначально, действительно, охватывало только квалифицированную верхушку из 250 механических рабочих, но когда к нему примкнуло Общество текстильщиков, в нем уже насчитывалось 1200 рабочих, а затем деятельность зубатовских организаций распространилась на большинство профессий рабочих Москвы*. Косвенное подтверждение того, что зубатовское движение захватывало вовсе не "наиболее отсталые слои", мы находим в художественной литературе, а именно в романе М. Горького "Жизнь Клима Самгина", где социал-демократические агитаторы жалуются: "Если б ткачи, но ведь металлисты идут на эту приманку, подумайте! Из семнадцати моих учеников только двое понимают, что Зубатов — жулик". Оттертые в сторону революционеры могли сколько угодно ругаться, брызгать слюной, обзывать Зубатова жуликом — дело от этого не менялось. Масса шла за Зубатовым, и социал-демократам приходилось поневоле считаться с этим фактом. Они пытались даже как-то им воспользоваться, о чем впоследствии откровенно писал В. И. Ленин в работе "Детская болезнь левизны в коммунизме": "Когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии... которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев"**. Ленин руководствовался правилом "обязательно работать там, где есть массы". Правило, безусловно, верное, но признание Ленина интересно рассмотреть в таком аспекте: при отсутствии прочих легальных возможностей зубатовские организации давали и революционерам определенный шанс самим фактом своего существования. Независимо от субъективных намерений Зубатова объективно его организация работала совсем не на него, хотя на первый взгляд казалось наоборот.

Наибольшим успехом Зубатова считается организация им шествия к памятнику Александру II в Кремле 19 февраля 1902 года, в котором приняли участие 40 тысяч рабочих. Это событие часто сравнивается с шествием к Зимнему дворцу 9 января 1905 года, но сходство здесь чисто внешнее. В Москве никому не предъявлялось никаких требований и прошений, Зубатов пока что крепко держал движение в своих руках, и никаких особых мер предосторожности не предпринималось, хотя в той же "Жизни Клима Самгина" мы читаем, как глазеющие на колонну рабочих боязливые господа поговаривают, что зря, мол, допущено прохождение: в Кремле царские короны, регалии и вообще сокровища... В январе 1905 года именно такие боязливые господа оказались на государственных постах, что и привело к роковому исходу; впрочем, и шествие, с которым им пришлось иметь дело, было вовсе не таким мирным, но об этом после.

Приняв участие в массовом молебне, рабочие как бы выдали Зубатову вексель, оплатить который у того не хватило средств. С зубатовским движением произошло то же, что впоследствии с гапоновским: оно перехлестнуло установленные первоначальные рамки. Диаметрально противоположными были лишь личности руководителей, их намерения и действия. "Зубатовские организации, начиная с чисто культурно-просветительских форм, понемногу переходят к чисто экономическим действиям и становятся органами, через которые прорывается наружу экономическое недовольство рабочих своим положением". "Сокрытыми листами, выданными московским оберполицмейстером как председателем московского по столичным делам присутствия, рабочие-зубатовцы входили на фабрики вопреки запрету владельческой и столичной администрации и вступались здесь за рабочих перед фабричной администрацией, действуя от имени Союза московских рабочих, импонируя рабочим своей неприкосновенностью и своей деятельностью"*. Долго так продолжаться, конечно, не могло.

Зажимать зубатовскую самодеятельность потихоньку начали уже в 1902 году. В июне 1903 года руководители общества М. Афанасьев и Ф. Слепов были официально предупреждены, что если они будут продолжать писать жалобы и прошения, то их отстранят от руководства **. Но настоящий скандал разразился, когда началась забастовка на заводе Гужона и полиция вмешалась в эту забастовку и стала угрожать владельцу фабрики арестом и высылкой из Москвы как французского подданного, если он не удовлетворит требования рабочих. Несчастный идеалист Зубатов оправдывал свои действия тем, что забастовки вызываются в значительной степени поведением фабрикантов, дающих повод рабочему классу, интеллигенции и духовенству смотреть на них как на мошенников***. Но победил в неравной схватке, конечно, не Зубатов: пересилил с помощью французского посла Гужон.

В особенно резких формах, предвосхищающих январские события 1905 года, реакция вышла из-под контроля в Одессе. Здесь зубатовский эмиссар Шаевич "принялся за дело очень круто: фабрикантам было предписано брать рабочих только от Союза; рабочих, не соглашавшихся вступить в Союз, изгоняли с фабрик и избивали

---

* Семанов С. Кровавое воскресенье. Л., 1965. С. 28.

** Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1924. С. 36.

*** Фрайман А. Девятое января 1905 года. Л., 1955. С. 10.

---

* Айнзафт С. Цит. соч. С. 55, 57.

** Ленин В. И. Поли. Собр. соч. Т. 41. С. 38.

---

* Айнзафт С. Цит. соч. С. 52, 53.

** Там же. С. 63.

*** Там же. С. 60.

на улицах на глазах у полиции"*. Дело кончилось в июле 1903 года всеобщей забастовкой, которой, как признал сам Зубатов, Шаевич был "захлестнут", арестом Шаевича и его высылкой сначала в Вологду, а затем в Восточную Сибирь на пять лет. Не избежал репрессий и сам Зубатов, сосланный во Владимир.

Когда в 1902 году Зубатов был переведен из Москвы в центральный аппарат и получил пост начальника особого отдела Департамента полиции, тогда он и познакомился в Петербурге с молодым священником Георгием Гапоном.

За вычетом легенд и сплетен, которыми неизбежно обрастает биография каждого известного деятеля, остается примерно следующая канва**.

Георгий Аполлонович Гапон родился около 1870 года на Полтавщине. С детства он отличался мистической религиозностью и мог часами молиться, доводя себя до экстаза. В 1893 году Гапон окончил Полтавскую духовную семинарию и работал земским статистиком, когда ему стал покровительствовать местный архиерей, и Гапон получил место священника на городском кладбище. Уже в Полтаве Гапон организовал благотворительное "Братство бедных". Неожиданно у Гапона умерла молодая жена, результатом чего было нервное расстройство, сохранившееся на всю жизнь, с болезненными галлюцинациями и бредом. В 1898 году Гапон поступил в Петербургскую духовную академию. У него появились еще более высокие покровители, в частности сам К. Победоносцев. Гапон сначала получил место учителя в приюте для девиц, а потом священника в известной тюрьме "Кресты", но его по-прежнему тянуло к униженным и оскорбленным, он часто являлся в ночлежках, а затем стал регулярно бывать среди рабочих, в чайной общества трезвости на Васильевском острове.

Обратил свое внимание на Гапона и С. В. Зубатов, стремившийся распространить влияние своей организации на Питер. С этой целью туда из Москвы прибыл один из руководителей зубатовского общества Красовский, произведший "громадное впечатление", как признал позже один из ближайших сподвижников Гапона Н. Варнашев***. Красовский был хорошо знаком с опытом профессиональных рабочих организаций на Западе, цитировал Вебба, Зомбарта и других реформистских теоретиков и издевался над пропагандистами-политиками: "Продали мне в лавке гнилую селедку, а партии спешат использовать случай, предлагая кричать "долой самодержавие!". Варнашев вошел в контакт с кругом Красовского, а впоследствии познакомился и с самим Зубатовым, "не находя в этом чего-либо зазорного"*.

Не находил в этом ничего зазорного и Гапон. Ни тогда, ни позже он не держал в секрете своих связей. Это подтверждают и его сподвижники, в частности тот же Варнашев: говоря о благоволении к Гапону градоначальника Клейгельса и митрополита Антония, о связях Гапона среди дам-патронесс, о его знакомстве с Лопухиным и Герасимовым, он оговаривает: "Свои сношения с названными лицами от меня и Васильева, а позднее от Карелина и Кузина Гапон не скрывал"**. Упомянутый здесь А. Карелин, позже примкнувший к гапоновской организации, также свидетельствует о Гапоне: "Он говорил, что знаком с Зубатовым, градоначальником, Плеве"***. О своих сношениях с Зубатовым Гапон сам подробно рассказал в книжке, изданной в 1905 году за рубежом. "Мне казалось, — писал он, — что кто бы ни начал эту организацию, в конце концов она станет самостоятельной"****. Правда, Любимов недоверчиво брюзжит: "Был ли действительно Гапон таким Конрадом Валленродом, каким он выставляет себя, осталось невыясненным", однако не чиновник МВД, а объективный советский исследователь С. Айнзафт констатирует: "Что движение, руководимое Гапоном, было создано под покровительством правительства, не отрицал сам Гапон... Тем не менее, это было движение своеобразное, принимавшее своеобразные формы"*****. Своеобразие гапоновского движения именно в том и заключалось, что оно не было полицейской инспирацией. Гапон верно рассчитал, что при покровительстве властей рабочим легче будет сорганизоваться в широких масштабах, чем в нелегальных кружках, а затем движение само перехлестнет поставленные ему рамки, как это уже случилось с "зубатовщиной", только для Зубатова такой исход был нежелательным, а Гапон, наоборот, к тому, собственно, и стремился.

Как уже говорилось, Гапону удалось добиться благоволения петербургского градоначальника Клейгельса. Сменивший последнего в начале 1904 года Фуллон также покровительствовал Гапону. 30 августа 1903 года Гапон снял для своих соображений помещение на Выборгской стороне (Оренбургская улица, дом 23).

* Айнзафт С. Цит. соч. С. 101.

** Семанов С. Цит. соч. С. 30—31.

*** Варнашев Н. От начала до конца с Гапоновской организацией в С.-Петербурге // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 1. С. 183.

* Варнашев Н. От начала до конца с Гапоновской организацией в С.-Петербурге // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 1.С. 188.

** Варнашев Н. Цит. соч. С. 193.

*** Карелин А. 9 января и Гапон // Красная летопись, 1922. № 1. С. 107.

**** Воспоминания Д. Н. Любимова // Вопросы истории, 1965. № 8. С. 124—125.

***** Айнзафт С. Цит. соч. С. 110—111.

Пробивая путь своему обществу, Гапон прилагал невероятные усилия. Н. Варнашев вспоминает: "Работа была для Гапона очень нелегкой. Видел его усталым, измотавшимся за целый день околачивания порогов у властей и не уверенным в успехе"*. Не раз ходил Гапон на поклон к самому министру внутренних дел Плеве. Наконец, 15 февраля 1904 года устав общества был утвержден, а 11 апреля в упомянутом доме на Оренбургской улице в присутствии градоначальника Фуллона состоялось торжественное открытие Собрания. 30 августа открылось второе отделение за Нарвской заставой на Петергофском шоссе, затем новые — на 4-й линии Васильевского острова, на Шлиссельбургском тракте. Всего к декабрю 1904 года работало 11 отделений, которые охватывали 8 тысяч человек, — масштаб, по тем временам, небывалый.

А. Фрайман пишет, что ядро ближайших помощников Гапона составляла "рабочая аристократия", преимущественно высокооплачиваемые рабочие **. Это одно из очень редких правдивых положений у Фраймана. Оно подтверждается свидетельством известного большевика А. Серебровского, согласно которому в состав гапоновской организации "входили некоторые очень солидные и начитанные рабочие из высококвалифицированных — они-то и вели все дело"***.

Да и сам Н. Варнашев откровенно говорит о консерватизме ответственного кружка, объяснявшемся солидностью его членов, их семейным положением и сравнительным материальным достатком. Заработок 100 рублей в месяц в механическом производстве не представлял диковины. Сам Варнашев как токарь-металлист с 16-летним стажем зарабатывал от 100 до 200 рублей в месяц.**** Все члены руководства организации были в возрасте не моложе 30 лет, а Ф. Горбачеву перевалило за 50. Он верил в Бога и царя и украсил стену Собрания царским портретом*****. В то же время, как подчеркивает Варнашев, всех привлекала общественная деятельность и идеи классовой организации. Не забывает он сказать и о себе: "Я был хорошо грамотен, перечитал почти всех отечественных классиков и уже искал новизны в иностранной переводной литературе"******. В общем, к совершенно правильному выводу приходит С. Айнзафт: "Кружок "штабных" состоял из рабочих безусловно честных, развитых и культурных, хорошо знакомых с состоянием рабочего движения в России и на Западе и которых нельзя просто причислить к агентам охранки"*.

Гапон не сразу стал кумиром рабочих. Не так-то просто завоевать популярность в этой среде. А. Карелин вспоминает: "Мы знали, что Гапон имеет какие-то связи с полицией, и держались осторожно"**. Но когда в марте 1904 года Гапон ознакомил руководство организации с проектом своей программы, "все мы увидели, что то, что написал Гапон, шире социал-демократов. Мы и поняли тут, что Гапон честный человек, и поверили ему"***.

О первичных трудностях Гапона вспоминает и помогавшая ему в работе среди женщин Л. Гуревич: "Наименование "зубатовщина" применялось к ним (то есть гапоновским организациям) даже среди малосознательной массы"****. Мало-помалу Гапон стал сближаться с наиболее сознательными рабочими из отделов. "Он постоянно побеждал это недоверие личным обаянием, искренним товарищеским тоном в обращении и широтою тех планов, которые он доверял близким"*****.

Изменение отношения к Гапону Н. Варнашев связывает с еще одним важным обстоятельством. В конце 1903 года в обществе появились новые члены: А. Е. Карелин и его жена В. М. Карелина, Д. Кузин, И. Харитонов, Я. Иванов, А. Усанов, В. Князев, В. Иноземцев. "Большинство из них были люди, уже искушенные в политике, побывавшие в разных переделках, и с клеймом политической неблагонадежности. Их общее самообразование было достойно уважения. Несогласие с программой партии, недовольство их тактикой вынуждало их к беспартийности. Оппозиция, так назову Карелина с компанией, одним своим появлением создала совершенно иную атмосферу. Мозг заработал напряженнее, и пульс усилил темп". "Собрание левело, не исключая и Гапона". И далее Варнашев отмечает "сближение всех с Гапоном, возраставшее к нему доверие, и в свою очередь — подчинение Гапона общему с оппозицией настроению. Общее же настроение клонилось к революционной пропаганде"******.

Когда Варнашев говорит о людях, побывавших в переделках, он имеет в виду прежде всего супругов Карелиных, которые принимали активное

* Варнашев Н. Цит. соч. С. 192.

** Фрайман А. Цит. соч. С. 12.

*** Серебровский А. Воспоминания о Петербургском Совете рабочих депутатов 1905 года. С. 34.

**** Варнашев Н. Цит. соч. С. 194.

***** Там же. С. 190—191.

****** Там же. С. 177.

* Айнзафт С. Цит. соч. С. 113.

** Карелин А. Цит. соч. С. 107.

*** Там же.

**** Воспользуемся случаем, чтобы заметить, что эта масса была гораздо сознательней, чем думает Фрайман. — Авт.

***** Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9 января 1905 года. Берлин, 1906. С. 9—10.

****** Варнашев Н. Цит. соч. С. 195, 197.

участие в одной из первых русских социал-демократических организаций — группе Бруснева в начале 90-х годов. К этой же группе принадлежал, в частности, Л. Красин, с женой которого В. Карелина продолжала поддерживать контакт и в описываемый период. К тому же кругу следует отнести и И. Харитонова, входившего в социал-демократический кружок Эсфири Бернштейн, которая вместе с Л. Красиной занималась распространением подпольной литературы. Один из членов Петербургского Совета Ф. Кондратьев вспоминает: "Все сознательные рабочие пошли в указанное собрание для того, чтобы использовать его как политическую трибуну. Не доверяя Гапону, рабочие все время держали его под своим надзором"*. Таким образом, полевение гапоновцев проходило не без косвенного влияния социал-демократов.

Но только косвенного. Прямого влияния не было. Революционная брезгливость перешла в политическую слепоту. Мартов откровенно признал впоследствии, что "революционные организации столицы проглядели тот рост и, вместе с ростом, то постепенное перерождение основанных Г. Гапоном легальных рабочих организаций, которое уже к началу осени 1904 года сделало их своего рода рабочими клубами"**. С не меньшей самокритичностью высказывался и В. Невский: "Руководство движением в руках социал-демократии не было. Большевики имели мужество сознаться в этом"***.

Социал-демократы проглядели не только эволюцию гапоновского движения; они проморгали и такое крупнейшее событие, как забастовку на Путиловском заводе. Началась она, как известно, с рядового, казалось бы, конфликта. В декабре 1904 года мастер Тетявкин уволил из вагонных мастерских Путиловского завода четырех рабочих. Все эти рабочие были членами гапоновского собрания. И характерный факт: "Гапон интересовался этим делом, а ни большевистский комитет, ни меньшевистская группа даже не откликнулись на это событие"****. Развивая свою мысль, тот же В. Невский писал в другой статье: "Влияние социал-демократических организаций в Петербурге на ход событий в январские дни было очень незначительным". "Шло большое забастовочное движение, нарастала какая-то неизвестная огромная волна, а большевистский комитет живет своей обособленной жизнью; раз навсегда квалифицировав гапоновское движение, как зубатовское, он даже не в состоянии уловить, что на Путиловском заводе не простая стачка"*.

Как свидетельствует активная участница гапоновского движения Л. Гуревич, "есть все основания думать, что Собрание русских фабрично-заводских рабочих сыграло очень существенную роль в самом возникновении общей январской забастовки; оно подготовило в довольно широких кругах рабочего класса сознательное недовольство существующим положением и с самого начала поддержало первых протестантов и самую мысль о забастовке"**. Уже 28 декабря в Петербурге состоялось собрание представителей от всех отделений (280 членов), и Гапон предложил выступить на более широкую арену деятельности***. Общество стремительным броском вышло за те рамки, которые сводили его деятельность на первых порах к устройству чайных, организации дешевой газеты для рабочих ("Копейка"), а готовые организационные формы позволили моментально создать стачечный комитет и материальный фонд****.

Переговоры с администрацией кончились ничем, и 3 января Путиловский завод забастовал. 4 января к местным требованиям добавились и общие: восьмичасовой рабочий день, повышение платы чернорабочим, создание выборных комиссий от рабочих и улучшение санитарных условий. Дирекция завода пошла на частичные уступки, но было уже поздно. 4 января к путиловцам присоединились рабочие франко-русского механического завода, 5 января — Невского судостроительного завода и двух текстильных фабрик, а 7 января стачка стала всеобщей: она охватила 107 тысяч рабочих, 382 предприятия.

Когда запахло жареным, зашевелились и социал-демократы, но их запоздалая реакция принимала комические формы и приносила плачевные результаты. Не без юмора рассказывает об этом начальник петербургского охранного отделения подполковник Л. Н. Кременецкий в записке директору департамента полиции А. А. Лопухину от 2 января 1905 года, в которой отмечается, что на экстренное собрание членов гапоновского общества явилось несколько человек, не принадлежащих к числу членов общества, "в том числе три интеллигентных еврея и три еврейки, по-видимому, курсистки". Когда разгорелся спор об увольнении четырех рабочих, "один из присутст-

* Серебровский А. Цит. соч. С. 64. Оттуда же взяты сведения о революционных связях Карелиных и Харитонова: с. 172, 173, 214.

** Цит. по: Невский В. Январские дни в Петербурге в 1905 г. // Красная летопись, 1922, № 1. С. 24.

*** Там же. С. 33.

**** Невский В. Январские дни в Петербурге в 1905 г. //Красная летопись, 1922. № 1. С. 20.

* Невский В. Петербургские социал-демократические организации в январе 1905 года // Красная летопись, 1925, № 1 (12). С. 147, 150.

** Гуревич Л. Цит. соч. С. 20.

*** Невский В. Январские дни в Петербурге в 1905 г... С. 14.

**** Гуревич Л. Цит. соч. С. 24.

вующих на собрании евреев предложил идти заявлять свои требования с красным знаменем и притом добавить к вышеуказанным требованиям требование политической свободы. На это Иноземцев заявил, что необходимо держаться на чисто экономической почве, не затрагивая политических вопросов. Тогда тот же еврей попытался разбросать несколько штук каких-то прокламаций, но ввиду общего протеста рабочих сейчас же оставил это и был выгнан из собрания вместе с остальными евреями. Что же касается трех еврееек, то они были даже сначала задержаны рабочими, но затем, из опасения, что их могут обвинить в произволе, отпущены"*. В. Невский поясняет, что этими евреями, очевидно, были братья Мендель и Израиль Явич**. Вообще петербургский комитет большевиков по своему национальному составу весьма точно копировал II съезд РСДРП. Возглавлял местную организацию Яков Давидович Драбкин, выступавший под личиной Сергея Ивановича Гусева. В гражданскую войну этот "Гусев" возвысился до поста начальника политуправления Красной Армии и бестрепетно подмахивал зверские приказы своего шефа и единомышленника Л. Д. Троцкого-Бронштейна о децимациях на римский манер***. Достойными сподвижниками "Гусева" были Розалия Землячка (Залкинд), прославившаяся впоследствии массовыми расстрелами сдавшихся в плен белогвардейцев в Крыму, и "воинствующий безбожник" Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман), который позже, будучи секретарем ЦКК, выполнял роль шеф-повара, поставляющего блюда из человечины на стол НКВД. А в 1905 году это были присяжные народолюбцы и борцы против деспотизма.

Вождь петербургских большевиков Гусев-Драбкин очень болезненно реагировал на неудачи своих агитаторов и жаловался В. И. Ленину в письме от 5 января 1905 года на "положение с проклятым Гапоном, который приобрел большую популярность благодаря тому, что ему разрешают свободно устраивать собрания рабочих". "Этот отец Гапон — несомненно, зубатовец высшей пробы, — безапелляционно продолжает далее Гусев и очень любопытно аргументирует свое утверждение: — Хотя прямых данных к тому не имеется (!!!), но уже один тот факт, что Гапона за его речи не арестуют и не высылают... говорит лучше всяких данных" (!!!)

Гусев докладывал Ленину, что "отцом Гапоном увлекаются не только старые рабочие, но даже сознательные рабочие социал-демократы, даже организованные рабочие, больше того, даже некоторые интеллигенты из социал-демократических организаций допускают мысль, что отец Гапон — "идеалист". Но все эти рассуждения Гусева внезапно перечеркиваются постскриптумом, в котором говорится, что "Гапон революционизировал массу", и что, "вероятно, это наивный идеалист"*. Как видно, события так потрясли Гусева, что он забыл, о чем писал в начале письма.

Популярность Гапона, не дававшая спать Гусеву, была действительно феноменальной. Временно исполнявший должность начальника Петербургского губернского жандармского управления полковник Касаткин доносил: "На всех мастеровых производит глубокое впечатление участие в движении священника Гапона"**. Директор департамента полиции А. А. Лопухин докладывал еще выше, министру внутренних дел: "Священник Гапон, по имеющимся сведениям, пользовался среди рабочих репутацией человека "сверхъестественного"***. Л. Гуревич приводит отзыв рабочих о Гапоне: "Один наш батюшка такой, а то все негодяи"**** и говорит, что среди кружка, группировавшегося непосредственно вокруг Гапона, "были восторженные, страстно преданные ему люди, готовые пойти за него в огонь и в воду"*****.

Гапон мешал социал-демократам, как удачливый конкурент, притом осознававший свою роль конкурента. Гусев отмечает в своем цитировавшемся выше письме к Ленину, что "отец Гапон не упускает случая, чтобы так или иначе дискредитировать социал-демократов"******. Неудивительно, что попытки революционеров-партийцев выступить открыто кончались крахом, как это было в случае с Явичем. Такая же судьба постигла и других, о чем откровенно пишет А. Серебровский: "Нам от гапоновцев приходилось довольно туго. Они нас не преследовали, но не давали нам работать... Иногда даже меня слушали. Правда, чаще выставляли за дверь"*******. Поэтому поневоле приходилось прибегать к маскировке.

Займемся теперь выяснением вопроса, когда и у кого зародилась злосчастная идея отправиться с шествием к Зимнему дворцу. От правильного ответа на этот вопрос зависит очень многое, здесь ключ ко всей трагедии. Если повторить вслед за

* Начало первой русской революции. С. 4—5.

** Невский В. Январские дни в Петербурге в 1905 г... С. 17—18.

*** Медведев Р. А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма // Alfred A. Knorf. N. York, 1974. P. 774.

* Начало первой русской революции. С. 8—10.

** Там же. С. 38.

*** Там же. С. 104.

**** Гуревич Л. Цит. соч. С. 13.

***** Там же. С. 11.

****** Начало первой русской революции. С.9.

******* Серебровский А. Цит. соч. С. 34, 35.

С. Семановым: "Главный вдохновитель и организатор этой провокационной затеи — Георгий Гапон, агент охранки"*, то вся вина, конечно, падет на проклятую охранку и на весь тогдашний режим в целом, чего, собственно, и добиваются авторы этой версии. Историю петиции специально разбирал А. Шилов ("Красная летопись", 1925, № 2 (13), статья "К документальной истории петиции 9 января 1905 года"). Он начинает с мартовского совещания 1904 года, опираясь как на источник на воспоминания Н. Варнашева**, но подчеркивает слова Варнашева, что зачитанный тогда документ рассматривался не как петиция, а как программа руководящей группы Собрания.

Вторым этапом А. Шилов считает ноябрь 1904 года, когда в разгар кампании гапоновский штаб хотел присоединиться к ней и выступить со своей петицией, но Гапон занял выжидательную позицию и при поддержке Варнашева и Кузина одержал верх над нетерпеливыми Карелиным и Васильевым.

Наконец, в декабре, перед Путиловской забастовкой, Гапон все еще продолжал быть сторонником более отдаленного срока подачи рабочей петиции и уступил только после жарких и долгих споров. Окончательное решение о подаче петиции было принято 27 декабря, и Гапон присоединился к нему***.

Но все это о петиции, а как именно мыслилась ее подача? Как с шествием? В. Невский приводит цитату из воспоминаний активного участника гапоновской организации И. Павлова: "Мысль идти к царю принадлежала самому Гапону"****. Такая фраза действительно есть в этих мемуарах, но далее-то, на странице 89, говорится совсем другое, о чем умалчивает Невский: в момент забастовки Гапон изменил свою позицию. "Теперь он отнесся к этой мысли отрицательно, находя, что положение с тех пор совершенно изменилось, и такой шаг в настоящее время, по его мнению, должен считаться безрезультатным.

Но оказывается, что штабные, до сих пор продолжавшие еще не вполне доверять ему, видя, как он решительно восстал против мысли идти к царю, и увлеченные общим массовым настроением, также высказывались за эту мысль... Гапон сдался. В этом своем поражении, по моему мнению (заключает Павлов), Гапон именно и показал себя гениальным организатором масс. Несмотря на то, что он был против мысли идти теперь к царю, он, тем не менее, нашел в себе столько высокого мужества, что не только подчинился нежелательной ему мысли, но всем своим существом проникся ею".

Выходит, идею шествия подал вовсе не Гапон. Идея шла снизу, Гапон даже был против нее, но не мог совладать с массовым настроением.

И. Павлов рассказывает о контактах Гапона с представителями партий, не уточняя имена*. С его же слов известно, что первый проект петиции был составлен каким-то социал-демократом, личность которого, как ни странно, до сих пор установить не удалось. Л. Гуревич также подтверждает, что в основу петиции легла резолюция, составленная на Шлиссельбургском тракте вечером 5 января при участии социал-демократов**. Н. Варнашев вспоминает: "6 января у Гапона я застал Тана, Богучарского и еще незнакомого мне интеллигента, который был занят составлением текста петиции"***. В этот первый вариант входили такие пункты, как национализация земель и фабрик, созыв Учредительного собрания, отмена сословных ограничений, свобода, амнистия и прекращение войны. Однако 6 января Гапон существенно изменил этот текст, убрав из него, в частности, пункт о национализации. Изменился и сам стиль петиции. Написанная сухо и деловито, первоначальная резолюция не напоминала размашистого, более живого слога Гапона****. Зато язык и стиль окончательного варианта петиции "сильно смахивают на проповедь"***** И все же, несмотря на это внешнее обрамление, в петиции сохранились требования амнистии, свободы, бесплатного образования, ответственного правительства, равенства, отделения церкви от государства, прогрессивного подоходного налога, отмены выкупных платежей с крестьян, прекращения войны и сугубо рабочие требования: восьмичасовой рабочий день, создание выборных комиссий и профсоюзов, уничтожение фабричной инспекции и свобода стачек. Таким образом, за крестами и хоругвями явно просматривались грядущие красные звезды. Гапон уже шел на поводу у революционеров, но масса шла еще за прежним Гапоном, не зная о его трансформации. Получилось почти как с Мазепой, пресмыкавшимся перед Петром, а потом вдруг объявившим себя "самостийником", с той разницей, что Мазепа не обладал магическим влиянием Гапона, который мог вести за собой толпу в любую сторону.

К царю шли не со смиренной просьбой, а с ультиматумом. Л. Гуревич очень ярко описывает царившую в те дни обстановку религиозного экстаза, который Гапон мог направить куда угодно. "Быть может, никогда и нигде еще революцион-

* Семанов С. Цит. соч. С. 57.

** Варнашев Н. Цит. соч. С. 198.

*** Шилов А. К документальной истории петиции 9 января 1905 года // Красная летопись, 1925. № 2(13). С. 22-24.

**** Павлов И. Из воспоминаний о Рабочем союзе и священнике Гапоне // Минувшие годы, 1908. № 4. С. 88.

* Павлов И. Из воспоминаний о Рабочем союзе и священнике Гапоне // Минувшие годы, 1908. № 4. С. 91.

** Гуревич Л. Цит. соч. С. 27.

*** Варнашев Н. Цит. соч. С. 203.

**** Шилов А. Цит. соч. С. 27.

***** Семанов С. Цит. соч. С. 57.

ный подъем огромных народных масс — готовность умереть за свободу и обновление жизни — не соединялся с таким торжественным, можно сказать, народно-религиозным настроением". Гапон объехал все отделения и говорил при этом: "Если царь нам откажет, тогда у нас нет царя!" И толпа, как зачарованная, повторяла его слова и восклицала: "Все умрем... Батюшка, благословляем тебя на подвиг, веди нас".*

После 9 января комиссия присяжных поверенных (М. Винавер, О. Грузенберг, А. Турчанинов, В. Люстик, А. Пассовер, Л. Слонимский, В. Планксон, П. Потехин) утверждала, будто перед началом шествия на всех собраниях было установлено, что 9 января рабочие должны идти на Дворцовую площадь тихо и мирно, с голыми руками, оставив дома даже перочинные ножи**. А Гусев между тем писал Ленину 5 января, что Гапон "предлагает запастись оружием"***. А Варнашев сообщает, что Гапон предупредил своих приближенных: я буду иметь с собой два флага — белый и красный; взмах белым флагом будет означать принятие царем требований, взмах красным — сигнал к революционным действиям****. А Павлов цитирует хвастливое заявление Гапона: "Всю петербургскую полицию мы обезоружим в течение десяти минут"*****. А некий студент, проникший на рабочее собрание на Петербургской стороне, рассказывает, что выступивший там оратор заявил: "Если царь тут же, на Дворцовой площади не подпишет петицию, мы тогда все разнесем"******. А по донесению пристава Шлиссельбургского участка, в седьмом отделении гапоновского собрания его члены решили явиться на дворцовую площадь вооруженными и оказывать полиции и войскам сопротивление*******. Наконец, многозначительный эпизод приводит в своих воспоминаниях Д. Любимов. В начале 1906 года по возвращении Гапона из эмиграции в одном либеральном кружке зашла речь о 9 января. Некоторые говорили, что государю надо было тогда выйти на площадь. Гапон упорно молчал, а потом неожиданно для всех ответил: "Убили бы"********. Вот вам и мирное шествие!

Даже поведение войск не было неожиданностью. А. Карелин заявляет твердо и ясно: "Все хорошо знали, что рабочих расстреляют"*********. Единодушен с ним столь же осведомленный Н. Варнашев: "Ни у кого не было сомнений в кровавой расправе правительства с народом, но...пусть будет так! Лучше короткое временное страдание при операции, чем вековая боль"*. О самом Гапоне Рутенберг сообщает, что тот якобы не ожидал расстрела**, но совсем иные высказывания Гапона приводит И. Павлов: "Я убежден, что нас расстреляют... Во-первых, отступать уже нельзя, а во-вторых, за один завтрашний день, благодаря расстрелу, рабочий народ революционизируется так, как другим путем нет возможности это сделать и в десять лет, и затратив десятки тысяч жизней"***. Отметим про себя походя почти буквальное совпадение этого высказывания со словами Ленина из статьи "Начало революции в России": "Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни"****.

К этим рассуждениям о пользе расстрелов уместно добавить еще одно, но несколько иной тональности. В 1906 году в Париже в газете "Красное знамя" № 2 появилась статья "За кулисами гапоновщины". Ее автор, близкий в прошлом к Гапону журналист А. И. Матюшенский назвал себя автором как идеи шествия ко дворцу, так и самой петиции и каялся в этом своем "великом грехе против России, против народа". По его словам, он написал петицию "в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу, и тут-то, под штыками и пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется"*****.

Если автором петиции действительно является Матюшенский, то понятно, почему наши исследователи до сих пор не могут найти этого автора. Фигура, слишком компрометирующая социал-демократию. П. Рутенберг пишет об этом деятеле, что он и вправду принадлежал к социал-демократам******, но сообщает и более пикантные подробности. Оказывается, Матюшинский (так эту фамилию пишет Рутенберг) вел после 17 октября переговоры с Витте и Тимирязевым о легализации Гапона и, получив от них 30 тысяч рублей, скрылся с 23 тысячами, однако был изловлен в Саратове у любовницы и вынужден был вернуть 21 тысячу Кузину*******.

Однако, может быть, Матюшенский, назвавшись автором петиции, возвел на себя напрасли-

* Гуревич Л. Цит. соч. С. 28, 31.

** Начало первой русской революции. С. 106.

*** Там же. С. 10.

**** Варнашев Н. Цит. соч. С. 206.

***** Павлов И. Цит. соч. С. 84.

****** Начало первой русской революции. С. 96.

******* Там же. С. 55.

******** Вопросы истории, 1965. № 8. С. 130.

********* Карелин А. Цит. соч. С. 111.

* Варнашев Н. Цит. соч. С. 206.

** Рутенберг П. Дело Гапона // Былое, 1917. № 2. С. 9.

*** Павлов И. Цит. соч. С. 94.

**** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 201—202.

***** Красная летопись, 1925, № 2(13). С. 29—30.

****** Былое, 1917. № 2. С. 27.

******* Там же. С. 28, 42.

ну (или его заставили это сделать)?

М. Горев в книжке "Гапон и 9 января" (М., 1926) пишет (С. 14), что составление петиции "Гапон поручил своему ближайшему сподвижнику, человеку с весьма сомнительной "славой". По "делам союза этот человек бегал то к царским министрам Тимирязеву и Витте, то к некоему Александру Ивановичу Матюшенскому". Значит, не сам Матюшенский. Кто же тогда? Засечь таинственного посредника помогает тот же П. Рутенберг: оказывается, речь идет о знаменитом Манасевиче-Мануйлове, человеке для особых поручений при Витте, а позже — друге-приятеле Распутина. Именно Мануйлова назвал одним из главных инициаторов январских событий 1905 года французский посол М. Палеолог*.

Сообщения о готовящемся грандиозном шествии всерьез обеспокоили правящие круги, нервозность которых усугублялась одним очень странным, до сих пор толком не объясненным событием. 6 января, в день Крещения, состоялся традиционный обряд освящения воды митрополитом в присутствии царя. Далее предоставим слово жене министра внутренних дел Е. А. Святополк-Мирской, чтобы через восприятие непосредственного участника событий ощутить всю напряженность атмосферы тех дней. "Во время салюта, во время Иордани один из выстрелов оказался боевым снарядом. Конечно, все решили, что покушение. Все так натянуто, что прямо является эта мысль... К счастью, что пули уже были на излете, а то ужасно, что могло произойти"**. После женской истерики просто для контраста полезно прочесть сухую, сдержанную запись из дневника Николая II: "Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближнюю к Иордани местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито"***. О панике во дворце пишет в своих воспоминаниях и Д. Н. Любимов, уточняя: "При салюте среди холостых были два боевых снаряда, либо учебные снаряды с картечью, причем выстрелы были не из крепости, а с вспомогательной батареи, стоявшей на мосту у биржи"****.

Была создана следственная комиссия, в которую вошли генерал-лейтенант Хитров, директор департамента полиции Лопухин, прокурор судебной палаты Трусевич. С феноменальной быстротой комиссия за один день установила, что имела место простая случайность.

"В возможность простой небрежности с выстрелами как-то не верилось", — качает головой Д. Н. Любимов*. Скептически настроен и автор предисловия к мемуарам Любимова А. Л. Сидоров: "6 января артиллеристы "по ошибке" — да и по ошибке ли? — обстреляли картечью Зимний дворец"**. Ну в самом деле, какое серьезное следствие можно провести за несколько часов? Все это слишком напоминает пресловутый доклад комиссии Уоррена по делу об убийстве Дж. Кеннеди. Если же учесть двойную игру директора департамента полиции Лопухина, связанного по масонской линии с революционерами, то сразу почувствуется хорошо знакомый запах.

Вслед за документальными свидетельствами обратимся к литературе. В "Жизни Клима Самгина" вечером 6 января к Самгину приходит его знакомый Туробоев и говорит: "Сегодня утром по Николаю Второму с Петропавловской крепости стреляли картечью" и с иронией добавляет: "Интересно, какая была команда? Батарея! По всероссийскому императору — первое!" Далее следует интересный диалог:

" — Любопытнейший выстрел, — говорит Туробоев. — Вы знаете, что рабочие решили идти в воскресенье к царю?

— Что вы хотите сказать? — спросил Самгин не сразу. — Сопоставьте этот выстрел с депутацией — так, что ли?

— Сопоставляю ли? Как сказать?.. Подлецы предприимчивы... Подлецы талантливы...

— Вы не допускаете, что стреляли революционеры?..

— Революционеров к пушкам не допускают, даже тех, которые сидят в Петропавловской крепости. Тут или какая-то совершенно неверная случайность, или — гадость, вот что... Вчера у одного сочинителя Савва Морозов сообщал о посещении промышленниками Витте. Говорил, что этот пройдоха, очевидно, затевает какую-то подлую и крупную игру. Затем сказал, что, возможно, не сегодня-завтра в городе будет распоряжаться великий князь Владимир... Сделано предложение — в воскресенье всем порядочным людям быть на улицах. Необходимы честные свидетели. Черт знает что может быть".

Как видим, провокацию почувствовали. Называли даже ее закулисного дирижера — находящегося тогда не у дел Витте. Связь по линии Витте—Гапон прослеживается довольно четко через Мануйлова. Но есть еще и другая линия.

Продолжение следует

---

* Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Петроград, 1923. С. 38.

** Исторические записки. Т. 77, 1965, С. 273.

*** Дневник императора Николая II. Берлин, 1923, С. 193.

**** Вопросы истории, 1965. № 8. С. 123.

* Вопросы истории, 1965. № 8. С. 124.

** Там же. С. 121

Петр Придиус

"ЗВЕЗДОПАД"*

Повесть-хроника

В свою очередь операция по выживанию Идеолога из аппарата крайкома виток за витком набирала высоту и скорость. Однако он, опытнейший аппаратчик, тоже не дремал, он прибегнул к испытанному и почти безотказному средству — срочно слег в больницу. "Слег" — понятие, ясное дело, условное. Спрятался. Укрылся.

В спецбольнице отвели ему палату — "люкс" из двух комнат, с телефоном, холодильником, телевизором. Быть может, лишь одно неудобство испытывал "больной" — практически никто из крайкома не навещал его, понимали, что он под "колпаком". Хотя никаких, разумеется, запретов или распоряжений не последовало. И без того всем было ясно. Когда я узнал об этой негласной изоляции Идеолога, во мне черти взбунтовались: как, подумалось, так? Пропагандируем принципиальность, откровенность, гуманность, а на деле празднуем труса? Я к ребятам из лекторской группы со своим предложением, — мы были очень дружны, — они: правильно, ты как секретарь партбюро, Анатолий Юрьевич — председатель профбюро, а мы, так сказать, от имени и по поручению общественности...

Вчетвером мы пошли, захватив с собой букет цветов. Визит наш в больницу пришелся я аккурат на праздник, 23 февраля, нас по пути несколько смутило то обстоятельство, что наш шеф никогда не служил в армии, как бы еще не истолковал поздравления превратно, но тут же согласились: праздник как-никак всенародный.

Секретарь был несказанно рад нашему появлению, вынужденное затворничество, как видно, порядком обрыдло, все своим видом он в общем-то и не скрывал, что не испытывает никаких хворей и недомоганий. Бодро прохаживался по палате, шутил, смеялся своим заливистым "ха-ха-ха", рассказывал больничные байки. Когда несколько спал эффект первых минут встречи и перешли к делу, секретарь живо интересовался, кто чем занят, как продвигается та или иная акция, запросили ли от райкомов справки, советовал подготовить ориентировки", запланировать кустовые семинары и т. д., то есть он хотел казаться "на коне", хотя, будучи реалистом, не мог не догадываться, если уж не знать наверняка, - возврата в тот высокий кабинет на третьем этаже, где он чувствовал себя всесильным, уже не будет.

Распрощались мы весело, шумно, как и полагается здоровым людям, не отягощенным печалями, да еще в такой праздник, как День Советской Армии. В тот час никому из нас и в голову не могло прийти опасение, вроде: а как все это у нашего руководства отзовется? Утром следующего дня ко мне зашел мой коллега и, иронично оглядываясь на дверь, тихо спросил: не вызывал? А по мне сейчас топтался (это он о заведующем, нашем интеллигентном Николае Петровиче). Как начал, как начал?.."Вы что, в самом деле, к нему ходили? Вы не понимаете ситуацию? Может, разъяснить? А если Сергей Федорович прослышит? Не ожидал от вас, не ожидал. Вы еще молодой, вам бы расти да расти..."

Стоя у окна, коллега ехидно улыбался. Потом спросил: что скажешь, если тебя вызовут? Скажу, ответил я, что ходил проведывать не секретаря крайкома, а коммуниста, человека и, если надо, добавлю: вам бы тоже, Николай Петрович, не мешало сходить.

Говорили, между прочим, что за те полгода, что провел наш Идеолог в больнице, заведующий так ни разу и не навестил его. А больница от крайкома в трех кварталах.

Остается заметить, что сам больной в период своего "великого сидения" зря время не терял. Он готовился нанести своим высокопоставленным обидчикам сокрушительный удар. Он писал на имя Брежнева и Суслова об очковтирательстве Медунова, о "липовых" победах и дутых рапортах и прочих "негативах". Отныне ему терять было нечего. А возможность прослыть борцом за справедливость, жертвой "медуновщины" представлялась стопроцентная, и он не хотел упустить ее.

Утром, как обычно, Идеолог вызвал меня к себе и дал поручение, суть которого я осознал не сразу. Пригласите, сказал он, на вечер собкоров центральных газет, редакторов и замов из краевых, будет пресс-конференция, Сергей Федорович намерен кое о чем поговорить с журналистами. Ясно?

Может показаться странным, но не все для меня было ясно, и я переспросил: на какой вечер?.. Идеолог раскатисто — хо-хо-хо! — рассмеялся: на сегодняшний, дорогой мой, на какой же еще... Ясно?

---

* Продолжение. См. № 2—4.

Возвращаясь к себе, я повторял: ясно? не ясно...

Как бывало раньше? Идеолог за месяц—за два предупреждал: готовьте пресс-конференцию Первого... И назовет тему, и даже примерный сценарий продиктует, после чего мы уже сами знали, что надо делать. Напишем "вступительное слово" на час—полтора, соберем вопросы, особо интересующие журналистов, — на самом деле не собирали, а сами их сочиняли и распределяли между редакторами, приговаривая: тебе, друг, не дает покоя этот вот вопрос, ты его и задашь, — нет-нет, почему это не хочешь? Хочешь! А твоему другу мы заготовили другое, он тоже будет спрашивать...

Между прочим, сами же мы и готовили ответы на вопросы, так что тут была работа — комар носа не подточит. Не зря же мой коллега, Олег Иванович, неумело мурлыкал популярный в ту пору мотив: тихо сам с собою я веду беседу...

Случалось и вообще парадоксальное. Готовим-готовим мы такую пресс-конференцию, ждем, когда прикажут "свистать всех наверх!", а Медунов тем временем побывает в Сочи, экспромтом проведет локальную пресс-конференцию в "Черноморке". Дело в том, что редактором "Черноморской здравницы" был его — как бы тут поаккуратнее выразиться? — друг не друг, но довольно близкий единомышленник, и, главное, опытнейший журналист, который в силу своей ершистости не ладил с горкомом и, чтоб утереть им нос ("знай, мол, наших"), умел затащить в редакцию неприступного Сергея Федоровича на откровенную, очень демократичную беседу, о чем незамедлительно оповестят жителей края средства массовой информации, и если мы после этого решимся напомнить Идеологу: когда же состоится пресс-конференция, все давно готово, он притворно удивится: а вы разве не слыхали, что она уже состоялась в Сочи? Все "наработки" — в долгий ящик, могут когда-нибудь пригодиться.

Такое уже бывало, это нас не удивляло. Но вот чтоб утром объявить, а вечером провести пресс-конференцию и фактически без нашего содействия — такое предстояло впервые.

Пресс-конференция проходила не в Большом зале, а, против обыкновения, в зале заседаний бюро, куда собралось человек двадцать—двадцать пять. Сергей Федорович находился в приподнятом настроении, в тон ему сияли лицами и члены бюро, особенно Идеолог, по-мефистофельски поводивший глазами-яблоками. Всеми, кажется, овладело предчувствие чего-то необыкновенного, какой-то сенсации. Однако все шло своим чередом: Медунов остановился на текущем моменте, обрисовал достигнутые успехи, сообщил о неослабевающем внимании к нашему краю Москвы и всей страны, о том, что мы призваны во что бы то ни стало оправдать высокое доверие партии, народа и лично дорогого Леонида Ильича...

Все в общем-то шло своим чередом, Медунов выступал без текста и вдохновенно, с увлечением, и мы даже не заметили, как он пересел на своего любимого конька: страна, дескать, должна знать своих героев, беспримерный подвиг кубанцев следует запечатлеть не только газетной, но и писательской строкой, но где вы, писатели и поэты?..

Сергей Федорович был явно неравнодушен к мастерам слова, водил дружбу с известными писателями, в частности, с Аркадием Первенцевым, Анатолием Сафроновым, Евгением Поповкиным... Многие дарили ему свои книги с трогательными автографами и, надо думать, не просто как должностному лицу. У него хранятся книги самого Шолохова с дарственной надписью. Ему посчастливилось принимать участие в торжествах в Вешенской по случаю юбилея Михаила Александровича и произнести яркую, образную речь, на что смертельно больной Шолохов якобы прошептал: а молодцы, кубанцы...

Но вот парадокс: ни с кем из местных, кубанских прозаиков и поэтов Сергей Федорович не был близок, всех держал на приличной дистанции. С чего бы? Конечно, истинную причину знает только он сам, но можно допустить мысль: кто-то из его ближайшего окружения был заинтересован в сохранении такой дистанции. О вытекающих отсюда последствиях — несколько позже, а сейчас о той незабываемой пресс-конференции. Словно бы в шутку первый секретарь заметил: хоть самому садись и пиши повесть или роман. "А в самом деле, — шустро подхватил мысль журналист из "Комсомольца Кубани", — сколько, Сергей Федорович, издано вами книг?" "Двенадцать или тринадцать, — не спеша, в раздумье произнес Медунов. — Нет, пожалуй, четырнадцать. Что-то около этого, надо подсчитать."

Отметил попутно: книги эти, за исключением чисто производственного характера, книги-агитки. А исключение — это "Слово об отдыхе", книга, каких мне, если по-честному, в жизни не доводилось читать. Она о сервисе, о нашем и зарубежном. В бытность первым секретарем Ялтинского, а затем Сочинского горкома партии Медунов объездил чуть не полсвета и везде интересовался "индустрией отдыха". Родилась книга, и не какая-нибудь, а настолько увлекательная и познавательная, что может поспорить с иным художественным произведением. Уж как она писалась, не знаю, но фактура его, автора, в этих делах, довольно тонких и деликатных, он был ас, чего уж там...

После такой неопределенности — не помнит сам, сколько книг написал, все равно, как если б мать запамятовала имена своих детей, — естественно, последовал вопрос: "А над чем сейчас работаете?" — не унимался шустрый комсомолец. Медунов рассмеялся: "Ну, прямо на больную мозоль наступаете. Сейчас пишу роман..."

И он поведал, как о самом-самом наболевшем. О том, что в советской литературе все еще не нашел достойного воплощения образ партийного работника эпохи развитого социализма. Публикаций на эту тему мало, тусклые они, невыразительные. Со страниц книг и с киноэкранов сходят не бойцы ленинского типа, а так, какие-то беспомощные манекены. Писатели почему-то не поднимаются выше колхозного парторга или, в лучшем случае, секретаря райкома. А где же партийные деятели областного, республиканского масштаба, те, на чьих плечах лежит основная тяжесть революционного преобразования общества? Романы о них можно по пальцам пересчитать, да и те, как говорится, не первой свежести. Кочетова "Секретарь обкома", Панферова "Волга-матушка река", роман Бабаевского "Современники", если его вообще допустимо именовать романом. Вот, собственно, и все.

— А романы кубанца Логунова? — кто-то подал голос, — что вы можете сказать о них?

— А ничего не скажу, — рассмеялся Медунов. — Знаю, все считают их партийными, но, по-моему, в них нет ни партии, ни коммунистов, ни вообще живых людей. Не хочу тем самым обидеть автора, но не знает он подлинной души партийцев и потому бытописует холодно и бесстрастно.

Сергей Федорович умолк, победно обводя взглядом сидящих в зале. Такие взгляды и паузы бывают порой красноречивее всяких слов. Не приходилось сомневаться, Медунову, с его дотошностью и обстоятельностью, конечно же, известны все перипетии, связанные с "партийным" творчеством прозаика Логунова. Будучи сам из принципа беспартийным, он, по утверждению коллег, "застолбил" тему партии как собственную золотую жилу. Другие же авторы, бывало, все пороги обобьют со своими рукописями — пустые хлопоты, а этот сразу: как так, не будете печатать? о нашей партии?.. о коммунистах? да вы передо мной шапку снимете, в ноги кланяться станете.

Его издавали и переиздавали почти ежегодно — как же, на стремнине жизни, в авангарде!. Наделенный от природы чувством слова, Логунов, говорят, начинал довольно-таки неплохо, создал в молодости приличные вещи, обещая развернуться в большого писателя, однако подвела конъюнктура, гладкопись и скоропись. Прозаик пек свои повести и романы словно на станке, ну, все равно, как делают станичники саман, кизяки..

Может, потому и не стал об этих романах распространяться Медунов, чтобы ненароком не поставить себя в один ряд с конъюнктурщиком. Сегодня он впервые заявил о себе как о художнике слова, и естественно, тут же последовали вопросы: как будет называться роман? когда он выйдет? имеет ли роман какую-то документальную основу? и т. д. и т. п

Роман должен был называться "Один день секретаря обкома".

— Почему обкома, а не крайкома? — размышляя вслух будущий автор, — да потому, что краев-то у нас в Союзе сколько? Всего шесть. Читатели, чего доброго, могут подумать: "Про себя пишет", а я хочу сделать серьезные художественные и политические обобщения, создать убедительные образы. Спрашиваете о сроках выхода. Этого никто не может знать, в том числе и я сам. Думаю, мне нет нужды говорить о своей крайней занятости, для творчества приходится выкраивать буквально считанные минуты.

О занятости первого секретаря крайкома знал, по-моему, весь край. Знали, что его рабочий день мог продолжаться и десять, и пятнадцать часов, он мог нагрянуть в любой район или город в выходной, в праздники. И тем загадочнее звучало: когда он пишет?.. когда успевает?..

Однажды это любопытство было удовлетворено. На очередной пресс-конференции был задан прямой вопрос, как говорится, вопрос "в лоб", без обиняков. Отважился задать его тележурналист из Сочи Александр Лабзин, кстати, невероятная умница, кандидат искусствоведения. Так вот, этот Александр, или Саша, с наивностью мальчонка-дошколенка обратился к Медунову: "Все мы отлично знаем, Сергей Федорович, насколько вы загружены партийными и государственными делами-заботами и удивляемся, по-доброму завидуем: когда вы успеваете писать книги? Может, откроете тайну?.."

Зал замер. Вопрос прозвучал как стопроцентная провокация. Медунов мог одним взглядом испепелить вопрошавшего, мог сразить одной фразой. Наверное, так оно и произошло бы, не будь этот Саша "своим", сочинским (сочинцам, по старой памяти, Сергей Федорович всегда откровенно благоволил), однако притихший зал услышал совсем простодушное: "Хм, когда пишу... Открыть тайну?.. Пожалуйста. Пишу на утренней зорьке, с пяти утра. Встаю по-крестьянски.. У меня это вошло в привычку: просыпаюсь — и сразу за письменный стол.. " В зале спонтанное: у-у-у! вот это да...

А потом уже, расходясь и разъезжаясь, журналисты состязались в остротах, как рапиристы на шпагах: "Теперь, небось, тоже будешь в пять вставать?", "не-е, в пять я предпочитаю другим делом заниматься...", "а ты, бездельник, вместе с солнцем просыпаешься, — никогда своей книги не видать...", "вот возьму тебя в помощники и напишем...", "в по-мощ-ни-ки!.. Сам на иждивении жены сидишь..."

Иные пытались "вычислить" истинного автора заявленного романа "Один день секретаря обкома". Грешили то на одного местного писателя, то на другого, на коих вдруг ниспадала редкая и тусклая, как зимнее солнышко, ласка крайкома. Вообще же, надо сказать, крайком не сильно жаловал своих писателей, а с отдельными даже находился в состоянии скрытой войны. Складывалось мнение, что причиной тому не только амбициозность самого Медунова, которого многие столичные писатели считали человеком своего клана, а что-то другое.

Непосредственно, каждодневно писателями занимался наш Идеолог, доверительно, в узком кругу говоривший: писатели — это большие капризные дети. Он и обращался с ними так, то есть как с великовозрастными проказниками, искусно разыгрывая при встречах роль заботливого либерала, этакого отца родного. Бывало, приобнимет, приободрит, расскажет "соленую" байку, раскатисто расхохочется, спросит: "Почему редко заходишь?", пообещает помощь, а в конечном счете мизинцем не пошевельнет. Все его со-

чувствия и обещания уходили водой в песок. Но если уж на кого заимеет зуб, не забудет, не простит.

Нам, своим подручным, Идеолог доверял в основном "черновую" работу с писателями: оценить рукопись на предмет "зарезать", сочинить кому-либо беспроигрышный отказ, отыскать в книге "компромат" против автора... Не всегда это нам удавалось, даже, пожалуй, скорее всего, не удавалось, ибо писатель нынче пошел ушлый, на мякине не проведешь. Вместе с тем Идеолог умел отводить подозрения от себя, и писатель-горемыка частенько жаловался ему же, то есть, выражаясь фигурально, на волков... волку.

Бдительно следил Идеолог за обстановкой на литературном небосклоне, чутко и мгновенно реагировал на каждый тревожный сигнал со стороны.

Как-то вызывает меня, подает стихотворный сборник татарского поэта, живущего в Новороссийске, спрашивает, к стихам как относишься? "в общем, положительно", говоришь? прочитай сам с пристрастием и дай на рецензию ученым мужам из университета... Помолчав, добавил: не попахивает ли тут национализмом? стихотворец день и ночь глядит в сторону моря, где затерялась его "малая родина", это что ж, по Крыму тоскует? Что мы с тобой издаем? Если подтвердится — сюда издателей, "на ковер"...

Слава богу, не подтвердилось, не нашли ученые мужи в стихах крымского татарина элементов национализма, а тоску по родине сочли даже благородной. "Жаль-жаль", — в излюбленном духе подытожил Идеолог, а в адрес филологов со степенями изрек нелестный эпитет.

Вспоминается еще один эпизод, связанный, так сказать, с литературным Новороссийском.

В драмтеатре заканчивала работу красвая отчетно-выборная партконференция. В последний перерыв Идеолог предупредил: не уходи, понадобишься. И вот, когда прозвучали последние звуки "Интернационала" и Сергей Федорович произнес свое коронное пожелание: "Добрых дел вам, товарищи!", возле президиума Идеолог представил меня человеку невысокого роста, с растопыренными по-мальчишески ушами и рукой-протезом: Виктор Андреевич, поедете с нашим товарищем, он в курсе...

Виктора Андреевича я знал, это был Голиков, бессменный помощник Брежнева. Кое-кто недоумевал: чего ради он прибыл на конференцию, два дня сидит в президиуме? Выяснилось: избирается от нас делегатом на XXV съезд КПСС (между прочим, впоследствии Голиков был избран и депутатом Верховного Совета РСФСР от Новороссийска). Сидя рядом в машине, Виктор Андреевич спросил, читал ли я роман Якова Кривенка "Бора". Я чистосердечно сознался: перелистывал. Он пытался пошутить: не вздумай так ответить автору — врага наживешь. Это, говорю, исключено, мы с Кривенком знакомы, состоим в непрерывной служебной переписке. Голиков с чего-то решил, что я жалуюсь, недовольно буркнул: он и нам порядком надоел.

Люди старшего поколения, возможно, помнят боевые публикации журналиста Якова Кривенка в "Советской России". На старости лет, живя в Ростове-на-Дону, Яков Иванович вдруг обнаружил в себе литературный талант, сел и накатал пухлый, рыхлый и, как свидетельствовали читатели, совершенно никчемный роман о Новороссийске, озаглавив его "Бора". Этот роман он издавал, переиздавал, отнимая у наших писателей и без того скудный паек бумаги, а затем добился экранизации. Правда, только на телевидении.

Посмотреть фильм перед трансляцией мы приехали на телестудию. Фильм состоял из трех самостоятельных частей, и просмотр их убедил нас в том, что экранизация ни в чем не превосходит первоисточник. Помнится, Голиков морщился, кривился, издавал какие-то односложные реплики, но в конце концов дал добро на выход в эфир.

Еще два, с виду незначительных, эпизода, связанных с этим человеком, хочется привести. Когда мы возвращались с телестудии, я попросил высадить меня где-нибудь поближе к крайкому, Голиков удивился: а ты разве не едешь на дачу в Афипскую? Там сейчас будет товарищеский ужин, все бюро в полном составе, едем, а? Я пролепетал что-то невразумительное, а он, придерживая мою руку, настаивал: едем, ну чего ты? Я слукавил: не могу — работа!..

Совсем недавно известный кубанский поэт побывал в гостях у Голикова в Москве, их связывает еще и довоенное знакомство. И вот новость: Виктор Андреевич признался, что написал или еще пишет мемуары... — о ком бы вы думали? — о... Хрущеве, в основе своей отрицательные. Чудеса, не правда ли? Треть века служил Брежневу, а пишет о Хрущеве.

Но это мы вклинились уже в перестроечную современность.

Из прошлого не могу обойти молчанием встречу со знаменитым Джанни Родари. Он несколько дней гостил у нас на Кубани, перед отъездом в Москву намечалась заключительная беседа, и я бесконечно признателен бывшему ответственному секретарю краевой организации Союза писателей Виктору Иваненко, поставившему нас в известность. "На встречу с Джанни Родари? — переспросил Идеолог. — А какое мы имеем к нему отношение? Пусть встречаются писатели, а нам работать надо." Не помню другого случая, когда я сознательно нарушил бы дисциплину в крайкоме. Сам помчался и сына Илью с собой прихватил. Подумалось, всего ведь раз в жизни такое случается... И точно: раз. Где-то с год спустя, если не раньше, после той памятной встречи пришла печальная весть из Италии: не стало Джанни Родари...

Борис Башилов

МАСОНСТВО И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ОРДЕН РЫЦАРЕЙ ЗЛОГО ДОБРА

"Орден Русской Интеллигенции" — не моя выдумка, я ставлю только точки над "I". Этот термин уже давно вошел в обиход и широко применялся авторами различных книг до Февральского переворота и после него. Орден Русской Интеллигенции — более точный термин, чем термин "интеллигенция", под которым многие в настоящее время ошибочно подразумевают весь русский образованный слой.

В изданной несколько лет назад книге "Незаслуженная слава" я доказывал, что "творцы русской культуры — не интеллигенты, а интеллигенты — не творцы русской культуры". На одной из страниц этой книги, возражая автору статьи "Беспредметная дискуссия", помещенной в "Нашей стране", считавшему, что если "о вкусах не спорят, то о терминологии тем более не стоит", я писал: "Неужели Александр Невельский действительно не понимает, какую громадную роль играют термины во всех областях человеческого знания. Неужели он не отдает себе отчета, что неточная терминология несет за собой в конечном счете комплекс ложных идей, вытекающих из ложного понимания термина... Без ясного представления о том, каким образом русская интеллигенция довела русский народ до большевизма, невозможно выйти из того идеологического кризиса, в котором находится сейчас русский образованный слой и здесь и там.

А о каком выходе из идеологического кризиса можно говорить, когда верхушка националистов не готова даже к правильному пониманию термина интеллигенция (оставлять ли его для толпы, это совсем особый вопрос) и вместо того, чтобы серьезно спорить по существу, отделывается отговорками, вроде того, что спор-де беспредметен или что о терминах не спорят (?)".

То, что не в силах понять Невельский и подобные ему "националисты", понимал Николай II. В своих воспоминаниях граф Витте пишет: "Когда за столом кто-то произнес слово "интеллигент", Государь заметил: "Как мне противно это слово" и добавил, что следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря" (т. 1, 295). Витте пишет, что в этом пожелании явно звучала саркастическая нотка.

Выяснение вопроса о том, "что такое русское масонство", автоматически приводит к вопросу о том, какую роль сыграло масонство в формировании в России того уродливого противоестественного слоя в недрах русского образованного слоя, которого не существует в остальных странах и который стал известен под именем русской интеллигенции. Русская интеллигенция, космополитическая по своим идейным устремлениям, враждебно настроенная ко всем основам русской культуры, — духовно есть дитя европейского масонства. В каждом номере эмигрантских газет и журналов даже национального направления встречаешь неправильное употребление понятий "интеллигенция" и "интеллигент", когда интеллигенцией называют русский образованный слой, творивший русскую культуру, а выдающихся деятелей русской культуры и всякого образованного русского человека именуют "интеллигентами".

На самом же деле русский образованный класс ни в коем случае не является интеллигенцией и никто из творцов русской культуры, за редчайшим исключением, не был интеллигентом. Не был и не мог быть!

Из всей суммы вопросов идеологического порядка есть два самых важных. Первый — это вопрос о распространении правильных представлений о русском историческом прошлом, создание подлинно русской истории. И второй, не менее важный, — это вопрос о том, почему только в России появился слой, известный под именем "интеллигенция" и каким образом он разрушил плоды творчества русских образованных людей, создавших величественное здание русской государственности и русской культуры.

Без ясных представлений о действительном (а не выдуманном историками-норманистами и русскими интеллигентами) ходе русской истории и о том, каким образом русская интеллиген-

ция довела русский народ до большевизма, невозможно выйти из этого идеологического кризиса, в котором находится сейчас весь русский образованный слой.

Творцы русской культуры не являются интеллигентами. Интеллигенты же не являются основными творцами великой русской культуры. Подмена понятия "русское образованное общество" понятием "интеллигенция" нанесла неисчислимый вред русскому национальному сознанию и продолжает его наносить до сих пор.

То, что русская интеллигенция не совпадает с русским образованным слоем, истинным творцом самобытной русской культуры, легко понять, обратив внимание на три момента.

1. Если для обозначения интеллигенции потребовался особый термин, значит, интеллигенция — это вовсе не образованный слой, который существовал с момента зарождения Руси, а какая-то особая группа, имеющая свои специфические отличия.

2. Образованный слой существует во всех странах мира, специфическое понятие интеллигенция появилось только в России, когда после совершенной Петром I революции в России появилась особая космополитическая прослойка, которую пришлось обозначить позднее особым именем.

3. Образованный слой всякой страны в своем культурном творчестве опирается на духовные основы своей национальной культуры.

Русская же интеллигенция с момента появления с яростной ненавистью отрицает все основы русской самобытной культуры и принципиально отрицает возможность существования русской самобытной культуры. Спрашивается, как же люди, отрицающие возможность создания русской самобытной культуры, то есть интеллигенция, могут составлять русское образованное общество, создавшее русскую культуру?

Ведь сколько бы ни твердили русские интеллигенты, что никакой русской самобытной культуры нет, великая самобытная русская культура тем не менее существует. Наличие совершенно своеобразной русской культуры, резко отличающейся от европейской культуры, — неоспоримый факт, это давным-давно признано величайшими русскими и иностранными мыслителями. Духовную непохожесть русского ярко чувствуют все другие народы. Даже русских интеллигентов, как они ни корчат из себя европейцев, европейцы никогда не признают за своих. Это ли не есть неоспоримое признание того, что даже европеизированные русские по своему духовному складу принадлежат к иному, не европейскому миру.

Некоторое время назад на страницах "Нашей страны" развернулась оживленная полемика по вопросу о том, "что такое интеллигенция?" Дискуссия, к сожалению, кончилась ничем. Как Амударья без следа уходит в пески, так и в результате дискуссии идеологические работники народно-монархического движения не пришли к выводу, к которому давно бы уже надлежало прийти сторонникам национального мировоззрения: что интеллигенция — это одно, а русское образованное общество, против которого всегда вела яростную войну интеллигенция, — это совсем другое.

В вышедшем в 1960 году в Нью-Йорке сборнике "Воздушные пути" новый эмигрант Н. Ульянов, известный публицист и исторический романист (автор романа "Атосса"), в своей статье о русской интеллигенции "Jgnorantia est" дал Ордену Русской Интеллигенции столь же беспощадную оценку, какую дал я своей книге "Незаслуженная слава". Живущие за границей члены Ордена немедленно набросились на Н. Ульянова с целью всячески дискредитировать его утверждения и его самого лично и всячески затемнить сущность спора. Подобная тактика членов Ордена вполне понятна.

"Такая подмена, — писал Н. Ульянов в статье "Интеллигенция", опубликованной в "Новом русском слове" (от 7 февраля 1960 года), — наблюдается в отношении термина "интеллигенция". Его стараются употреблять не в традиционно русском, а в европейском смысле. Нет нужды объяснять, зачем понадобилось такое растворение революционной элиты во всей массе образованного люда и всех деятелей культуры. Мимикрия — явление не одного только животного мира. По той истеричности, с которой публицисты типа М. В. Вишняка кричат о "суде" над интеллигенцией, можно заключить, что суда этого боятся и заранее готовят почву, чтобы предстать на нем в обществе Пушкина и Лермонтова".

"Невозможно спастись, — пишет далее Н. Ульянов, — и от плоской болтовни, вызванной путаницей в употреблении и понимании самого слова "интеллигенция". В одних случаях это делают по недоразумению, в других — сознательно. Не могу, например, допустить, почему имена Пушкина, Лермонтова, Лобачевского нельзя объединить в одну группу с именами Желябова, Чернышевского и Ленина. Если у него, тем не менее, такая тенденция есть, то тут — определенный умысел. Ни сам он в прошлом, ни люди дореволюционного поколения не употребляли слово "интеллигенция" в таком всеобъемлющем духе. Оно имело довольно узкое значение, и лет пятьдесят тому назад, когда веховцы выступили с развенчанием интеллигенции, терминологических споров почти не было. Обе стороны знали, о ком идет речь.

Путаница началась после революции, когда пробил час исторического существования той общественной группы, что именовала себя интеллигенцией. С этих пор и в Советском Союзе, и в

эмиграции слово это стало произноситься чаще, в общеевропейском понимании."

"Совершенно очевидно, что оценка исторической роли интеллигенции возможна только в свете событий, служивших конечной целью ее борьбы. Это сознавали ее враги и друзья. До революции они, несмотря на жаркие споры, воздерживались от пророчеств и окончательных приговоров: чувствовали, что свершение ее судеб еще не наступило. Вдруг да и в самом деле русскому Прометею удастся принести огонь на землю! Вдруг да "справедливейший" политический строй восторжествует! Эти сомнения и относительность тогдашних суждений выразил Д. С. Мережковский: "Когда свершится "великое дело любви", когда закончится освободительное движение, которое они начали и продолжают, только тогда Россия поймет, что эти люди сделали и чего они стоили". Все, как известно, "свершилось" сорок три года назад. По всей логике России давно бы пора понять что-нибудь в "великом деле любви". Но как это, оказывается, трудно! В СССР всем генералам идейного штаба русской революции поставлены памятники, низшее офицерство занесено в святцы, и горе тому, кто усомнится в непорочности этих страстотерпцев, террористических угодников, социалистических заступников земли русской! Соловки! Колыма! Расстрел! Оно и понятно: сомнение в их святости равно сомнению в святости революции. Вот миф, стоящий на пути к нашему духовному освобождению. На Западе он давно разоблачен. Там во всех этих прометеевых огнях и аннибаловых клятвах видят зарницы тоталитарных режимов".

Хотя Н. Ульянов свое понимание интеллигенции уточнил лишь в ответе Вишняку, все построение его статьи в "Воздушных путях" не оставляет сомнения в том, что он уже и раньше понимал под интеллигенцией "орден" Анненкова или, согласно Иванову-Разумнику, "штаб русского революционного движения". А сторонник Н. Ульянова — З. Аспальф в своем письме в редакцию "Нового русского слова" (№ 17154) пишет: "Критики Н. Ульянова не опровергли, нового не указали, а постарались, главным образом по причинам пристрастия, замутить вопрос о существовании "закрытого ордена русской интеллигенции" своеобразной природы, с душком особого НАПРАВЛЕНИЯ".

Скажем открыто — то, на что З. Аспальф только туманно намекает, — "своеобразная природа" Ордена и его "особое направление" определяются масонским происхождением Ордена. Сознавали или не сознавали рядовые члены Ордена, но с момента его возникновения они были никем иным, как духовными и политическими лакеями мирового масонства.

Русская интеллигенция, как это много раз подчеркивали выдающиеся ее представители, несмотря на разнородность входящих в нее политических образований, представляет из себя все же нечто в политическом отношении целое, напоминая собой подобие некоего ордена, имеющего одни и те же основные верования. Впервые орденом интеллигенцию назвал Анненков, который, характеризуя западников, писал, что все они составляли "как бы воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоит по какому-то соглашению, никем в сущности не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими".

"Когда во вторую половину XIX века, — пишет в "Русской Идее" Н. Бердяев, — у нас окончательно сформировалась левая интеллигенция, то она приобрела характер, сходный с монашеским (вернее сказать, с масонским. — *Б. Б.*) орденом".

В книге "Истоки и смысл русского коммунизма" он опять утверждает: "Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным миросозерцанием, со своими особыми нравами и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп".

Да, члены Ордена имели даже особый, своеобразный физический облик. В "Истории моего современника", в главе "В розовом тумане", Короленко, например, пишет, что его внимание поразило интеллигентное выражение лица одного из пассажиров, разговаривавшего с другим пассажиром: "Я насторожился, ожидая дальнейшего разговора этих двух симпатичных людей, которые сразу нашли друг друга в безличной толпе. Точно члены одного Ордена — опять нашел я литературную формулу". "Сам человеческий облик известной категории людей идейных, изъеденных интеллигентской идеологией, носил печать этого унылого, безотрадного "антиэстетизма". Нечесаные волосы, перхоть на потертом воротнике, черные ногти, неряшливая одежда вместо платья (со словом туалет был сопряжен некоторый одиум), неопределенного цвета блузы, вместо прически — либо по-студенчески остриженные волосы, либо забранные на затылке неряшливо в чуб, — подобного вида публика в фойе театров, где шли "идейные" пьесы, залы с лекциями и определенного типа клубы" (Кн. С. Щербатов. "Художник в ушедшей России", стр. 236).

Утверждения Н. Бердяева, что русская интеллигенция представляет собою орден, разделяют и многие другие видные представители этого орде-

на. Г. Федотов утверждает в "Новом граде": "Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий Орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписаный кодекс — чести, нравственности, свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства, тоже не сводимого к классовой, феодально-военной группе и связанного с ней, как интеллигенция с классом работников умственного труда".

Особым духовным Орденом, а отнюдь не русским образованным слоем считал интеллигенцию и бывший эсер-террорист И. Бунаков-Фондаминский. Однажды он сделал в Париже даже доклад "Русская интеллигенция как духовный орден". Считал, что интеллигенция является своеобразным духовным орденом, и Д. Мережковский.

Русский марксист Валентинов (Е. Юрьасский) писал в статье "Воспоминания В. А. Маклакова", напечатанной в июне 1954 года в "Новом русском слове": "Русская интеллигенция, неповторимое историческое явление, появление которой всего лишь правильнее датировать началом 40-х годов, была неким орденом. Нечто вроде средневекового рыцарства, имевшая, как полагал Федотов, но к этому следует сделать важные поправки, — свой неписаный кодекс чести, "свои обеты". К ордену в какие-то годы, несомненно, принадлежала значительная и руководящая часть партии к. д. — Милюков, Винавер, Д. Шаховский и другие".

В возникшей в 1960 году полемике между ними и Н. Ульяновым, давшим суровую, но справедливую оценку Ордену Русской Интеллигенции, и члены Ордена, и сторонники взглядов Н. Ульянова одинаково прибегают к термину "Орден Русской Интеллигенции". Несомненный член Ордена, профессор Ф. Степун, например, пишет в своей статье "Суд или расправа?" ("Н. р. с" № 17174): "Ссылаясь на Иванова-Разумника, на Федотова и на английского профессора Харбера Баумена, он (Ульянов. — *Б. Б.*) приходит к пониманию интеллигенции, весьма близкому к тому, которое я защищал уже в 20-х годах и которое подробнее обосновал в моей последней статье "Пролетарская революция и революционный орден русской революции" ("Мосты", 3). В основе этого понимания лежит формула Анненкова..."

По своей организационной структуре Орден Русской Интеллигенции (будем называть его сокращенно — Орден Р. И.) является точной копией организационной структуры масонства: это то же самое "единство в разнообразии". Почему масонство разделено на множество ритуалов? Да только потому, что масоны стремятся вовлечь в орбиту своего духовного влияния тех, кто отходит от религии своих предков и национальных традиций. Масонство — это идейный универмаг, рассчитанный на удовлетворение вкусов отходящих от веры в Бога и национальных традиций. Масонство предлагает "идейные" товары на всякий вкус. "В масонстве, как превилью указывает Селянинов в "Тайной силе масонства", не брезгуют ничем, стараясь использовать даже отвратительные человеческие наклонности".

Масон Маклей пишет: "...ясно, что нет единства в ритуалах, но это различие не мешает всеобщности масонства. Ритуал является только внешней формой. Доктрина масонства всюду одна и та же. Это неизменное тело, остающееся повсюду одинаковым... по меньшей мере нас утешает тем, что в то время, как церемония или ритуал в разные периоды менялись и все еще изменяются в разных странах, наука, философия, символизм и религия франкмасонства продолжают оставаться теми же повсюду, где исповедуется настоящее масонство". Масонство, утверждает он, "объединяет людей самых противоположных мнений в одно братское общество (братский оркестр), которое дает один и тот же язык людям всех наций и один алтарь людям всех религий", поэтому по праву эта связь называется "Мистический Аркан", и масоны, будучи объединены под его влиянием или пользующиеся его выгодами, называются "Братьями мистической петли"*

А вот что пишет про состав русского масонства меньшевик Г. Аронсон в статье "Масоны в русской политике", опубликованной 8 октября 1959 года в еврейской газете "Новое русское слово": "Вот несколько имен из списка масонской элиты, которые на первый взгляд кажутся совершенно неукладывающимися в одну организацию, на деле, однако, тесно связанных между собой на политическом поприще: князь Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхеидзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий князь Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. Я. Брауде, М. И. Терещенко и С. Н. Прокопович.

Что поражает в этом списке, ЭТО БУКВАЛЬНО ЛЮДСКАЯ СМЕСЬ, в которой так неожиданно сочетаются социалисты РАЗНЫХ МАСТЕЙ с миллионерами, представители радикальной и либеральной оппозиции с лицами, занимающими видные посты на бюрократической лестнице — вплоть до... бывшего директора департамента полиции. Что за странное явление, особенно непривычное в русской общественной жизни, для которой всегда были характерны полярность воззрений, сектантское начало во взаимоотношениях, взаимные отталкивания".

"Братьями мистической петли" являются и все интеллигенты, связанные духовно с русским и мировым масонством через исповедание политических и социальных доктрин, пущенных в обиход масонством. Орден Р. И. — по существу не что иное, как замаскированное масонство, выполняющее после окончательного запрещения

* Reyss A. A. study In American Free Masonery. I. P. 385.

русского масонства Николаем I ту же самую роль, которую выполняло бы масонство, если бы оно не было запрещено.

Орден Р. И., как и масонство, разветвлялся на множество различных ритуалов, политических сект и партий, часто враждовавших между собой, но преследовавших все одну и ту же цель — уничтожение Самодержавия. Несмотря на очень страстную борьбу между собой, все, составлявшие в совокупности Орден Р. И., политические группировки всегда ощущали свое духовное родство и видели друг в друге братьев по конечным стремлениям.

Нормальные общества объединяют всегда чувство патриотизма, любви к чему-нибудь, стремление к творческой деятельности. Братство же мистической петли, мировое масонство, во всех ритуалах объединяется не любовью к существующему, а ненавистью. Ненавистью к существовавшим религиям, к монархии и так далее.

Ненависть объединяла и сплачивала воедино в особый политический орден и русскую интеллигенцию. Ненависть к Самодержавию, к Православию, к русскому историческому прошлому, ненависть к самобытным традициям русской культуры — таков идейный цемент, скреплявший различные интеллигентские секты в одно духовное целое.

Как и масонство, Орден Р. И. объединял две группы деятелей — работавших в области подготовки революции духа, критиковавших религию, политическую власть, общественное устройство и подготавливавших насильственное свержение Самодержавия. И про первых и про вторых можно сказать то же самое, что писали про деятельность современного им масонства авторы "Всеобщей истории Церкви", изданной в 1853 году в Мадриде: "Однако увлеченные внутренними разногласиями эти общества не оставались меньше объединенными против предмета своей ненависти. Если не были согласны в средствах разрушения, то все были согласны разрушить. Основным правилом их политики было пользоваться всеми убеждениями, всеми интересами хотя бы и противоположными между собой, только бы они были под каким-нибудь видом враждебны религии и обществу" (т. VII, с. 318, 319).

Если политические взгляды эсеров, октябристов, большевиков, меньшевиков, кадетов и разнились друг с другом, то все они были согласны, что царскую власть надо разрушить. "В самой пасти чудовища, — пишет Герцен, — выделяются дети, не похожие на других детей; они растут, развиваются и начинают жить совсем другой жизнью. Главная черта всех их — глубокое отчуждение от официальной России, от среды, их окружающей, и с тем вместе стремление выйти из нее — а у некоторых и порывистое желание вывести и ее самое".

Героиня романа Лескова "Некуда" нигилистка Лиза говорит своим родным: "...с теми у меня хоть общая ненависть, а с вами — ничего".

В характере интеллигенции с первых дней ее зарождения была ужасная черта. Ее девизом был девиз Екатерины Медичи: "НЕНАВИДЬТЕ И ЖДИТЕ!"

В "Лекциях по русской истории" академик Платонов пишет: "Знакомясь с правительственной деятельностью Николая I, ...мы приходим к заключению, что первые десятилетия царствования императора Николая I были временем доброй работы, поступательный характер которой, по сравнению с концом предшествующего царствования, очевиден. Однако позднейший наблюдатель с удивлением убеждается, что добрая деятельность не привлекла к себе ни участия, ни сочувствия лучших интеллигентных сил тогдашнего общества и не создала императору той популярности, которою пользовался в свои лучшие годы его предшественник Александр".

Эта оценка Платонова является опровержением интеллигентского мифа, поддерживаемого членом Ордена евреем Л. Дейчем в книге "Роль евреев в русском революционном движении", что "лица, желавшие так или иначе содействовать прогрессу, всегда начинали с мирных приемов и, только убедившись в невозможности достигнуть ими чего-нибудь, наталкиваясь на запрещения и преследования со стороны предержащих властей, переходили на насильственный путь. То же произошло и у нас" (т. 1, 48).

Нет, у нас, как указывает Платонов, произошло совсем "не то же". Конфликт между Николаем и членами возникшего Ордена Р. И. состоял не в том, что члены Ордена стремились к прогрессу, а Николай был противником его. Сущность конфликта совершенно иная: в вольтерьянствующем, масонствующем и европействующем дворянстве, вошедшем в Орден, Николай имел не представителей нормальной политической оппозиции, а врагов ВСЯКОЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ, стремившихся уничтожить всякую царскую Россию — и консервативную, и либеральную, и прогрессивную, — ВСЯКУЮ! Как отмечал бывший член ЦК "Земли и воли" Л. Тихомиров в своем труде "Монархическая государственность": "Эта интеллигенция — не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, — отрицала не частности строения, а самую строющую силу, требовала от нее не тех или иных мер, а того, чтобы она устранила самую себя, отдала Россию им".

Уже Пушкин, еще на заре зарождения Ордена, отметил, что в России очень много людей, "стоящих в оппозиции не к правительству, а к России". Духовное равновесие, создавшееся в начале царствования Николая I впервые после Петровской революции, после подавления заговора масонов-декабристов и запрещения масонства, совершенно не устраивало западнически настроенные круги дворянства, находившиеся во власти идей вольтерьянства и масонства:

этим кругам, поставившим организаторов Ордена, нужна была не социально и политически прогрессирующая Россия, а Россия без царской власти, которую они могли бы калечить по полюбившимся им масонским рецептам. Члены Ордена Р. И. были не представителями нормальной политической оппозиции, которых можно было умилостивить какими-либо уступками и привлечь их к сотрудничеству с властью, как ошибочно думали все цари, начиная с Николая I. Вместо того, чтобы выжечь дотла возникший Орден принципиальных убийц Самодержавия, Православия и всех русских традиций, они расценивали членов Ордена как заблудившихся русских, которых мягкостью наказаний (вспомним, как отнесся Николай I к Герцену, Бакунину) и рядом уступок (как на это надеялись Александр II и Николай II) можно привлечь к работе по преобразованию России. Но это была роковая ошибка, приведшая Россию к гибели.

Указывая, что интеллигенция требовала от царей не частных уступок, не радикальных реформ в духе своей идеологии, а того, чтобы цари отдали Россию ей, Л. Тихомиров замечает: "Но на такой почве возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побежденного. Тяжкий смысл этого положения едва ли у нас сознавался властью, которая, будучи основана на нравственном единении с нацией, с трудом представляла себе, чтобы среди "своих" могли перед ней стать принципиальные враги. Но зато сама революционная интеллигенция, как "мирная", так и "боевая", вполне понимала положение и систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы все устроительные меры власти, всякий шаг развития страны обратить в орудие борьбы против данного строя".

Всякая уступка со стороны власти, всякое снисхождение к политическим преступникам расценивались только как слабость власти и основание для нового наступления и требования новых уступок. Трагизм положения состоял в том, что царская власть видела в своих будущих убийцах лишь непокорных, но все же "своих", с которыми надеялась рано или поздно, но все же прийти к соглашению о совместном сотрудничестве. Немецкий историк Миллер в книге "Россия" (Лейпциг, 1940 г.) пишет, что "ни в одной европейской стране никогда не бывало "интеллигенции", образованного слоя, все устремления которого были бы посвящены социальной революции; в России же социальная революция была целью жизни образованных людей... Ни нигилисты, ни большевики не удовлетворялись конституционными реформами: они хотели революции и только революции". Как голодного тигра не удовлетворишь тем, что позволишь откусить ему кусок своего тела, так не было способов удовлетворить политическими уступками политическое бешенство членов Ордена. С момента возникновения Ордена в России возникла атмосфера непрерывной гражданской войны. "Эти люди, — по оценке Достоевского, — ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы "идеями", которыми они, как голодные дети, объелись и подавились".

"Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни — два года оборонительной войны) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах — на Православии и на вере в Царя. Как "просвещенные неверы они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры". "На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности была построена вся тактика и программа русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели национальной органичности русской истории и жизни" (И. Ильин. "Наши задачи").

Герой "Бесов" Пётр Верховенский так определяет задачи, поставленные себе: "...я знаю, что прежде всего надо уметь разрушать, и в этом моя задача: ни о каких будущих благах я не думаю".

Многие видные идеологи Ордена подчеркивают, что интеллигенция — это вовсе не синоним понятия "образованное общество". И они правы. Образованный слой существовал и существует во всех странах. Существовал образованный слой и в России, начиная со времени Киевской Руси, почти за тысячу лет до появления интеллигенции, он-то и является творцом русской культуры. Этот же образованный слой продолжает существовать и после появления в России интеллигенции или, как мы уже указывали, точнее — Ордена Русской Интеллигенции.

Орден Р. И. — прямой результат Петровской революции, результат ненормального духовного развития части русского образованного общества, трагические итоги отрыва европеизировавшихся слоев образованного общества от русских духовных традиций. В помещенной в сборнике "Вехи" статье П. В. Струве, например, пишет: "Интеллигенция есть результат таких особенностей, которых не знали остальные страны, органически развивавшиеся на основе своей культуры". Орден Р. И. — результат той части Петровской революции, "которая угасила русский дух во имя голландского кафтана, которая поставила русскую национальную идею в учебное и подчиненное положение по отношению к национально и государственно отсталым идеям тогдашнего Запада". Только в результате Петровской революции, подорвавшей основы самобытной русской культуры, смог появиться противоестественный слой образованных и полуобразованных людей, который поставил целью своего существования окончательное разрушение русской государственности и русской культуры.

Интеллигенция — это "народ в народе" — европейцы русского происхождения. "Реформа Петра Великого, — пишет Достоевский в программной статье журнала "Время", — нам слишком дорого стоила, она разъединила нас с народом... Наша оторванность именно и началась с простоты взглядов одной России на другую. Началась она ужасно давно, как известно, еще в Петровское время, когда выработалось впервые необычайное упрощение взглядов высшей России на Россию народную, и с тех пор, от поколения к поколению, взгляд этот только и делал у нас, что упрощался... А простота — враг анализа. Очень часто кончается ведь тем, что в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, так что происходит уже обратное, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический".

"С другой стороны, — пишет Достоевский Победоносцеву, касаясь упрощенного взгляда на европействующих интеллигентов, — мы говорим прямо: это сумасшедшие, и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое учение, свой кодекс, свой Бог даже, и так крепко засело, как крепче нельзя. На это не обращают внимание: пустяки, дескать, не похоже ни на что, значит пустяки. Культуры нет у нас (что есть везде), дорогой Константин Петрович, а нет через нигилиста, Петра Великого. Вырвана с корнем. А как не единым хлебом живет человек, то и выдумывает наш бескультурный поневоле что-нибудь пофантастичнее, да понелепее, да чтоб ни на что не похоже было (потому что хоть все целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут переделал так, что ни на что не похоже."

"...Оказывается, — пишет Достоевский в "Дневнике писателя", — что мы, то есть интеллигентные слои общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот оказываются даже и желанием собственной веры".

С течением времени русская интеллигенция, соединившись в особый идейный орден, сумела внедрить много лживых исторических, политических и социальных предрассудков и мифов.

Одним из наиболее распространенных и наиболее вредных мифов является миф о том, что понятие интеллигенция обозначает лучшую, самую культурную часть русского образованного общества и что русская интеллигенция была той частью русского общества, которая творила русскую культуру. Одним словом, что интеллигент значит образованный человек, принадлежащий к слою творцов русской культуры. На самом же деле русский интеллигент, выросший в результате совершенной Петром революции, есть уродливое, противоестественное смешение двух противоположных в своих истоках культур: европейской и русской. Он — олицетворение дисгармонии, всякого рода крайностей. Один из творцов "Февраля", профессор Ф. Степун, пишет в наши дни в альманахе "Мосты": "Кто же осуществил русскую революцию? Правилен только один ответ: революционная интеллигенция, рожденная духом петровских преобразований".

Бердяев утверждает в "Русской Идее": "Русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование". Бердяеву вторит Г. Федотов: "...Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только "русская", но и вообще "интеллигенция". Как известно, это слово, т. е. понятие, обозначенное им, существует лишь в нашем языке. Разумеется, если не говорить об intelligentia философов, которая для Данте, например, значила приблизительно то же, что "бесплотных умов естество". В наши дни европейские языки заимствуют у нас это слово в русском его понимании, но не удачно: у них нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем" (стр. 10). "Западные люди впали бы в ошибку, — пишет Н. Бердяев в "Истоках и смысле русского коммунизма", — если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют intellectuels — это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора и педагоги и пр. Совершенно другое образование представляет собою русская интеллигенция, к которой принадлежат люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще не особенно интеллектуальные. И многие русские ученые и писатели совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле этого слова".

Термин "интеллигенция" изобретен и пущен в ход в 1876 году Боборыкиным. Слово это было выдумано Боборыкиным, потому что назрела необходимость обозначить как-то тот особый слой людей, духовно отличавшихся от всех остальных людей, который возник в России и похожего которому не было ни в одной из стран, культура которых развивалась органическим путем, не знала такого катастрофического разрыва с национальными духовными традициями, который

возник в России после Петровской революции. Если бы слой, похожий на "интеллигенцию", существовал в какой-нибудь из стран, то он имел бы уже соответствующее наименование. Но такого слоя нигде до того не существовало, и для того, чтобы отличить интеллигенцию от существовавшего в России нормального образованного слоя, пришлось выдумать специальное название.

"Интеллигент, по мнению Боборыкина, — не образованный, высокоразвитый человек, а "передовой" и "прогрессивный" человек. А в понятие прогрессивности в то время вкладывались определенные понятия, совершенно определенные точки зрения на "прогресс", эволюционное и революционное развитие человечества. "Интеллигент — человек "прогрессивного мировоззрения", преданный революционно-якобинским идеям в той или иной степени, верноподданный идеи революционного развития общества. "Мы должны исходить из бесспорного, — указывает Г. Федотов, — существует (существовала) группа, именующая себя русской интеллигенцией и признаваемая за таковую и ее врагами. Существует и самосознание этой группы, искони задумывавшейся над своеобразием своего положения в мире, над своим призванием, над своим прошлым. Она сама писала свою историю. Под именем "истории русской литературы", "русской общественной мысли", "русского самосознания" многодесятилетий разрабатывалась история русской интеллигенции, в одном стиле, в духе одной традиции. И так как эта традиция автентическая ("сама в себе"), то в известном смысле она для историка обязательна. Мы ничего не сможем понять в природе буддийской церкви, например, если будем игнорировать церковную литературу буддистов".

Самой характерной чертой, отделяющей членов Ордена от представителей русского образованного слоя, является тоталитарность их миросозерцания. Отмечая характерные признаки миросозерцания основателя Ордена, Н. Бердяев писал: "Белинский как типичный русский интеллигент во все периоды стремился к тоталитарному миросозерцанию...Он был нетерпим и исключителен, как все увлеченные идеей русские интеллигенты, и делил мир на два лагеря" ("Русская Идея", стр. 60—61).

Белинский однажды заявил: "Мы люди без отечества — нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечество — призрак, и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак". Беспочвенность как самую характерную черту интеллигенции отмечает и Бердяев во многих своих книгах. Вот несколько его таких высказываний: "Раскол, отщепенство, скитальчество, невозможность примирения с настоящим, устремленность к грядущему, к лучшей, более справедливой жизни — характерные черты интеллигенции"... Интеллигенция не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем"... "Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь".

Интеллигенты в своих наиболее радикальных слоях не имели почти точек соприкосновения ни с русским прошлым, ни с настоящим. "Для интеллигенции, — указывает Бердяев, — характерны беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями... Интеллигенция жила в расколе с окружающей действительностью, которую считала злой, и в ней выработалась раскольничья мораль. Крайняя идейная нетерпимость русской интеллигенции была самозащитой: только благодаря своему идейному фанатизму она смогла выдержать преследования и удержать свои черты".

Точно такую же характеристику дает интеллигенции и Г. Федотов в статье "Трагедия интеллигенции" ("Новый град"). "У интеллигенции идеал коренится в "идее", в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно предлагаемом к жизни как ее норма и канон. Эта "идея" не вырастает из самой жизни, из ее иррациональных глубин как высшее ее рациональное выражение. Она как бы спускается с неба, рождаясь матерью-землей...

Говоря простым языком, русская интеллигенция "идейна и беспочвенна". Это ее исчерпывающие определения. Они не вымышлены, а взяты из языка жизни: первое, положительное, подслушано у друзей, второе, отрицательное, у врагов (Страхов). Постараемся раскрыть их смысл. Идейность есть особый вид рационализма, этически окрашенный"...

"К чистому познанию он предъявляет поистине минимальные требования. Чаще всего он берет готовую систему "истин" и на ней строит идеал личного и общественного (политического поведения). Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость — этически, с изгнанием всех иррациональных, мистических или жизненных основ религии. Догмат определяет характер поведения (святость), но сама святость сообщает системе "Истин" характер догмата, освящая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система не способна развиваться. Она гибнет насильственно, вытесняемая новой системой догм, и этой гибели идей обыкновенно соответствует не метафорическая, а буквально гибель целого поколения".

"Русское слово "интеллигенция", — пишет известный меньшевик Дан в "Прохождении большевизма", — обозначает не профессиональную группу населения, а особую социальную, объединенную известной политической солидарностью" (стр. 32)

"Интеллигент, — пишет профессор В. Вейдле

в работе "Три России" — одинаково не признавал своим человека, не разделявшего его политических идей, и человека, безразличного к политическим идеям. У Врубеля, Анненского или Скрябина могли быть (как, впрочем, и у любого бюрократа) интеллигентские черты, но классический интеллигент не счел бы этих людей своими и окончательно отшатнулся бы от них, если бы мог поставить им на вид малейшую политическую ересь — подобно тому, как достаточно было профессору не высказать одобрения студенческой забастовке, чтобы его отчислили от интеллигенции...К духовной свободе относилась враждебно как большая часть бюрократии, так и большая часть интеллигенции". Инакомыслие со времен Герцена, Бакунина и Белинского всегда считалось интеллигенцией самым злейшим преступлением из всех существующих на свете.

Что является самой характерной чертой членов Ордена, которая отделяет его от русского образованного слоя и на основании которой сами члены Ордена отделяют себя от русского образованного общества? Вот что пишут на этот счет идеологи Ордена:

"Попробуем сузиться, — пишет Г. Федотов. — Может быть, епископ Феофан, Катков не принадлежат к интеллигенции как писатели "реакционные", а интеллигенцию следует определять как идейный штаб русской революции? Враги, по крайней мере, единодушно это утверждают, за это ее и ненавидят, потому и считают возможным ее уничтожение — не мысли же русской вообще, в самом деле? Да и сама интеллигенция в массе своей готова смотреть на себя именно таким образом".

Г. Федотов то же самое говорит, что утверждал в своей двухтомной "Истории русской общественной мысли" Иванов-Разумник, писавший, что все разветвления Ордена, несмотря на ожесточенную борьбу зачастую между собой, роднила их и объединяла между собой "борьба за освобождение". То есть борьба за освобождение от Православия, Самодержавия и традиций русской самобытной культуры.

Интеллигенция была не профессиональной группой работников умственного труда, не особой экономической группой общества, а особой идеологической группой, образовавшейся из самых различных социальных слоев русского общества. Бердяев в книге "Истоки и смысл русского коммунизма" считает, что самой характерной чертой интеллигенции была ее революционность: "Для русской интеллигенции, в которой преобладали социальные мотивы и революционные настроения, которая породила тип человека, единственной специальностью которого была революция, характерен крайний догматизм..., Интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями". "После подавления восстания декабристов русская интеллигенция окончательно сформировалась в раскольничий тип. Она всегда будет говорить про себя "мы", про государство, про власть — "они". По мнению Г. Федотова, "в истории русской интеллигенции основное русло — от Белинского через народников к революционерам наших дней".

Члены Ордена Р. И. всегда страдали манией, известной у немецких психиатров под названием "вельтфербессер", то есть страстью изменять мир. Признаки этой мании: недовольство всем существующим, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость, не считающаяся с реакцией слушателей. Характеризуя идейную настроенность перед революцией, С. Франк пишет в "Падении кумиров": "Преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один "смысл жизни": эту веру лучше всего можно определить как веру в революцию".

"Весь XX век, — пишет Н. Бердяев, — интеллигенция борется с Империей — исповедует безгосударственный, безвластный идеал, создает крайние формы анархической идеологии. Даже революционно-социалистическое направление, которое не было анархическим, не представляло себе, после торжества революции, взятия власти в свои руки и организации нового государства".

Как видим, и Н. Бердяев, и Г. Федотов, и Дан, и С. Франк — разными словами все подтверждают определение Г. Федотова, что интеллигенция считала себя штабом революции и действительно таким штабом была. Члены Ордена, независимо от своих политических и социальных взглядов, все сходились в убеждении, что жизнь в России может быть улучшена не путем эволюционного, постепенного развития, а только путем революционной перестройки. Масштабы и размеры этой революционной перестройки каждая интеллигентская секта определяла уже по-своему.

"В. А. Маклаков, — писал как-то в "Новом русском слове" член Ордена Юрьевский, — представитель высокой интеллигентности, член интеллигентской профессии, всю жизнь вращавшийся главным образом среди интеллигенции, не принадлежал к "русской интеллигенции". С первого взгляда это кажется абсурдом или просто надуманным парадоксом. Русский интеллигент вне "русской интеллигенции". Однако это факт..."

Разъясняя свою точку зрения, Юрьевский пишет:

"...Слой образованных людей и русская интеллигенция — понятия не совпадающие. Образованный человек, ученый, профессор мог быть в рядах русской интеллигенции. Мог и не быть. Л. Толстого с его отрицанием государства, цивилизации, вероятно, нужно к ней причислить, но в нее уже никак нельзя вставить Ключевского или Чичерина. Определить физиономию, характер ордена "русской интеллигенции" — проблема далеко не простая, хотя о ней и в связи с нею написано множество страниц, и среди них материалы охранки и жандармских допросов. Она

сама о себе постоянно вопрошала — кто она, зачем она, и правильно замечено, что иной раз под видом русской литературы, русской общественной мысли, русской философии (отчасти это относится к недавно опубликованной солиднейшей "Истории русской философии" В. В. Зеньковского) писалась история русской интеллигенции.

Природа русской интеллигенции крайне сложна и разнородна. На одном полюсе ее подвижники, мечтавшие о царстве любви и принуждаемые ненавидеть, на другом — все, повально ненавидевшие, без малейшего стремления к чему-либо. На одной стороне — Герцен, Лавров, Михайловский, Перовская, Александр Ульянов (брат Ленина), Каляев, Сазонов, на другом — Чернышевский, Бакунин (за его спиной Нечаев!), Ткачев, Ленин. В ордене различные психологические типы".

Что же сближает различных людей, членов Ордена интеллигенции? На этот вопрос Е. Юрьевский дает следующий верный ответ:

"...Авторы, судившие русскую интеллигенцию, призывавшие ее к самопознанию, самокритике, не делали никакого различия между группами и направлениями, входившими в "орден". Для них это единый блок. Различия в нем стерты общим, что, по их мнению, объединяло всю интеллигенцию. Но в этом общем они с минимумом внимания остановились на том, что действительно является общим знаменателем у самых разнородных групп "ордена". Имею в виду их отношение к ложному понятию, сложному явлению, особому течению жизни, определяемому словом эволюция. Умственное и чувственное ее приятие было абсолютно чуждо всей русской интеллигенции. Это самая характерная основная черта ее физиономии, в тот или иной момент, в акте или рассуждении, у всех видов интеллигенции проявлявшаяся. Нельзя, например, в народоправцах, народных социалистах, близких к ним интеллигентах-трудовиках видеть максималистов. Все же они — бесспорно члены "ордена", как и все оттенки с максималистическими программами, психологически, нутром не принимали путь эволюции. В ней всегда видели нечто, "примснительно к подлости", скверно ползучее. Представление об эволюции "медленным шагом, робким зигзагом" (слова из стихотворения, кажется, Мартова) вызывало чувство омерзения, тошноты.

Никакая "дарвинистическая" теория эволюции, входившая у большинства интеллигенции необходимой частью в "цельное мировоззрение", не могла побороть эту тошноту. Само слово эволюция было изгнано из политического словаря интеллигенции, а когда о ней говорилось, она появлялась с неизбежной эсхатологической начинкой, с революционным "скачком" через исторический барьер, с той диалектической "алгеброй революции", которая, по убеждению Герцена, "необыкновенно освобождала человека и не оставляла камня на камне от мира "христианского". Эволюция требует известных компромиссов, соглашений, уступок. "Принцип" интеллигенции их отвергал.

Хотели не ремонта здания, даже не капитального ремонта, а сноса всего общественного здания и постройки на его месте совершенно нового, без единого кирпичика от прежнего.

Приходится сказать, что именно это крайнее антиэволюционное умонаправление и умонастроение и нашло в себе выражение и осуществление в действительности: ни на что непохожий тоталитарный строй в России, построенный "с преобразованием природы" коммунистами..."

Если употреблять термин "интеллигент" в точном значении с его истинным смыслом, то есть тем смыслом, который а него вкладывала сама интеллигенция, то слово "интеллигент" означает образованного человека из среды интеллигенции. Интеллигенты и полуинтеллигенты считались внутри Ордена интеллигенции людьми политически равноценными, разница была только в степени образования, их уравнивало принципиально одинаковое отношение к революции, к самодержавию, к русской истории, к отрицанию возможности улучшения русской жизни эволюционным путем, весь тот сложный комплекс идеалов, который китайской стеной отграничивал русского образованного и русского необразованного человека от русского интеллигента и полуинтеллигента.

Полуинтеллигент, увеличив запас своих знаний, мог превратиться в интеллигента, то есть в образованного человека особого духовного типа. Но человек обычного, нормального духовного типа, получив образование, не становился интеллигентом, и интеллигенты его своим не считали. И в силу того, что критерием для определения интеллигента или не интеллигента является не степень его образованности, а тип его миросозерцания, один и тот же человек мог быть одно время интеллигентом, а мог и перестать быть им. Самые яркие примеры тому — духовный путь знаменитого Льва Тихомирова, из члена "Народной Воли" ставшего автором "Монархической Государственности", или духовная эволюция Ф. Достоевского из интеллигента, увлеченного взглядами Фурье и Сен-Симона, ставшего гениальным противником идеи революционного изменения русской жизни (излюбленной идеи русской интеллигенции, которая резко расчленяла верхи русского общества на два непримиримые лагеря: образованное общество и русскую интеллигенцию).

Существует и такая точка зрения, что интеллигенция — левая, революционно настроенная часть духовной элиты страны. Поэтому, когда хотят подчеркнуть разрушительную, революционную роль русской интеллигенции, то говорят о левом, революционном крыле интеллигенции. Тут происходит путаница — с терминологией, — проистекающая из неясности мышления.

Да, русская интеллигенция имела свое левое крыло, но она имела и свое правое крыло. Но деление на правую и левую интеллигенцию происходит внутри Ордена интеллигенции (или духовно социального образования, как указывает

Н. Бердяев). Левая интеллигенция является левой частью интеллигенции, а не левой частью русского образоаанного класса.

Правильнее будет вкладывать в термин "интеллигенция" такое же содержание, какое в него вкладывают общепризнанные идеологи русской интеллигенции. Если понимать интеллигенцию так, как понимают ее крупнейшие идеологи интеллигенции, то не нужно будет проделывать ту совершенно ненужную работу, которую зовет проделывать Б. Ширяев, когда он пишет: "Мы должны установить также и ступенчатость, иерархию интеллигенции в самой себе".

И "ступенчатость", и "иерархия" интеллигенции самой в себе давным-давно уже установлены самими интеллигентскими кругами. Е. Юрьевский, который считает себя членом Ордена интеллигенции, совершенно прав, когда пишет в своей рецензии о мемуарах В. Маклакова: "Природа русской интеллигенции крайне сложна и разнообразна. На одном полюсе ее подвижники, мечтавшие о царстве любви и принуждаемые ненавидеть, на другом — все повально ненавидевшие без малейшего стремления что-либо любить."

Да, Орден объединял в своих рядах различные психологические типы, но преобладали в нем "все повально ненавидевшие без малейшего стремления чего-либо любить". Целый ряд идеологов Ордена детально расшифровывал ступенчатость строения Ордена. Основным критерием для зачисления в Орден они брали не степень образования и интеллектуальный уровень, а отношение лица к идее эволюционного изменения русской жизни и тоталитарность его мировоззрения. Поэтому деление интеллигенции на "правую" и "левую", "либеральную", "радикальную" и "революционную" должно производиться не в пределах русского образованного слоя, в который механически включается интеллигенция, как органическая составная часть его, а только в пределах Ордена.

"В свои пределы группа эта, — пишет видный меньшевик Дан в "Истории большевизма", — вмещает довольно широкую гамму миросозерцаний, философий, взглядов и партий. Но общим для зачисляемых в нее образованных (и необразованных. — *Б. Б.*) людей является их политический и социальный радикализм".

Русских образованных людей от интеллигентов отличает не только разница политических идеалов, но главным образом — разница мировоззрений и вер. Уже в 1850 году Герцен писал про Орден Р. И.: "У них учреждена своя радикальная инквизиция, свой ценз идей. Идеи и мысли, удовлетворяющие их требования, имеют права гражданства и гласности, другие объявляются еретическими и лишены голоса. У них образовалось свое обязывающее предание, идущее с 1789 года (то есть Французской революции, организованной мировым масонством. — *Б. Б.*), своя религия, религия исключительная и притеснительная" ("С другого берега").

В своем ответе эсеру Вишняку Н. Ульянов писал:

"Взять хотя бы известную "Историю русской общественной мысли" Иванова-Разумника, написанную типичным "интеллигентом". Там, на протяжении обоих томов, упорно проводится мысль об интеллигенции, как особой группе, отнюдь не совпадающей со всей массой образованных людей, тем более людей науки, литературы, музыки, техники. Напротив, старательно подчеркивается, что ни талант, ни знание не делают еще человека двигателем прогресса. Интеллигенция, по его словам, "есть эстетически-антимещанская, социологически-внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности".

Можно соглашаться или не соглашаться с таким определением, но нельзя не вывести из него заключения об особом назначении и особой направленности "интеллигенции", каковые не имеют ничего общего с природой науки и искусства. "Активное проведение в жизнь" идеалов может соблазнить, но может и не соблазнить художника и ученого (чаще всего оно их не соблазняет, а отталкивает, особенно, если "идеал" рождается не из их собственного творчества, а навязывается им извне). В зависимости от этого ученый, художник могут либо быть, либо не быть "интеллигентами".

Категория эта, во всяком случае, лежит за пределами их творчества, о чем сам Иванов-Разумник твердит неустанно. Чтоб не оставить в этом сомнений, он с особой силой подчеркивает: "Для интеллигенции характерен не акт творчества самого по себе, но главным образом направление этого творчества и активность в достижении, сами же по себе ни наука, ни искусство не составляют прогрессивного процесса". Трудно выразиться яснее, пишет Н. Ульянов.

Анненков был прав, отмечая, что Орден Р. И. стоит "поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться". Орден своей фанатичной антинациональной деятельностью замораживал нормальное политическое и социальное развитие России, беспрерывно провоцируя царскую власть на всевозможные ограничения.

В 1924 году профессор Степун писал: "В России революционная идеология была не только отсталою, но тою революционной силою, которая десятилетиями расстреливала из приземистых крепостей толстых журналов и газетных траншей все самые талантливые явления русской духовной жизни: русскую религиозную философию, русский символизм, все передовое антипередвижническое искусство, Розанова и даже... Достоевского".

Окончание следует

Анатолий Цикунов (Кузьмич)

Предлагаемая вниманию читателей работа “Лгущий гуманизм. Россия и тайный заговор мирового правительства” публиковалась фрагментарно, отдельными главами в газете “Русское воскресение”, журнале “Молодая гвардия”. Известна и подпись — А. Кузьмич, чьи материалы нередко появлялись в “Русском вестнике”, “Домострое”, “Советском патриоте”, других изданиях. Можно не придавать значения имени, но трудно не согласиться с достоверной убедительностью приводимых фактов, свидетельствующих о попрании переустроечным обустройством ценностных основ российской государственности.

Журнал “Кубань” помещает на своих страницах целостный вариант работы “Лгущий гуманизм. Россия и тайный заговор мирового правительства”.

ЛГУЩИЙ ГУМАНИЗМ

РОССИЯ И ТАЙНЫЙ ЗАГОВОР МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

РОССИЯ И РЫНОК В СВЕТЕ СОВЕТСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Обособленный анализ нормативных актов СССР о переходе к рыночным отношениям не дает ответа на главный вопрос: почему руководство партии и правительства взяло курс на развитие капиталистических отношений взамен планово-централизованной экономики так называемого социализма. Корни кроются в международной экономике и международных правовых актах.

Наша перестройка — часть всемирной перестройки. Первый этап мировой перестройки начался после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам с рыночной экономикой, какую опасность несет мировая нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает только на 1 млрд. человек. На 1 января 1990 года на Земле проживало уже более 5,5 млрд., к 2000 году ожидается более 8 млрд. Не случайно в золотой фонд “одного миллиарда” входят только такие страны, как США, Япония, страны ЕЭС и т. д., в то время как 4/5 населения Земли из Азии, Африки, СССР и Латинской Америки, обладающие основной массой сырья и энергии, по существу являются сырьевыми колониями вышеназванных стран.

Западные специалисты справедливо считают, что удержать в узде 7 млрд. населения в 2000 году практически невозможно: “голодные” съедят “сытых” вместе с ядерным оружием. Не помогут даже догмы идеологий “о светлом будущем” в концепциях Маркса, Ленина, Мао Цзедуна, Хомейни, Каддафи и прочих. Вот почему в 90-х годах XX века появилась и укрепляется новая теория так называемой “интернационализации и взаимозависимости” государств, суть которой в создании единого мирового центра с единым централизованным распределением капиталов, товаров и рабочей силы, в конечном счете — сырья, где железная гвардия международных вооруженных сил ТНК (транснациональных корпораций) будет создавать “мировой правопорядок и стабильность” (доклад ООН). В этом свете следует рассматривать этапы разоружения, конверсии, сокращения национальных вооруженных сил и т. д. Далеко идущая цель — сохранение контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руках промышленно-финансовой элиты мира.

Введение новых ресурсо- и энергосберегающих технологий позволит к 2000 году увеличить насыщаемость населения до 2 млрд. человек. На повестке дня искусственное сокращение населения в Азии, Африке и СССР. В документах ООН все население Земли делится на основное (обеспечиваемое сырьем, 1 млрд.), полуосновное (около 1 млрд.) и вспомогательное народонаселение, нерентабельное в условиях индустриализации, оно не окупает вложенных в него средств для производства и для жизни. В странах, где население в основном вспомогательное, вводятся нормы потребительского ограничения на питание, жилье, ширпотреб, обучение, медицину и т. д. Существует практика талонов, карточек, пайков на минимальное выживание.

В России с 1918 года по инициативе Л. Троцкого и Н. Бухарина была введена десятиступенчатая система пайков — в зависимости от служебного поста или физически выполняемой работы. По точным сведениям ЮНИДО (организация ООН по промышленности), СССР в последнее десятилетие прочно занимает первое место по добыче нефти, угля, руд, выработке стали, проката, чугуна, стройматериалов и т. д. Но

предприятия стонут от скудных фондов, кооперация на спекулятивном голодном пайке, жители годами стоят в очереди на жилье, автомашины, дачи...

Возникает вопрос: почему Россия, 1/6 часть Земли, обладающая самыми богатыми ресурсами сырья и энергии, оказалась в положении сырьевой колонии наряду с Южной Африкой, а ее население — рабами стран с развитой рыночной экономикой?

Корень вопроса очень глубок и тянется в XIX век. В конце XIX века в связи с развитием промышленного производства проблема сырья стала срочно на повестку дня. В 1884 году в Берлине ведущими странами мира принят “Акт Берлинской конференции”, в которой закреплялся принцип эффективной оккупации, суть которого сводилась к тому, что каждая страна обязана была эффективно добывать сырье на своих территориях и пускать его в оборот, а если не позволяли технические средства, то допускать к эксплуатации другие страны и картели. Так Россия стала объектом совместной эксплуатации международных концернов. К концу XIX века Россия превратилась в банкрота. Таможенная война, объявленная ею, к 1905 году вывела ее из тупика. Введена была золотая валюта. Стабилизировалась обстановка. Но революция 1905 года, финансируемая иностранным капиталом, явилась как бы “митингом”, предупреждением русскому правительству.

Царь Николай II не внял угрозам, и был издан указ, в соответствии с которым иностранному капиталу позволялось свободно размещаться в России, но вывоз сырья и прибыли ограничивался до 12,8 процента. “Орусивайтесь”, — был брошен клич. Началось энергичное вытеснение иностранного капитала из горного дела Урала и Сибири. Русские промышленники “отвоевали” 80 процентов нефтяного бизнеса, половина передовой электротехнической промышленности германских трестов перешла в руки россиян. Многие иностранные предприниматели переходили сами в русское подданство и переносили свои капиталы в Россию. В 1911 году США объявили России дипломатический бойкот, международные финансовые круги начали невиданную травлю. Но Россия к 1913 году из “ситцевой империи”, по образному выражению В. И. Ленина, превратилась в индустриальную державу и прочно заняла четвертое место в мире. Темпы роста производства составляли 19 процентов в год. Энергично развивалась химическая, энергетическая промышленность. В 1913 году Россия на 56 процентов удовлетворяла свои потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства. Из архивов России, при пересчете цен и зарплаты к стоимости товаров и услуг на 1985 год, видно, что профессиональный рабочий (электрик, слесарь) получал ежемесячно около 2 000 рублей, а чернорабочий — 600, 700 рублей, специалисты-инженеры — до 20 000 рублей. Это было в 1913 году.

Англичанин Э. Тори в своей работе “Россия в 1914 году” писал, что если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников, и Европа, и США окажутся на коленях у сырьевого гиганта. Интересное письмо императора Вильгельма к царю Николаю обнаружено недавно в германских архивах, но тщательно скрываемо гласностью: “Социалисты занимаются подстрекательством войны, этого терпеть нельзя, теперь в особенности”. Письмо датировано 29 июля 1914 года. Первая мировая война явилась попыткой поставить Россию на колени и заставить выполнять договоренности 1884 года.

Положение России после братоубийственной гражданской войны было таково, что она напоминала тяжело избитого человека, валявшегося на международной дороге. Как сейчас стало известно, ее убытки во много раз превышали даже убытки во вторую мировую войну. Естественно, что ничем иным, кроме как сырьевой колонией других стран, она быть не могла. К 1929 году все, что можно было продать, было продано. Частный бизнес сам выдохся из-за отсутствия скудного сырья, которого не хватало даже на государственные предприятия. Вывозилось до 90 процентов.

Тот факт, что после 1945 года Россия сумела за 10 лет полностью восстановить свое хозяйство, выйти на передовые рубежи мира — это следствие той временной передышки, которую она получила после войны, и права использовать свое сырье на собственные нужды.

Но уже в 50-х годах в жизнь стал активно проводиться план “Закона США от 10 октября 1951 года о взаимном обеспечении безопасности” западного блока и входящих в него стран. В разделе 514 намечалось: “Сократить истощение ресурсов США и обеспечить соответствующие поступления важного сырья странам блока...” за счет стран сырьедобывающих, то есть СССР, Китая, ЮАР, Индии и т. д. Так закладывались правовые основы “золотого миллиарда населения под солнцем благосостояния”.

В данной статье автор не будет раскрывать те перипетии сложной борьбы за выживание, которая разворачивалась в 60-е и 70-е годы (правление Хрущева, Брежнева, Андропова). Перейдем непосредственно к дням нашим, к так называемой “перестройке”.

Сразу же оговоримся: перестройка — не советское и не русское слово. Оно перешло в наш лексикон и стало политическим термином из международного права и практически было разработано в кулуарах Всемирного банка и МВФ (международный валютный фонд). Документов на этот счет много, но главные их идеи сводятся к следующему:

1. Возросло загрязнение окружающей среды в развитых странах, вывоз сырья себя не оправдывает, малая окупаемость.

2. Необходимость вывода за пределы стран с

развитой рыночной экономикой не только добывающих, но и многих перерабатывающих предприятий. Научно-информационные общества, как США, Япония, Западная Европа, ввиду завершения своей структурной перестройки, начавшейся с 1973 года, отказываются от традиционной политики "консервирования" СССР и ряда других стран в качестве аграрно-сырьевой колонии и переводят их в разряд промышленных колоний, так называемый "нижний этаж" мировой цивилизации, вынося на территорию этих стран все материалоемкие, трудоемкие, экологически грязные производства. Намечается с 1995 года полностью вывозить к ним сырье и там перерабатывать.

3. Ввиду нестабильности в странах Азии и Африки предпочтение отдать территории СССР. Джон Скиннер, президент ТНК "Бизнес интернэшионал", так сказал: "Наша задача — проникнуть на советский рынок, овладеть дешевым сырьем и там же его перерабатывать в условиях самой дешевой рабочей силы".

Перестройка в СССР проходит по этапам: 1985—1987 гг., 1987—1990 гг., 1991—1992 гг., 1992—1995 гг., 1995—2005 гг. Последний срок предполагает создание мирового правительства.

Существенной ошибкой наших теоретиков является то, что они предполагают, что переход к рынку есть переход к частной собственности отдельных лиц, как это было в XIX веке. Как при НЭПе заглохли все частники из-за отсутствия сырья, так и теперь сырье предназначается для мировых корпораций, а не для них. Это второй величайший эксперимент в мире на базе русской земли и с применением русского живого труда, пота и крови. Первый — большевистский в 1917—1921 годах, когда намечалось с территории России зажечь мировой пожар коммунизма во всем мире. Костер погас. Второй — сейчас, когда с территории России ТНК в условиях операции "Прыжок тигра" установят свое мировое господство, заменив границы географические границами функциональными.

Первый этап перестройки можно назвать периодом первоначального накопления капиталов. В январе 1987 года по решению ЦК КПСС и Совмина СССР было частично отменено ограничение во внешней торговле и без ДВК (дифференцированных валютных коэффициентов) разрешено предприятиям и лицам продавать за рубеж все дефицитные товары: продовольствие, ширпотреб, сырье, энергию, золото, химтовары...Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от сентября и октября 1987 года предприятиям давались уже "обязательные директивные указания" о продаже дефицита за рубеж. Это создало незаинтересованность во внутреннем рынке, началось вымывание товаров, обесценивание рубля, а после постановлений 1987 года о совместных с иностранцами предприятиях и Закона о кооперации 1988 года началось повальное опустение наших магазинных полок.

Второй этап перестройки начался с 1989 года и характеризуется захватом земли и производства. Появились законодательные акты о собственности, об аренде, о земле, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о концернах, валютных и прочих фондах и т. д.

Третий этап намечается с 1992 года — этап, очевидно, сращивания ТНК и совпроизводства. По данным нашей печати, в зарубежных банках уже хранятся сотни миллиардов в золоте и твердой валюте, готовые осчастливить Россию. Одно забываем, что эти сотни миллиардов — отнятое у нас с потом и кровью. Начнется спекуляция предприятиями, людьми, ресурсами, активное внедрение "спрутов" в органы власти и управления этих стран, шантаж населения голодом, вооруженными конфликтами, эпидемиями и т. д. Надо быть готовым к суровой борьбе, считают специалисты ООН.

Теперь перейдем к более конкретной сфере нашей жизни, а именно к созданию правового государства, и рассмотрим некоторые законы СССР, недавно принятые Верховным Советом.

Главный и основной закон — это Закон о собственности, вступивший в силу с 1 июля 1990 года.

Закон о собственности в СССР закрепляет три вида собственности: частную, коллективную и государственную. Красной нитью через все виды собственности проходит идея акционерного вложения в неограниченных размерах (ст. 6, п. 3). Социальное положение определяется толщиной кармана. Если сравнить сотни миллиардов зарубежной и нашей "теневой" мафии с заработной платой работников СССР, то станет вполне ясно, для кого раскрывает объятия положение ст. 1 п. 2, где говорится о свободе "любой хозяйственной или иной деятельности" любых лиц и организаций, в том числе и зарубежных. Как и в декрете СНК от 23 ноября 1920 года, разрешается беспрепятственный наем рабочей силы зарубежными фирмами, но размер вывоза прибыли и сырья снижен пока с 95 процентов, как ранее, до 80. Как писал Фазиль Искандер, "прогресс — это когда тебя убивают, но уже не отрезают уши". В трудовые доходы записываются суммы акций, дивиденды, наследство, ценные бумаги, "иные источники" (прибыль от ловкости рук, как говорил Остап Бендер). Рассчитывая, очевидно, на дебилов, ст. 6 (в п. 2) объясняет "иные источники" "личными способностями". У кого много денег — тот способный. Всем остальным закон позволяет гнуть спину на "способных".

Широко дано понятие объекта собственности. Ими становятся дома, земли, недра, транспорт, средства производства и даже растительный и животный мир.

Коллективная собственность так замаскирована в Законе, что трудно догадаться, для кого она предназначена в конечном итоге. По тексту статей — это якобы содружество "лис" советских, "волков" зарубежных и "зайцев-производителей". Этакий совместный ужин.

Однако в ст. 12 четко оговорено, что положение "коллективного собственника" определяется его денежным вкладом в предприятие. Основное — это деньги, неважно как добытые, а труд — это привесок для "неспособных" (как справедливо отмечено в названной выше ст. 6, п. 2). По расчетам наших "прорабов перестройки" (Минфин, Госплан, Госкомстат и прочие), ожидается более 25 миллионов безработных, десятки миллионов беженцев, миллионы репрессированных, и все это называется "платой за перестройку" для того, чтобы "способные" могли успешно нанимать для труда "неспособных", то есть 280 млн. человек. Но главный корень фарисейства кроется в том, что этих же людей будут обирать за их же труд путем так называемого добровольно-принудительного отчисления в фонды предприятия от скудной их заработной платы. За счет этого "фонда" хозяин будет реконструировать свое предприятие, для работника строить жилье, выдавать пособие, пенсии, но представляется все это как "дарственная", милосердие хозяина.

Любые попытки изменить условия Закона сурово наказываются (ст. 33, 34). Однако в Законе не предусматривается правовой защиты лиц наемного труда.

Так, по общепринятому международному стандарту (МОТ) 70 процентов от полученной прибыли идет на оплату производителя, 20 процентов — в фонд развития предприятия, 10 процентов — местные и центральные налоги государству. Не случайно, что в США зарплата составляет 3—4 тысячи долларов в месяц, а у нас — 300 рублей в лучшем случае: на зарплату выдается только 5—7 процентов, а 9—10 уходит в так называемые общественные фонды, целевое направление которых за 70 лет так никто и не выяснил, ибо, по точным подсчетам наших и даже зарубежных экономистов, каждый человек в СССР окупает общественные фонды за два года работы. Если вы получаете 300 рублей, то ежемесячно у вас изымают 2700 рублей плюс подоходные и косвенные налоги. Чингисхан с его десятипроцентным ясаком (данью) сегодня выглядит благодетелем русского народа в сравнении с ханами XX века.

Или другая тайна. Министр финансов не мог ответить депутатам, каков реальный прожиточный минимум в СССР. В США это — 12 тыс. долларов, в Швейцарии — 16 тысяч. Даже для слаборазвитых стран Африки и Азии ООН установила (на 1 января 1990 г.) прожиточный уровень в 1000 долларов в год, ниже которого не должна опускаться ни одна семья. В случае, если правительство по объективным причинам не может обеспечить такие семьи, то ООН оказывает им помощь через свои общественные фонды. Объективными причинами в международном праве считаются войны, эпидемии, стихийные бедствия. Если объективных причин нет, то виновато правительство, и оно несет полную международную ответственность. Ему могут отказать в международном доверии, обвинить в нарушении прав человека, объявить бойкот.

В СССР, по данным Госкомстата, семья получает 9,6 тысячи долларов в год. Эти данные фабрикуют так. Берут "средних" мужа и жену, умножают их средний доход в 250 рублей на два человека — 500 рублей. Затем умножают сумму на 12 месяцев — 6 тысяч, переводят на долларовый коэффициент 0,6 и получают, таким образом, в среднем 9 тысяч долларов в год на семью. Фактически же, в реальном долларовом исчислении по рыночным ценам, средний человек в СССР получает в месяц 300 рублей, 15—20 долларов, или в год 15 x 12 = 180 долларов. 98 процентов населения СССР живет за чертой бедности, равной 100 долларам в год.

В тесной связи с Законом о собственности находятся и нормативные акты о приватизации государственной собственности (законы об аренде, о малых предприятиях, об акционерных обществах, о совместных предприятиях), а также законы о едином налогообложении граждан и предприятий, акты о землепользовании и др. Их нельзя рассматривать изолированно. Главной сутью этих законов является право создавать на территории СССР иностранные консорциумы, союзы, концерны и другие объединения с целью долгосрочной аренды земли, естественных и природных ресурсов, предприятий, зданий, сооружений (ст. 5, 12 Закона об аренде). По Закону о собственности арендованные объекты могут быть предоставлены затем во владение и собственность арендаторов. В соответствии с разделом XIV Основ земельного законодательства СССР правительство может заключить международные соглашения в обход Закона о земле, запрещающего продавать землю иностранцам напрямую. Такое право закреплено в Законе СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 года (ст.ст. 6, 12, 13, 15). Короче, через международные соглашения без санкции Верховных Советов можно обойти с тыла Закон о земле и прочие и открыть широкую дорогу для бесконтрольного расхищения естественных и природных богатств российского народа. Этакое международное акционерное общество по эксплуатации богатств России...

В этой связи настораживает и так называемый национальный и региональный суверенитет в

РСФСР. Не связан ли он с целью указанных законов? Вспоминается секретный документ, подписанный лордом Берти 6 декабря 1918 года в Париже: "Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку". Хуже, если сегодня и "остальному" не дадут даже "вариться в собственном соку", а поварят в соку экологического опустошения и людского вымирания на территории уже бывшей так называемой России...

РЫНОК РОССИИ В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В российском и союзном парламентах идут острые дебаты, споры, ломаются копья о программах Шаталина, Абалкина, Явлинского и других, перехода СССР и России к рыночной экономике.

Зрители ТВ переживают: кто кого? Разыгрывается невиданный фарс в утеху его организаторам, в котором зрителям отводится роль "массы", манипулируемой умелыми "операторами".

Переход СССР к структурной и социальной перестройке был определен еще в 1983 году Всемирным банком и Международным валютным фондом (МВФ). Тот факт, как заявил один депутат в парламенте СССР, что МВФ не выделит средств под развитие рынка в СССР, пока мы точно не определимся в программах перехода на рельсы частной собственности, говорит сам за себя.

Частная собственность, к которой стремятся некоторые депутаты, по содержанию будет иной, чем в XIX веке. Собственникам ставится задача: максимально добыть и переработать сырье в условиях территориальных объемов СССР и самой дешевой в мире рабочей силы. Финансисты мира считают, что старая система жесткой плановой централизации уже не способна обеспечить эффективный производительный труд рабов, и ее следует заменить на конкуренцию внутреннего рынка, но с жестким контролем центра над сырьевыми запасами, ценами на них, а также максимального ограничения потребительского спроса на сырье для населения СССР и для отдельных "вольных стрелков" предпринимательского рынка на Западе. Все должно быть сконцентрировано на едином мировом центре, согласно планам которого намечается установление мирового правительства к 2005 году.

Сейчас готовится заговор, чтобы нанести последний удар. Те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к этой катастрофе. Целью реформы является насаждение, "выращивание", по выражению одного члена правительства, небольшой кучки собственников и превращение остальных в пролетариев.

Рассмотрим в этом свете текущее законодательство.

Весь законодательный процесс в СССР можно разделить на несколько этапов, начиная с 1987 года.

1-й этап — этап первоначального накопления капиталов. 1 января 1987 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о частичной отмене монополии внешней торговли и разрешении продавать за рубеж предприятиям и отдельным лицам товары без дифференцированных валютных коэффициентов (ДВК). Вот список товаров: драгметаллы, товары бытового назначения, комплектующие изделия, продовольственные товары, минеральное сырье, химтовары, пушнина, лесоматериалы, топливно-энергетические товары, ювелирные алмазы, бриллианты, удобрения... Это создало незаинтересованность во внутреннем рынке, началось вымывание товаров из страны. Соотношение между долларом и рублем от 0,6 доллара к 1,0 рублю быстро начало снижаться в ущерб рублю: 1:1, 1:2, 1:5 и сейчас уже по рыночным ценам соотношение 1:20.

В сентябре и октябре 1987 года вышли постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по обязательному, так называемому "директивному плану продажи государственными предприятиями товаров за валюту". На июньском Пленуме ЦК КПСС был принят новый план экспортной деятельности, а в июле 1987 года СССР подписал соглашение в рамках ООН "Об учреждении мирового сырьевого фонда".

В 1987 году были утверждены новые законы о совместных предприятиях с иностранными фирмами — СП, где иностранцам предлагались льготные условия: 80 процентов прибыли вывозить за рубеж.

В 1988 году был принят Закон о кооперации в СССР, на основании ст. 28 п. 2 им было предоставлено право "осуществлять свои операции по экспорту и импорту товаров (работ, услуг) на договорной основе через соответствующие внешнеторговые организации".

На основе Закона о государственных предприятиях от 30 июня 1987 года "предприятие обеспечивает поставку на экспорт продукции в первую очередь" (ст. 19, п. 1).

2 декабря 1988 года постановлением Совмина СССР № 1405 "О дальнейшем развитии государственных, кооперативных и иных общественных организаций" были отменены ДВК и разрешено с 1 апреля 1989 года беспрепятственно гнать товары за рубеж всем, кому не лень. Моментально

опустели полки магазинов, невиданно подскочили рыночные цены в советских рублях, началась крупномасштабная международная спекуляция. По данным нашей печати и спецорганов, в зарубежных банках уже скопилось от 400 до 500 миллиардов денег от старта первоначального накопления. Эта "золотая мина" стала с нетерпением ожидать нового Закона о собственности в СССР.

Дело в том, что внедрить эти деньги, золото в сферу западной экономики невозможно. Западу нужны не бумажные сертификаты, а натуральное сырье и товары, территориальные объемы, живая рабочая сила. К тому же, новые жесткие законы Запада не позволяют развертывать на их территориях экологически грязные (кстати, самые прибыльные) предприятия, а отчисления производителям (рабочим, служащим) должны составлять не менее 70 процентов от прибыли, что для работодателя не даст возможности извлечь более высокую ренту. И, наконец, жестокая конкуренция в "джунглях" Нью-Йорка, Рима, Парижа, Лондона, Токио. Остается единственный выход: пока капиталы не обесценились, двинуть их в "прерии" СССР и захватить рынок сырья, товаров, рабочей силы (самой дешевой в мире). В этой смертельной схватке столкнулись кровные интересы советских нуворишей, западных предпринимателей, транснациональных корпораций (советских и зарубежных).

Движущие силы нашей "революции сверху" пришли в активное движение.

Вот один факт. "Действующий в Ленинграде — зоне свободного предпринимательства — завод "Источник" продает сейчас за рубежом свою продукцию — аккумуляторные пластины, игнорируя интересы заказчиков. В результате — 26 тысяч единиц уборочной техники на Северном Кавказе простаивает, погиб богатый урожай" ("Советская Россия" 15 сентября 1990 г., № 215).

Нормативную и теоретическую базу нашей "революции" составляют такие фундаментальные труды, как труд известного юриста профессора И. Д. Левина "Суверенитет". Хотя книга отражает давние годы, но резюме ее актуально сейчас: "Суверенное государство является юридически неограниченным в том смысле.., что суверенное государство, строго говоря, не несет юридических обязанностей в отношении своих граждан, а имеет только права" (с. 100), а следовательно, "неограниченность юридического суверенитета означает юридически неограниченную свободу установления права государством" (с. 101). Кем? — "Суверенитет мыслится как верховная власть центрального органа государства" (с. 101).

В статье 104 Конституции РСФСР сказано, что "высшим органом государственной власти является Съезд народных депутатов РСФСР". Но тогда на каком основании Верховный Совет РСФСР 13 сентября 1990 года заложил основы продажи сырья России своим постановлением "О создании зон свободного предпринимательства" без санкции Съезда? Ответа на этот вопрос никто не дает, ибо исходя из первоначальной формулировки о том, что государство якобы не несет обязанностей, а имеет одни права: "Что хочу — то и ворочу!"

2-й этап — этап законодательной деятельности характеризуется: 1) углублением кризиса в стране путем разбазаривания народного достояния; 2) захватом государственных предприятий под накопленный капитал.

Открывает эту колею постановление Совмина СССР № 203 от 7 марта 1989 года "Меры государственного регулирования по декларации товаров, оперативное регулирование" (вступило в силу с 1 сентября 1989 года). Сущность его в том, что разрешается продажа природных ресурсов республикам, ведомствам. Квотирование и лицензирование товаров за рубеж осуществляет "Союзвнештранс". Чтобы волки были сыты, а овцы далеко не разбегались, постановление передало республиканским ведомствам право на собственную продажу (даже Главохоте).

Результат не замедлил сказаться. Продали 12 тонн лягушек в Краснодаре, всю икру морских ежей в Приморье, оставив их без потомства, змей в Хабаровском крае, земельный чернозем с Орловщины, сайгаков в степях Казахстана, даже от живого товара — "проституток" получили доход в 1 млрд. долларов (газета "Коммерсант"). Но это все мелочи жизни. Далее игры разворачивались в крупном плане.

Постановлением № 1104 от 11 декабря 1989 года на экспорт срочно погнали "лошадей мясных", лишив наше мусульманское население деликатесов. А постановлением № 1189 от 30 декабря 1989 года учредили на территории СССР правовой статус "Международной топливно-энергетической ассоциации" (МТЭА). В соответствии со статусом ее деятели полностью освобождаются от налогов, пошлин, платежей и сборов, взимаемых в государственный бюджет (п. 7), с правом свободной купли и продажи сырья в СССР и вывоза за границу.

28 декабря 1989 года были отменены надбавки к рублю от курсового соотношения валют, тем самым окончательно рубль был загнан в угол и потерял всякую ценность для предприятий. Политический прицел: сделать рынок сырья и товаров в СССР прочным тылом западных монополий в условиях неконвертируемости советского рубля, то есть искусственного выхолащивания его ценности.

3-й этап начался с малозаметного постановления Совмина СССР от 10 января 1990 года о повышении цен на золото на 50 процентов. Рубль сразу упал в цене. Было 100 рублей за 1 грамм,

стало 200 рублей за 1 грамм. Создана была золотая основа обесценивания рубля, и он покатился по наклонной. Но главное, в чем секрет, — была создана почва для хозяйственной неустойчивости советских предприятий. Чем хуже — тем лучше, и скорее пойдет "приватизация".

На этой основе постановлением № 290 от 27 января 1990 года была разрешена аукционная продажа товаров (машины до 100 тысяч вместо 10 тысяч и т. д.), где 50 процентов отводилось Союзу и республике (22 % плюс 23 %), 20 процентов — Госснабу СССР, 10 процентов — местным советским боссам, 10 процентов — производителю и 10 процентов комиссионных — продавцу. Всем сестрам по серьгам! Это уже не называлось спекуляцией, а оформлялось как "торговая сделка", правда, за счет кармана покупателя.

Примерно такого же плана было постановление об учреждении торговых домов и отмене декларации на источник валюты от 1 августа 1990 года. В торговых домах продают всем, кто имеет валюту, все дефицитные товары (а кто ее имеет, можно догадаться по вышеназванным нормативным актам) из расчета прибыли: 42 процента — в местный бюджет, 15 процентов — в Госбюджет, 43 процента — торговому дому. При анализе этих процентов явственно видно, что за "домами" стоит местная "мафия" (в лице, очевидно, местных Советов) и торговые дельцы от нашей родной советской торговли. С 1 января 1991 года входят в жизнь СССР на полнокровной основе валютные биржи, фондовые биржи, биржи труда и т. д., то есть можно констатировать, что капитал наконец и скоро начнется 4-й этап. Но об этом позже. Сейчас пока рассмотрим подготовительные меры к нему.

Одной из таких мер является постановление Совмина СССР № 151 от 10 февраля 1990 года, на основе которого советским транснациональным корпорациям (Минхиму, Минлесу, Агропрому и т. д. и т. п.) предоставляется право лицензирования леса, бумаги, продукции химической и нефтяной промышленности в неограниченных квотах. Это называется любовно "разгосударствлением", но ни в коем случае, как думают, международной спекуляцией. Ни в коем случае...

Особый интерес представляет постановление № 590 от 19 июля 1990 года об акционерных обществах. Для человека с улицы наша печать превозносит этот акт как самое гуманное мероприятие, благодаря которому все мы станем собственниками. Этакий рай собственникам с пачками долларов и колесами "мерседесов"!

Но специалист, изучив этот документ и сопоставив его с основным Законом СССР "О собственности" от 1 июля 1990 года (раздел о так называемой коллективной собственности), легко придет к выводу, что основная масса акционеров должна служить буфером для финансовых акул. Во-первых, акции трудового коллектива выпускаются под фонд материального поощрения. По существу, те же самые деньги, которые труженик должен получить за отработанный труд, ему не выдаются, а переводятся в акции на неопределенное время с неопределенным процентом начисления (кто даст гарантию от банкротства в условиях скачкообразного роста цен и замораживания сырья? Кстати, уже наготове указ о введении налога с оборота на сырье). И второе: деньги на акции предприятия пойдут из фонда развития предприятия. Что в лоб, что по лбу. Предприятие уже не сможет располагать свободным фондом развития, а будет зависеть от игры акций на биржах Москвы, а затем — Лондона или Рима. Получается, что кто-то отобрал, например, у вас пиджак, спрятал его в сейф и говорит: "Посиди, дорогой, пока в твоем пиджаке деньги появятся". А кто хозяин "сейфа"? На это прямо сказано: ведомство. Есть уже примеры. Так, Камский автомобильный завод стал акционерным предприятием стоимостью 4,5 млрд. рублей. Ведомство оставило себе 51 процент, 20 процентов — коллективу, а 29 — на продажу ТНК, с правом последующей продажи (разбазаривания, а вернее извините, разгосударствления) всего остального.

Лиха беда — начало! В акционерный ажиотаж вдарились все: газеты, Советы, КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС... Но самое страшное в том, что никто не создает какой-либо новой формы собственности, а делят между собой одну и ту же, притом весьма условно. Материальное, правовое положение его участников ничуть не меняется. Однако в политическом плане оно имеет значение.

Например, когда началась так называемая "банковская" война между финансовыми тузами СССР и РСФСР, то срочно растащили авуары банков по "акционерам". А в соответствии с международным правом решения о передаче собственности другому лицу без общего согласия основных участников акционерного общества неправомочны. Россия оказалась у забронированного "сейфа" всесоюзных "акционеров", где каждый имел не более 27 процентов акций всесоюзных банков.

И второе политическое значение. Сконцентрированность акций в немногих руках, точнее — основных сумм предприятий, позволяет при наличии биржи продать государственный фонд зарубежным партнерам.

Хотелось бы осветить два вопроса: на каком основании продается народное имущество? Почему трудовые коллективы оказались объектами без собственности?

Во-первых, сразу же внесем поправку. Как таковой не было и нет народной собственности. Истинный собственник был тот, кто захватил власть в 1918 году и окончательно закрепил ее в 1921 году. Это власть международного, так называемого "интернационального союза", основы которого были заложены знаменитой Циммервальдской конференцией в 1916 году. И не случайно, что так называемая партия, а по существу

узкий союз представителей восточного блока Международной Лиги, являлась удельным хозяином России и ее имущества.

Нам объясняют сейчас все так называемой структурной перестройкой. Так, в постановлении Совмина СССР от августа 1990 года сказано, что в связи с изменением структуры управления создается система крупных концернов в форме акционерных обществ, где вместо "вертикального" подчинения вводится "горизонтальное". Не будем вдаваться в схоластику научных терминов. Какая разница, если и та, и другая "геометрия" поставлены на службу выжимания пота у производителя за мизерную плату.

И вторая немаловажная деталь. За государственное имущество наш российский народ уплатил "собственнику" 20 миллионов жизней в 1917—1921 годах, затем еще десятки миллионов в коллективизацию и индустриализацию плюс миллионы в борьбе с фашизмом. Если сложить все эти черепа, кости, кровь, перевести в доллары, то цена будет намного выше, чем оценивают госимущество спецы ведомств.

На сессии Верховного Совета РСФСР можно было услышать, что ничего необычного нет, что, например, в США 200 свободных экономических зон, 40 процентов французских рабочих трудятся на предприятиях ТНК, 50 процентов канадской промышленности — собственность ТНК, в США базируется более 500 таких корпораций, 100 крупнейших ТНК правят коммерческий "бал" в Великобритании и т. д. И ведь живут люди не хуже, а лучше нас.

Что говорить: довод убийственный. А ответ прост. Ни Англия, ни Франция, ни Канада, ни кто-либо другой из их "системы" не находится в положении сырьевой колонии, они "питаются" единым домом на основе взаимных равноправных соглашений. Это все равно, что наши всесоюзные ведомства, действующие, не взирая на границы, в России, на Украине или в Белоруссии. Кто подсчитывает, сколько рабочих от ведомств на территориях республик? У нас одна система. Не случайно, что от ТНК стонут Африка, Латинская Америка (около одного триллиона долга на 1990 год), но не Канада или Франция.

И второе. Свободные экономические зоны и участие ТНК в национальных предприятиях Запада не нарушает общности их рынка. Для француза или канадца рынок США так же открыт, как и собственный. А скажите, какую долю акций имеет трудовой коллектив АЗЛК в автомобильных гигантах Чикаго или Детройта? Или сколько товаров американского производства может купить тот же рабочий АЗЛК за советские деньги в Чикаго? Уже не говоря о свободе въезда и выезда из СССР и США.

Для ясности и перспектив мышления приведем основные положения соглашения от апреля 1990 года, согласованного в Бонне на уровне 1400 фирм и корпораций западного мира с участием государственных представителей Восточной Европы (в том числе СССР).

1. К апрелю 1991 года приватизировать 70 процентов государственной собственности в Восточной Европе.

2. Центр оставляет за собой контроль над сырьем, энергией, транспортом, трубопроводами, спиртоносителями, табаком, наркотиками.

3. Все товарные цены к апрелю 1991 года перевести на мировые цены, в том числе на ширпотреб и продовольствие (по долларовому курсу).

4. В случае быстрого решения о переводе основной собственности на частные рельсы и обеспечения интересов Запада гарантируется финансовая помощь, в том числе и безвозмездная.

5. В целях оказания содействия частному сектору Восточной Европы в рамках ЕЭС создается Европейский банк реконструкции и развития с уставным фондом около 15 миллиардов в долларах.

6. Ни одного цента не будет выделено государственному сектору, и за нарушение этого правила страны-кредиторы несут ответственность по нормам международного права.

8 августа 1990 года было утверждено постановление Совмина СССР о малых предприятиях — МП. Основная идея исходила из того, что на Западе 40 процентов ВНП (валовой национальный продукт) осваивают малые предприятия и являются мощным фактором развития: мобильны, конкурентоспособны, пионеры внедрения новых технологий. Это правда. Суть в том, что МП Запада действуют в условиях свободы внутреннего рынка сырья, находятся под опекой коллективных корпораций, где 90 процентов собственности — собственность трудовых коллективов, у которых единый неотчуждаемый пай и социально-уравнительное распределение общей прибыли. Управляющие набираются по контракту и несут юридическую и материальную ответственность перед коллективом, 70 процентов прибыли идет на зарплату. В США, к примеру, таких "коллективных капиталистов" треть страны. МП — как бы филиалы этих свободных предприятий, над которыми нет власти, кроме власти собственного коллектива. Такие предприятия — не только экономические, но и политические единицы общества и государства и имеют одну треть своих представителей в парламенте страны.

Наши же МП связаны по рукам и ногам сырьевыми монополиями, они даже гвоздя не могут купить без лимитов и вынуждены искать его по спекулятивным ценам, перебрасывая затем расходы в бюджет потребителя, в конечном счете и на себя. Это вторые советские кооперативы, только в замаскированной форме. А учитывая, что

наши корпорации-предприятия целиком "зациклены" на экспорт сырья, полуфабрикатов, комплектующих изделий за рубеж, не имеют собственного лица и собственности, то о какой опеке может идти речь? Раб у раба — это двойной раб.

Как видно из анализа нормативных актов СССР, вся нормотворческая деятельность ложится на плечи Совета Министров СССР. Такого нет ни в одной стране мира. По существу правительство выполняет законодательные функции, совмещая и законодательную, и исполнительную власть.

Дело в том, что еще с 1920 года установилось правило, что Совет Народных Комиссаров РСФСР заменял собой все правоохранительные и законодательные органы (диктовалось условиями революции). Впоследствии вкус власти в одном органе пришелся по нраву управляющим, и это стало именно тем основным корнем тоталитарного режима, который, в конечном счете, сожрал и своих собственных творцов, как в рассказе Р. Шекли "Абсолютное оружие" биологический монстр сожрал всех создателей и всю планету.

ПОЧЕМУ СОВФИНАНСЫ НЕ ПОЮТ РОМАНСЫ

Самый существенный корень противоречий в мире в том, что происходит развал "Единого мирового центра" контроля над сырьем, энергией и народонаселением. "Центр" создан после первой мировой войны и революции в России 1917 года (см. статью "Россия и рынок" в газете "Воскресение", № 4 и "Московский строитель", № 40, 1990 г., с. 13). Попытки отдельных государств разрушить эту так называемую "версальскую систему" на основе Устава Лиги Наций от 28 июня 1919 года (вступил в силу 10 января 1920 года) не увенчалась успехом. Система "Единого центра" продолжала существовать.

Однако в середине 80-х годов "Центр" стал переживать глубочайший кризис, обусловленный нехваткой сырья, стремительным ростом населения в странах "третьего мира" — потенциальных сырьепоглотителей. "Золотой миллиард" населения, который, по данным ООН, мог в достатке быть обеспечен сырьем Земли за счет других стран, оказался под угрозой лишения своего благополучия.

На арену выступили ТНК (транснациональные корпорации), предложившие свой план переустройства мира. Суть его заключается в том, что: 1) географических границ отдельных государств быть не должно, а вместо них вводятся функциональные границы деятельности ТНК; 2) а так как вследствие этого разделение человечества на нации устраняется, создастся единый конгломерат общечеловеческого состояния, типа американского народа; 3) старый лимит человечества на выживаемость, около 2 миллиардов, сохраняется в условиях новых технологий на сырье и энергоресурсы, но распределяется не по странам, как сейчас, а в масштабе всей Земли. То есть происходит естественный процесс борьбы за выживание индивидов, а не государств. Из них и составляется "золотой фонд" населения из разных наций. Концепция получила название "планетарного гуманизма".

Развернулась ожесточенная борьба между ТНК и государствами. Это борьба за власть над миром, над народами.

Подтверждением вышеизложенного являются международные отношения, особенно в такой обнаженной сфере, как финансы. Это — лакмусовая определяемость существа вопроса.

Сейчас ядро мирового рынка образуют государства, в которых валютные ограничения практически отсутствуют или незначительны (США, ФРГ, Япония, Великобритания, Швейцария, Швеция, Канада, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Сянган-Гонконг, ОАЭ). Есть полуконвертируемые страны, как Франция, Италия, Испания, Бельгия и т. д. Во всех остальных странах национальная валюта обычно неконвертируема, а на свободный рынок выходят только уполномоченные банки, учреждения или предприятия (как бы по доверенности). Наибольшее значение имеет торговля валютой.

На межбанковском рынке (он полицентричен, т. е. операции проводятся непосредственно из банков, на его долю приходится 90 % всего валютного оборота банков) действуют шесть валют: США, ФРГ, Японии, Швейцарии, Франции, Англии. В СССР такой банк сегодня — "Менатеп".

Если раньше по принципу "Центра" все валютные операции проходили под знаком "золотого паритета", т. е. Бреттон-Вудская валютная система (с 1934 г.), то теперь с 1973 года действует система "плавающих валют", а на основе Ямайского соглашения 1976 года все валюты привязаны к ведущим валютам мира — транснациональный стандарт (СДР), когда золото уже не играет роли. Разновидностью этой системы является принцип валютной кооперации в рамках ЕВС (Европейское валютное сообщество).

Генеральная же линия видимости в том, что идет борьба между "Центром" в лице МВФ (Международного валютного фонда) и ТНК в лице новых частных коммерческих банков (в СССР — Госбанк и коммерческие банки). Через новые банки ТНК захватывают рынки сырья, а через систему "долгов" устанавливают политический контроль над странами.

Об этом свидетельствует и взаимное соглашение между банками мира о девальвации рубля в СССР (снижение его стоимости к доллару — вместо 10 дол. = 6 руб. теперь 10 дол. = 18 руб. — в три раза, по проекту же Внешторгбанка России — в 6 раз!). Согласно традиционной схеме международных финансов девальвация влечет удорожание импорта и экспорта в национальной валюте. Следовательно, в СССР будет сокращаться импорт товаров, но расширяться экспорт, т. е. будет происходить вымывание сырья, энергии и товаров. И второе следствие: произойдет относительное повышение стоимости основных средств в девальвированной валюте (земля, здания, сооружения, предприятия) и снижение цены живого труда. И третье: пойдет увеличение расходов в национальной валюте на обслуживание внешнего долга, обесценивание активов страны по отношению к загранице. А что из этого вытекает? — Предстоящее банкротство СССР в международных финансовых кругах, а это — прямое следствие к переводу национального достояния в руки иностранных кредиторов-инвесторов. Такова международная практика.

Вывод таков. Ямайская система 1976 года, будучи международной по форме, является по содержанию транснациональной системой узкого круга корпораций, прежде всего США, выступает средством финансовой эксплуатации СССР и способствует не только экономическому, но и политическому подчинению его ТНК.

В этой связи рассмотрим некоторые вопросы международно финансового положения СССР.

По существу, советская валютная система является частью мировой. Неконвертируемость рубля существует только для определенных юридических и физических сил СССР, чтобы держать их в "черном теле" — 280 миллионов людей, а для спецлиц такого нет. Так, за покупку иностранной валюты Банки СССР переводят на счета экспортеров советские рубли, что влечет за собой увеличение эмиссии. Эмиссия денег в СССР — прямое следствие закупки валюты для неких "потребителей", а не увеличения зарплаты рабочим и служащим, как фарисействуют наши финансовые законодатели. Только в 1989 году было дополнительно отпечатано на станках 19 млрд. рублей, что привело к росту неотоваренных рублей в СССР и инфляции.

Стремление нажить валюту за счет товаропроизводителей явственно видно из постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 августа 1986 года № 992, в котором Госплану СССР поручено установить объемы продажи товаров и сырья за рубеж через ведомства. 17 сентября 1987 года ЦК КПСС и Совмин СССР уже приняли прямое директивное указание всем предприятиям СССР о продаже в обязательном порядке товаров дефицитного характера за рубеж с централизацией валюты до 80 % — в центре, 10 % — ведомствам, а 10 % — предприятиям, но не в долларах, а в инвалютных рублях, т. е. по существу в рублях, но с чуть-чуть повышенным курсом, с правом приобретения залежалого западного ширпотреба, когда там происходит затоваривание (или порченых продуктов). С 1 апреля 1989 года вообще были отменены все ограничения во внешней торговле и разрешено продавать любые товары, но с переводом 80% валюты в центр, кроме кооперативов. Пошла распродажа России от зубочисток до самолетов и танков (см. письмо Минфина СССР и Госплана СССР от 24 апреля 1989 года № В-30-89 с дополнением от 5 апреля 1990 года, а также письмо Госкомцен СССР от 1 сентября 1989 года № 01 № 17 (1713-09). Это привело к тому, что в октябре 1990 года рубль был девальвирован, снижено его золотое содержание, стала проводиться политика ограничения внутреннего спроса, цены на импортные товары резко возросли, а это автоматически привело к скачкообразному повышению цен на национальные товары. В условиях искусственного замораживания зарплаты все это обрушилось катастрофой для миллионов граждан СССР, но создало условия для искусственного сокращения населения Союза в рамках планов ТНК.

Выросли аппетиты банков. Возрос внешний долг СССР. Для покрытия его стали изыскивать дефицитные товары и направлять на экспорт, возникло нарушение в материальных балансах страны. 280 миллионов советских граждан стали "отрабатывать" долги нашей родной финансовой элиты, которая сытно ела и сладко пила все 70 лет Советской власти.

Но еще одна глубокая тайна Совфинансов. Дело в том, что валютные средства Внешэкономбанка СССР, так сказать, "в натуре" — это в действительности не валютные резервы, а небольшие кассовые суммы. Они — только оперативный источник средств для осуществления небольших коммерческих операций. Действительный резерв — это все валютные средства СССР, размещенные в иностранных банках в форме депозитов и кредитных вложений. Западные банки являются истинными владельцами России, ее недр и имущества (см. расчетный баланс СССР в разделе "Средства в банке и за границей", Госбанк СССР. М., 1990). Сегодня все резервы в свободно конвертируемой валюте размещаются в банках за границей.

Наши "князья" участвуют в крупном международном бизнесе в семье банков мира. Нам же оплачивают не деньгами, а так называемыми "рублями" — талонами на минимальное выживание, не имеющими свободного хождения в мире. Вот и вся суть. Предприятия же "зациклены" на суррогате, так называемых "инвалютных рублях", с помощью которых их также держат в узде и грабят под видом экспортной торговли. Так же, как и страны Африки, мы жестко привязаны к колеснице финансовых воротил (метрополий) мира и не имеем свободы собственной валюты.

Вывод. "Серая экономика" СССР — это неконтролируемая система производства и товарно-денежных отношений, позволяющая использовать народные средства производства и рабочую силу как частную собственность отдельной группы (элиты) с целью извлечения и присвоения прибавочной стоимости (прибыли). При

этом дельцы не вкладывают полученную прибыль в средства производства (технология в России чуть ли не Петра I), а все переводится за рубеж и служит основой модернизации Запада и источником спекулятивных финансовых махинаций ТНК. Индустриальная новая революция Запада и повышение объемов потребительского спроса его населения — это и результат нещадной эксплуатации России, ее недр, ее населения в качестве дешевой рабочей силы.

Новым элементом в праве собственности финансового мира является не только вещное право, но и право на обязательства, распоряжения, правомочия отношений предприятий с клиентурой. То есть, по существу, сегодня банкам мира не обязательно "захватывать" предприятия и землю России, а достаточно "перекупить" право на распоряжение, исполнение, владение, т. е. право на управление и право на доход. Если раньше в Россию с целью захвата вторгались армии Наполеона, Вильгельма, Гитлера, вели кровавые бои, то теперь захват идет мирно, под звон бокалов с шампанским в отелях и ресторанах Рима, Парижа, Лондона, Москвы. Кто наш истинный хозяин, перекупивший нас с потрохами, имеющий право на управление Россией, мы не узнаем: коммерческая тайна свято охраняется банками. В этом секрет их живучести.

Но корень существующего положения кроется еще глубже. Если взять Закон об иностранных инвестициях 1990 года или республиканское постановление Совмина "Об акционерных обществах" от 30 ноября 1990 года, или знаменито нашумевшие Законы РСФСР о земле и фермерском хозяйстве от 23 ноября 1990 года, — они имеют самое непосредственное отношение к великим тайнам международной банковской системы.

Суть их — заложить русскую землю в международную ипотеку (в залог), под долги правительства и банков. А так как в Союзе, кроме пустых полок магазинов да давно проданного сырья, заложить больше нечего, то в ход идет последнее достояние — земля русского народа.

В постановлении Совмина России сказано, что "вкладом" в акционерное общество может служить... "право пользования землей"! Имеешь право пользоваться землей — закладывай его в банк, даже не будучи частным собственником земли. Колхозы, совхозы, фермеры, кооперативы, предприятия, Советы — все могут откупиться землей за "грехи", а заодно и чужие.

Закон, принятый на II Съезде народных депутатов РСФСР, о запрете продажи земли сроком до 10 лет обойден с тыла. Любое предприятие, физическое лицо имеет право продавать вроде бы не землю, а акции на право пользования землей, что в принципе одно и то же. Уже сейчас (по данным зарубежных средств массовой информации) создаются "фонды" по скупке и продаже акций на землю России. Земельный бизнес оценивается в 40 триллионов и считается самым выгодным. Не случайно лидерам России так сладко поют романсы от Рима до Лондона (см. печать). Банки и "фонды" набрасывают прочную петлю на горло российской деревни и русского крестьянства.

В Союзе уже 300 частных и получастных коммерческих банков. Все они тесно сплетены с коммерческими частными банками Запада, с гигантами банковской сети типа "Оффшор". Кто их хозяева? Вот маленький факт. Например, "Соглашение об учреждении Фонда экономической реформы России — "Возрождение": "В целях осуществления радикальной экономической реформы и создания нового экономического пространства (!) в РСФСР... Высший экономический Совет РСФСР (М. А. Бочаров), Московский горсовет народных депутатов (Г. Х. Попов), Ленинградский горсовет народных депутатов (А. А. Собчак), Министерство печати и массовой информации РСФСР (М. Н. Полторанин), фонд Эйзенхауэра США (С. Эйзенхауэр) договорились создать совместный фонд". Чем занимается "Фонд" — "внедрением механизмов... финансово-валютной системы", "обучением предпринимательской деятельности", "приглашением зарубежных предприятий и иностранных граждан" (п. 4), а также "привлекает и создает в РСФСР и за рубежом фонды, предприятия, организации, институты (!), кредитные учреждения и средства массовой информации". Но, как сказал философ, "делать, так делать по-большому", — в ст. 6 Устава Фонда вписано: "Осуществлять иную деятельность, необходимую для достижения целей Фонда". А какую? — Не имеет значения. Тем более, что в ст. 10 Устава указано: "Фонд непосредственно вступает в отношения с центральными органами власти и госуправления РСФСР".

М. А. Бочаров как учредитель "Фонда" вступает "непосредственно" в отношения с председателем Высшего экономического Совета России М. А. Бочаровым. Никаких проблем!

И в заключение. Мало кто знает, что нет уже в мире свободных финансовых отношений, которые существовали ранее. Международный рынок объединяет все национальные рынки валют, определяет систему перелива капиталов, взаимодействие процессов ценообразования. Единство валютного рынка как рынка ссудных капиталов связано таким "цементом", как деньги, имеющие способность приносить проценты. Десять ведущих банков мира по соглашению от декабря 1975 года ("Базельский конкордат") вправе по политическим причинам накладывать аресты на валютные средства того или иного государства. Например, в 1980-х годах "арестовывали" счета Ирана, Ливии, Ирака; до 1986 года были частично "арестованы" русские счета в Лондоне.

Не случайно сегодня правительство Союза, как шаловливый мальчишка, вынужденный брать у "родителей" деньги на "мороженое", берет 2—3 миллиарда, а затем строгий "папа" отчитывает его за непослушание. В роли такого "папы" выступает Госбанк СССР, предложивший выделить для контроля займов "лицензии" Госбанка СССР правительству Союза ("Деньги и кредит", № 9, 1990, с. 19—20). А кто же будет выдавать лицензии самим банкам Союза и республик? С тем, чтобы великие тайны нашей коммерции были "на слуху"? Может быть, действительно настанет тогда золотое время, когда по воле народа совфинансы в России запоют романсы?

Вывод. Для выхода из тупика можно предложить: 1. Передать контроль над финансовой системой страны рабочим коллективам, как в 1929 году, создав рабоче-крестьянскую независимую инспекцию — РКИ; 2. Провести денежную реформу 1:1 с предоставлением деклараций на все основные и оборотные средства как в СССР, так и размещенные за рубежом; 3. Стабилизировать рубль, перевести его на свободную конвертируемость на основе свободной конкуренции товаропроизводителей России. Установить, чтобы сырье, энергия и продукция предприятий обеспечивали в первую очередь благосостояние населения России.

КАК НАС ГРАБЯТ ЦЕНАМИ

В чем корень одурачивания нас ценами?

Ответ: в поставленной задаче снизить уровень потребительской "корзины" советского человека, не дать ему "ухватить зубами корку хлеба больше его рта". Кем поставлена задача? Интернациональной мафией. Почему? Потому, что к 2000 году в мире ожидается продовольственный и энергетический кризис (см. доклад ООН № А (43) 19 от 26 мая 1988 года). Как его избежать? Мафия считает, что необходимо насытить потребительский рынок стран Запада и отдельных стран Востока (всего около 2 млрд. населения) за счет искусственного сокращения потребления жителей Восточной Европы, СССР, Китая, Индии, Африки и Латинской Америки. Почему столь ответственная задача возлагается на интермафию? Потому что, по данным Комитета ООН по борьбе с преступностью, 2/3 валового национального продукта всех стран мира, взятых вместе, принадлежит интернациональным "спрутам" (Доклад ООН № 57 от 16 февраля 1990 года). Не случайно в известном итальянском фильме "Спрут-4" один из крестных отцов "Коза ностры" полушутя сказал: "Я бы мог скупить всю Европу..." У интернациональной мафии собственные империи, армии, президенты в качестве покорных слуг, генералы в роли лакеев, крупные предприятия, международные рынки, банки. На них работают отборные политики. Так сказано в документах ООН. Не случайно французы говорят: "Кто платит деньги — тот заказывает музыку". Уже и наше всесоюзное "Время" — не время, а "Оливетти", уже и Дальний Восток не восток, "свободная экономическая зона" транснациональных корпораций, уже ГУМ не универмаг на Красной площади, а некое акционерное предприятие под опекой зампредсовета С. Станкевича. Даже бывший министр финансов СССР, а ныне уважаемый премьер-министр Валентин Павлов вроде бы и не премьер, а президент Международного "Фонда реформ", которому по постановлению Совмина СССР № 960 от декабря 1990 года предоставлено беспрепятственное право "получения централизованных материальных ресурсов в СССР" с освобождением "от всех налогов, государственных и таможенных пошлин" при вывозе их за границу или реализации в СССР.

Главный и основной секрет ценообразования — в сущности искусственного рубля, который не является деньгами, а служит талоном для минимального выживания.

Так называемая его "неконвертируемость" введена по сговору интернационализированной мафии с угодными им правительствами в 20-х годах XX века (почти все страны Азии, Африки, Латинской Америки). Сразу поставили "железный занавес" между странами с населением "основного потребления", "основным населением мира" и "вспомогательным населением". К основному населению с конвертируемой (свободно обращаемой) валютой отнесли страны Северной Америки и Западной Европы (с 1956 года в их состав вошла Япония).

Россияне — "местные жители запретных зон" — стали приравниваться к проституткам и преступникам. Вспомните, как свободно выезжали и въезжали из России и в нее русские мужики, интеллигенты, куда и как хотели, до 1917 года при так называемом "кровавом" царе Николае II. И никто не слышал о какой-то "неконвертируе-

мости" — деньги обменивались по текущему курсу свободного рынка. Сейчас кричат на каждом углу о так называемом "рынке", но никто не задумывается, что при неравных возможностях между основным и вспомогательным населением мира — это блеф.

Тот факт, что наши Минфин, Госбанк и Внешэкономбанк не хранят настоящие деньги — твердую валюту "в натуре" на своих счетах в России, а обязаны хранить ее в сейфах зарубежных банков (что и делается — см. расчетный баланс Госбанка СССР для служебного пользования), свидетельствует об этом. Наш труд, накопленный десятилетиями, перекачивается в банки Запада и служит основой модернизации благосостояния экономики Запада. Простой пример. Если бы на вас работали миллионы негров Африки и обеспечивали вам сытую жизнь, то вы разве сильно кричали бы о правах этих "человеков"?! Кто у нас ночами не спит и думает о чукчах, ненцах Севера? А ведь они вымирают по нашей вине, по вине нашей цивилизации... А золото, алмазы, газ, нефть, уран, пушнину из их земли мы гоним регулярно на Запад...Так и с нами, русскими, обращаются люди "основного населения" Запада.

Сколько словес развешано на уши об оптовых, розничных, коммерческих, закупочных и прочих ценах. Но никто не задался простым вопросом: зачем они существуют? На цивилизованном рынке есть одна цена — цена спроса и предложения. А у нас ценовые клетки разной формации, в зависимости от того, кто к какой категории потребителя относится. У нас десять категорий пайков на выживаемость в пределах единого куска мирового пирога, отрезанного России по лимитам мирового сырьевого фонда. В пределах лимита — делитесь, размножайтесь, а вне пределов — ни-ни!

Покажем "механику" приготовления "колбас" и "окороков". Для этого используется печатный станок с целью наводнить страну новыми массами бумажных денег, не имеющих никакого товарного покрытия. Цены катастрофически ползут вверх, а деньги теряют свой экономический смысл: за них уже ничего не купишь (если нет в кармане миллионов!). Люди теряют заинтересованность в труде, а как следствие — сокращение производства, безработица, сужение потребительского рынка. Статьи бюджета, касающиеся социальных программ: пенсии, пособия, здравоохранение, образование, наука, культура, спорт, жилье и т. д. — катятся по нулям к современным ценам, то есть исчезают основы нормального существования общества в целом и человека в отдельности. А если совместить сокращение производства, товаров, безработицу с самоуничтожением социальных программ защиты человека, то вывод однозначен — планируется массовое сокращение населения в России. И так чисто делается, что комар носа не подточит, без всяких атомных бомб и лучевого оружия. Уже сейчас "положение с детьми и молодежью" таково: из 100 миллионов в возрасте до 24 лет примерно 60 миллионов — ослабленных.., а из рожденных в начале 80-х годов вполне здоровых ребят насчитывается не более 25 процентов. Демографические пропорции среди детей через одно-два десятилетия становятся пропорциями всего населения (данные института социологии АН СССР, отдел демографии, проф. Л. Рыбаковский).

Вывод: через 20 лет в России станет 80 процентов дебилов и больных, которые вымрут, как мамонты, в условиях "рыночной экономики" и искусственно создаваемых цен. Россия, как некогда Америка, широко откроет свои двери для "пионеров-переселенцев" — новых ковбоев Запада и Востока. Где сейчас следы бывших гордых сынов племен Америки — ацтеков, майя, "сынов солнца" в Перу и т. д.? Новым ковбоям России наша история будет не нужна..

Искусственное сокращение населения России может довершить планируемая гражданская бойня, как в XVI веке в Южной и Центральной Америке, как в 1917—1921 гг. в России. Варианты, очевидно, опробованы, апробированы финансистами мира. Мало кто знает, что российские лидеры 17-го года, возглавлявшие разные партии, по существу вышли из одного "бункера", но под знамена войны гнали россиян лоб в лоб — 20 миллионов загубленных жизней! Чей же этот "бункер" сегодня, из которого вышли современные лидеры так называемых "враждебных партий"?

Если посмотреть нашу печать, то создается впечатление, что самые обеспеченные сегодня люди — это сироты, пенсионеры и инвалиды. Кто только не работает на них: Советы, КПСС, профсоюзы, совместные предприятия, зарубежные фирмы, правительство в целом и Минфин в частности. Что бы ни продавали за рубеж (от зубочисток до танков), обязательно в нормативном акте, уставе, соглашении и т. п. ссылка о том, что якобы прибыль идет в помощь обездоленным.

Очевидно, что в скором времени и саму Красную площадь вместе с Кремлем продадим на Запад "в помощь пенсионерам и инвалидам". И им

же все мало!!! Вот кто виноват в нашей инфляции и кризисе товаров, росте цен.

В последнее время правительство, также озабоченное, думаю, судьбами нищих и калек ограбленной России, спешно издало постановление о взыскании с фондов заработной платы всех рабочих и служащих от 26 процентов (Союз) до 36 процентов (Россия) для помощи вышеназванным бедолагам. Минфин СССР выступил также с ценной инициативой заморозить 50 процентов всех банковских активов предприятий Союза и оказать помощь сиротам (сколько таких "сирот" просиживают сейчас штаны в лучших ресторанах Рима и Парижа, а затем, возвратясь в Союз и даже не вытерев салфеткой жирные губы от "сиротской" французской пищи, вещают нам с полос газет и экранов ТВ о том, как мы плохо живем, потому что якобы плохо работаем). Например, один из членов правительства, выступая как-то на сессии Верховного Совета, сказал не в бровь, а в глаз, что инфляция денег оттого, что "переплачиваем зарплату рабочим и служащим". Вот где, по его мнению, "зарыта собака".

Внесем две поправочки. Во-первых, собака зарыта не там — рабочим не хватает зарплаты на нищенский паек по новым бешеным ценам так называемого "рынка"; а во-вторых, "собака" эта совсем не зарыта. Она спокойно бегает с жирной мордой от Москвы до Парижа, и даже пользуясь для пропитания особыми банковскими счетами "Д", позволяющими без всякой декларации менять рубли на доллары или доллары на рубли. И никаких законов о въезде и выезде ей не требуется. По условиям Хельсинкских соглашений от 1975 года, если у этой собаки есть дальние родственники в тридесятом колене в хвосте за границей, то она имеет право беспрепятственно вояжировать "туда и сюда". А так как у рядового советского гражданина таких родственников, к сожалению, как у этой собаки, нет, то он является, по законам Запада об эмиграции, "местным жителем запретной для въезда зоны". Уже принят Закон о гражданстве СССР, где таким "собакам" разрешено иметь двойное гражданство: СССР, Израиля, США, Франции и т. д. Такие двойные граждане могут теперь свободно создавать СП — смешанные предприятия якобы от имени "иностранцев", а по существу, перекачивая свои капиталы из одной страны в другую, а сырье СССР — на Запад.

Создается впечатление, что наступили самые счастливые времена на белом свете. Средства массовой информации изо дня в день вдалбливают нам в голову, что и "демократы" с одной стороны, и "консерваторы" с противоположной трудятся, не покладая рук, на благо простого человека.

Дабы не только нам было не смешно, но и "актерам" не пришлось смеяться над тем, как они нас дурят, расскажем по секрету всему свету о тайнах законотворческой кухни.

Как-то промелькнуло сообщение, что в среднем в сутки эмиссия денег в СССР достигает 70 млн. рублей. "Органами КГБ были вскрыты крупнейшие спекулятивные сделки с советской валютой. Только один Челябинский кооператив "Эхо" под чутким руководством главного экономиста России Г. И. Фильшина продал 140 млрд. рублей за 7 млрд. 756 млн. долларов.

Более того, никто не ведает, куда уплывут конфискованные 23—25 января 1991 года по указу Президента 50- и 100-рублевые купюры. Если учесть, что они гарантированы золотом и активом (сырьем) СССР, то надо быть дураком, чтобы через них не завладеть основой жизнеспособности населения России.

База подготовлена. Постановлением СМ СССР № 1253 от 8 декабря 1990 года решено увеличить экспорт сырья (и полуфабрикатов из него) в 2,5 раза. Постановлением ВС РСФСР от 22 декабря 1990 года разрешено местным Советам взимать дополнительно новые налоги, сборы, пошлины (это для кормежки). С 1 января 1991 года запрещены бартерные сделки предприятий, кроме (вдумайтесь) СП — совместных предприятий, инофирм, предприятий сырьевой базы, сделок Минторга, Центросоюза, Госснаба... Любому "частнику" — шлагбаум! "Серой экономике" центров — зеленый свет!

И никто не догадывается, что еще в апреле 1990 года в Бонне принято международное решение о поднятии цен на сырье, товары и энергию в СССР на уровень мировых. Но суть-то в том, что цена рубля искусственно выхолощена, и получается 1 доллар равен 20 рублям. И если одна тонна нефти будет стоить 300 долларов (см. "Коммерсант" № 3, 1991 г., с. 13) в условиях войны в Персидском заливе, то в рублях это 300 х 20 = 6000 рублей (в 1989 г. — 35 руб.). И никто не обмолвится ни словечком, что на Западе в таких случаях (и у нас при нэпе) автоматически растут цены на живой труд. К примеру, 300 рублей в месяц умножить на 20 — получается 6000 рублей. У всякой палки два конца: если тебя бьют одним концом (цены на сырье и товары), то другим ты бьешь работодателя (цены на живой труд). Все равны. А у нас — сиди топчись с палкой с одним концом да еще с подвешенной гирей на ней! Наши "отцы-благодетели" не заинтересованы продавать сырье и энергию внутри страны, наши деньги не имеют цены, неконвертируемы. Чтобы придать им цену, нужно срочно перекры-

вать границы, вводить таможенную войну, оторваться от доллара, объявив его недееспособным на территории СССР, в соврубли за рубежом — не имеющими юридической силы. Либо другой путь — свободной конвертируемости и свободы рыночного движения капиталов, товаров, рабочей силы из страны в страну. Но первый путь — удар по "серой экономике" и компрадорской совбуржуазии, второй путь — это удар по "основному населению" Запада, когда их "кусок с маслом" придется делить с изголодавшимися русскими мужиками. А там и китайцы на подхвате! Да кто же позволит такое?

Сквозь цены можно, как в микроскоп, видеть любые тайны и политику. Если взять статистику России 1913 года, то при среднем заработке рабочего 120 рублей в месяц (инженер до тысячи и выше) хлеб стоил 6 коп. за 1 кг, мясо (телятина) — 40 коп., баранина — 14 коп., масло — 1 руб. 22 коп., сахар — 29 коп., водка царская — 30 коп. пол-литра, коньяк — 1 руб. 20 коп. пол-литра, сапоги хромовые — 7 руб. пара.

Сравните наши сегодняшние цены и среднюю зарплату и сами делайте выводы о политике (см. архивы России).

Корень наших бешеных цен и нищенской зарплаты кроется не только в разнице розничных цен между СССР и Западом и уровня зарплаты (у нас 5—7 процентов, у них — 70 процентов от чистой прибыли), но и в политике внешнеторгового оборота.

В. И. Ленин в работе "О монополии внешней торговли. Товарищу Сталину для Пленума ЦК" от 13 декабря 1922 года (т. 45, с. 333—337) писал, что при разнице цен на лен в России и Англии (4 руб. 50 коп. и 14 руб.) "ничто не удержит экспортеров, и они мобилизуют вокруг себя все крестьянство". В другом письме Сталину от 18 октября В. И. Ленин отмечал: "Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгодной сделки?" (т. 45, с. 220), "все крестьянство, которое будет защищать себя и воевать с властью, пытающейся отнять собственную его выгоду" (т. 45, с. 221). Выход — монополия внешней торговли, а не таможенный закон, как сейчас.

В этом и кроется корень нашего развала, разбалансированности рынка, рост теневой экономики, сращивание советских и зарубежных "спрутов". Постановлениями Совмина СССР № 992 от 16 августа 1986 года и последующими от 13 сентября 1987 года, от 2 декабря 1988 года, от 13 мая 1989 года (№ 826), от 26 июня 1989 года (№ 505) и другими была отменена монополия внешней торговли. Началась невиданная спекуляция, и не было "никакой силы" (по Ленину), которая могла бы удержать торговцев от выгодных сделок. Россия превратилась в огромный бартер.

Но это еще не все. В секретных инструкциях Минфина и Госбанка (В. Павлов и В. Геращенко) разрешалось В/О "Союзкоопвнешторг" Центросоюза СССР гнать товары за рубеж "за счет выделенных этим союзом рыночных фондов". В постановлении СМ СССР (Н. Рыжков) № 888 от июля 1988 года разрешалось продавать товары (отнятые у населения) и через посредников (кооперативы) с "оплатой накладных расходов за границей в инвалюте и выплатой комиссионных".

Так, по данным немецкой печати ("Панорама" № 9, 1990 год), только в 1989 году импорт из СССР в ФРГ составил: 20 процентов — промсырье, 67 процентов — полуфабрикаты из сырья, 10 процентов — готовая продукция, 1,2 процента — продовольствие. Основной товар: нефть, топливо, смазочные масла, газ, никель, золото, медь, лесоматериалы.

А вот данные нашей печати: на территории СССР действуют активно 400 СП. Экспорт их продукции состоит из двух частей: 20—25 процентов — это готовые изделия, произведенные руками наших рабочих из нашего сырья, а 65 процентов — сырье и полуфабрикаты в чистом виде.

Все страны от Рейна до Амазонки жирно питались соками России благодаря усердию наших СМ, Минфина, Госбанка. "Прибыль" в долларах (или рублях) делилась "по-братски". Вот документ: письмо Госкомцен СССР № 01-17/1733-09 "О ценообразовании" от 1 сентября 1989 года. В нем сказано: налог с бартерных сделок должен быть не меньше, чем с оборота. Так, если вы продали две тонны нефти за 60 рублей (по старым ценам), а за немецкий видеомагнитофон уплатили 100 долларов (60 руб.), то в бюджет обязаны уплатить разницу между ценой внешней и внутренней: 3000 руб. - 60 руб. = 2940 руб. (Бюллетень валютно-финансовой информации, II кв., 1990 г.). Затем передаете этот "видик" совторговле, которая выплачивает разницу между рыночной стоимостью валют: 100 долл. х 20 = 2000 руб. плюс ваш налог 2940 руб. Итого 4940 руб. Госторговля прибавляет 25 процентов владельцу "видео" на "навар" — 1560 руб. Итого стоимость товара уже равна 6500 рублям. А затем совторговля берет уже свой "навар" при продаже населению по комиссионным, коммерческим или аукционным ценам. Покупатель, таким образом, выплачивает все "навары" перевозчика, Минфи-

на и продавца.

В сплетении "братских рук" Москвы, Рима, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Токио уже теряет силы российский человек. Дикий дефицит, масса неотоваренных денег, спекуляция, неконвертируемость рубля, низкие зарплаты, обесценивание накоплений — все это следствие колониального статуса России, проданной сырьевой базы Западу.

Но есть силы вырваться из этого круга. И силы эти в том, чтобы России, как античному Антею, припасть к запасам родной земли, насытиться ее сырьем и энергией. И тогда отощавшие без сырья нахлебники попробуют вызвать новый "шторм" в прериях России, как ныне в Персидском заливе... Но выбора нет: Либо вымирание россиян, либо свобода народа. Третьего не дано.

АКЦИЯ "ПРИВАТИЗАЦИЯ"

Таково может быть название операции по захвату России. В отличие от операции "третьего рейха" Гитлера "Барбаросса" или сегодняшней операции США "Буря в пустыне" в Персидском заливе акция "приватизация" осуществляется без применения огнестрельного оружия и бомб.

Это самая хитропродуманная и самая эффективная мера по оккупации чужой территории. Как и в Персидском заливе, в операции "приватизация" участвуют интернациональные силы. Конечной целью ее является полный контроль над сырьем и энергией (естественные и природные богатства и ресурсы) России.

В статье "Кризис в энергетике" ("Известия", № 30, 1991 г.) вице-президент Международного энергетического клуба академик А. Шейндлин пишет: "...Положение наше кризисное... нужно понять, что без программы кризисных мер, реализуемых в течение нескольких ближайших месяцев и лет, нормальная жизнь страны будет невозможна". Суть в том, по его мнению, что в условиях старых технологий по добыче нефти, газа, угля, ядерной энергетики и гидроэнергетики катастрофически падает объем добываемых энергоресурсов. В этой связи начнет сокращаться фонд потребления населением продовольствия, уменьшится ввод жилплощади, сократится производство товаров длительного пользования, выйдут из строя отопительные и осветительные системы городов, замрет рабочий ритм в заводских корпусах, — словом, начнется массовое вымирание российского населения. Выход — немедленный крик о помощи к странам Запада.

Картина, обрисованная академиком, справедлива. Но невольно напрашивается вопрос, оставляемый за ширмой статьи: кто довел Россию до такого дикого состояния? Россию, в которой, по данным сырьевого комитета ООН, находится более 60 процентов всех мировых запасов энергии и сырья? Почему десятилетиями мы работали на устаревшем оборудовании, почему довели трубопроводы до развалюхи, а недра нещадно грабили и увозили на Запад? А валюту, полученную за "кровь" и "мясо" русской земли, перекачивали в западные банки? Кто сытно ел и сладко пил все эти 70 лет совласти? Административно-командная система? Но всякому ясно, что система — это лишь здание, а здание строят люди-каменщики, а над людьми есть хозяин, финансирующий стройку. Таким хозяином является мировая валютно-финансовая элита. Еще в 1981 году известный юрист-международник г-н Беджауи (Алжир) говорил на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что "...недавно заговорили о приватизации и перестройке, но никто не задумывается о том, откуда корни растут... Перестройка структуры мирового промышленного производства — программа ТНК... Мировая валютно-финансовая элита уничтожает все, что мы создаем своим трудом, а "наша" отсталость — порождение организованной ею системы угнетения и эксплуатации двух третей всего человечества..."

Но мы не уясним сущности акции "приватизации", если не вскроем корни прошлого и нынешнего правового статуса России. На наш взгляд, знаменитый фантаст Герберт Уэллс в книге "Россия во мгле", изданной в 1920 году, невольно вскрыл тайные пласты, легшие затем в основание так называемой "административно-командной системы" управления Россией. Уэллс пугал революционный разлив России, он искал путь обуздания стихии. Вот что он писал после своей поездки в Россию в 1919 году по приглашению Каменева, Зиновьева, Троцкого: "Крушение цивилизации в России и замена ее крестьянским варварством на долгие годы отрежут Европу от богатых недр России, от ее сырья, зерна, льна и т. п. Страны Запада вряд ли могут обойтись без этих товаров. Отсутствие их неизбежно приведет к обнищанию Западной Европы".

Единственное правительство, которое спасет Европу, заключил Уэллс, это большевистское правительство. "При условии, что Америка и западные державы окажут ей помощь". И дальше фантаст излагает планы такого "спасения Рос-

сии". Создать международный трест, "по своей общей структуре он должен походить на...крупный закупочно-распределительный трест". Если, считал Уэллс, не создать такой международный союз по обузданию России, то вслед за Россией рухнет Западная Европа, и вновь замаячит с "копьем в руке" всадник из Азии (новый Чингисхан).

Сегодня мы убедились, что именно "международный трест" взял в свои руки судьбу России с 1921 года (НЭП). И не потому, конечно, что радел о ее "варварском крестьянстве" (которое с его помощью было ликвидировано в 1929—1932 годах), а потому что без "богатых недр России" Западу грозила катастрофа, потому что без "российского буфера" Запад мог столкнуться с Азией лоб в лоб из-за нехватки сырья и энергии.

В этом вся суть современной "перестройки", как и в 1921 году, когда лозунги большевизма были выброшены на свалку самими же ее проводниками. Сегодня "всемирный трест", "международный торгово-закупочный кооператив" ставят три цели перед собой: 1) обеспечить российским сырьем Запад, 2) использовать рабсилу России для обработки сырья; 3) сделать Россию переходным окопом будущего фронта между Европой и Азией.

С целью перехода на совершенствование добычи ископаемых, в которых нуждается Запад, в условиях опасения, что разбалансированность советского рынка приведет к внутреннему "разбазариванию" ресурсов, вводятся новые формы сотрудничества. Одной из таких форм является **л и з и н г о в а я ф о р м а к р е д и т а**.

Лизинговая форма — это оформление специальным договором аренды на длительный срок машин, оборудования, различных товаров для использования их в производственных целях. Западные фирмы остаются собственниками оборудования до конца действия договора (до 30 лет). А затем арендатор может выкупить его по остаточной стоимости. В случае, если арендатор не выполняет условия договора или не вносит в срок платежи за аренду, то оборудование возвращается владельцу. Убытки, принесенные владельцу, погашаются продукцией предприятия или золотом. Например, ФРГ или США поставляют нам оборудование для нефтяных и газовых месторождений, мы обязуемся ежегодно выдавать им 50 процентов добытого для оплаты стоимости оборудования, плюс 15 процентов за технологическое обслуживание, плюс еще один процент за выданные ссуды по монтажу оборудования, плюс еще...

Но в чем же кроется подспудная хитрость подобных сделок? В том, что задолженность по таким сделкам не считается внешним долгом самого государства. Здесь очень-очень тонкий ход хитроумных фарисеев. В соответствии со ст. 34 Закона "О предприятиях в СССР" предприятие несет полную имущественную ответственность, а государство как собственник юридического лица не отвечает по обязательствам созданных им юридических лиц" (ст. 3, п. 2 Закона "О собственности в РСФСР"). Предприятие остается один на один с громадой международно-финансовой крепости. Ни о каком равенстве сделки и речи быть не может. Правительству СССР по лизинговой сделке отводится роль надсмотрщика. Оно обязано контролировать выполнение сделки предприятием, не отвечая ни по каким его обязательствам. Оно имеет право накладывать штрафные санкции, налоговые обложения, по арбитражу или суду защищать права инвестора (кредитора). А если учесть, что валютную выручку оно отбирает у предприятия (на долги Президенту 40 процентов, на долги республик 30 процентов, на кормление местных Советов и ведомств 10 процентов), оставляя предприятию только "право на получение валюты" у Внешэкономбанка (у которого и ржавого гвоздя не выпросишь!), то понятно, по какому пути пойдет акция "приватизации" предприятий.

Опутанные долгами обработчики сырья на госпредприятиях, использующие европейские машины и оборудование, станут потомственными "фабричными" МВФ.

Акция "приватизация" — не выдумка. Она подтверждается законодательством Союза и РСФСР. 21 января 1991 года постановлением СМ РСФСР № 5 утверждено "Положение о государственном комитете РСФСР по управлению государственным имуществом (ГКИ)", которому предоставлено право определять приватизации. Комитет является составной частью концерна "Русикон" (председатель И. Силаев, он же и предсовмина РСФСР). В концерн входят "неправительственные организации" (!) Минфин РСФСР, ассоциация московских вузов, СП "Интернациональная идея" с участием зарубежных банков. На пятки концерну наступает международный "Фонд реформ" и консорциум "Деловой мир" (президент и председатель В. Павлов — он же премьер-министр СССР) с участием зарубежной фирмы "Максвелл".

По Закону "О Госбанке СССР" "Союз не несет ответственности по обязательствам Госбанка" (ст. 3, п. 2), то есть Госбанк выступает как независимое юридическое лицо, как бы государство в

государстве, в целях "создания единого рынка СССР и его интеграции в мировую экономику" (ст. 4, "г"). Логически выходит, что государство вне рынка, а рынок России принадлежит Госбанку, который его "вписывает в мировую интеграцию". По тогда и жители "рынка", то есть мы с вами, также автоматически интегрируемся Госбанком в "мировую экономику". Как же совместить понятия "гражданин СССР" и "гражданин Госбанка"? Или душу — государству, а тело — банку?

Вот здесь и раскрывается вся тонкость замысла акции "приватизация". Государство, как стыдливая девица, должно стоять в стороне — "моя хата с краю, я ничего не знаю", а Госбанк, Минфин, концерны и тресты набрасывают лизинговую петлю на энергетические и сырьевые ресурсы и предприятия России! — и завязывают тугим узлом.

В проекте Закона о приватизации объектов госсобственности в РСФСР опларанивает широта постановки проблемы: приватизируются, то есть переходят в частную собственность, все "предприятия, организации, объединения, цехи, комплексы производственных фондов и другие ценности СССР" (ст. 4, п. 2 — "Деловой мир", № 13, с. 4-6), а также земли и нежилой фонд СССР "иными актами" (ст. 2). В результате приватизации, сказано в ст. 2, п. 3, "государство утрачивает права владения, распоряжения и пользования объектами государственной собственности". В Законе четко оговорено, что основанием для выкупа объектов государства являются "личные сбережения, средства юридических лиц, заемные средства, ценные бумаги..." (ст. 6). Продавцами являются... "Комитет РСФСР и его органы по управлению госимуществом: специальные уполномоченные и их посредники" (ст. 7, п. 2), то есть тот самый комитет, который находится, как сказано выше, под пятой международного концерна "Русикон" в обнимку с неведомой компанией "Международная идея".

Но все высказанное в проекте Закона о приватизации в РСФСР — мелочь, если смотреть вглубь. Контуры предстоящей акции "приватизация" иные, чем думают наши "теневики" и "предприниматели". Но для них трудятся умные головы в коридорах Международного валютного фонда или кулуарах штабов транснациональных корпораций. Прямо говоря, не нужен Западу ни русский купец, ни фабрикант, как в 1917—1921 годах. Вся соль в другом. Если посмотреть ст. 3 Закона о приватизации, где говорится о монополии государства на сырье и энергию, и сравнить ее с новым Законом "Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР" от 10 декабря 1990 года, а также с положениями Законов о предприятиях в СССР, РСФСР, Законами РСФСР и СССР о земле и землепользовании, то и строгий порядок встанет "интернациональная идея": 1) через существующие государственные структуры, 2) через устоявшуюся монополию государственных органов на природные и естественные богатства и ресурсы приватизировать сырье и энергию России, оторвав их от русского государства, но привязать лизинговыми соглашениями к Западу. В условиях же разграбленной страны, без сырья, энергии заглохнут на корню все "предприниматели" России.

Вот о чем беспокоился Г. Уэллс в 1919 году и вот какую судьбу он прочитал "на восточной стене Европы" (Г. Уэллс, "Россия во мгле". М., 1958, с. 83).

Даниил Скобцов

Три года революции и гражданской войны на Кубани*

В станице Мечетинской мы оказались на таком перекрестке, где уже не слышно ружейной и пулеметной стрельбы, а отдаленный пушечный гул доносился не каждое утро.

У добровольцев и у нас, кубанцев, естественно, явилось стремление прежде всего информироваться, что происходит на белом свете.

У добровольцев к этому было больше средств и возможностей, им легче организовать посылку нарочных. У них еще и одно данное, которое составляло их силу и их слабость. Это прежде всего имена виднейших генералов былой русской армии — Алексеев, наследник Корнилова генерал Деникин, Марков и др. А потом: армия — носительница национальной идеи. Цель ее — общероссийское оздоровление и все это подновленное и подтвержденное выпущенной генералом Деникиным декларацией (в станице Успенской), засвидетельствовавшей, что будущий государственный строй в России может быть установлен только Всероссийским Учредительным Собранием.

К армии тянулись разные элементы.

На улицах в станице Мечетинской, уже в первые дни по нашему туда прибытии, я встретил одного знакомого из деятелей либерального сектора российской общественности, прибывшего в составе делегации города Ростова к командованию Добровольческой армии.

Делегация была составлена очень широко и включала известные имена. Сообщения и настроения подобных делегаций, конечно, могли давать обильную пищу для умозаключений о происходящем за фронтовой линией армии.

...В помещении правления станицы Мечетинской собрались на общее заседание генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков и другие. Со стороны кубанцев — атаман Филимонов, члены правительства и Рады.

Генерал Алексеев в качестве верховного руководителя Добровольческой армии сделал подробный доклад о политическом положении России и о нашем положении в соотношении сил дружественных нам и враждебных.

— Россия продолжает оставаться во власти анархии.

— В отдельных ее центрах накапливаются антибольшевистские силы и происходит их организация.

— Немцы господствуют повсюду, куда успели прийти — на Украине, на Дону, как равно и там, где захватили влияние, в Москве, например.

Всюду стремление немцев направлено к ослаблению и расчленению России.

— Наша ориентация внешнеполитическая может быть только союзнической.

Говорилось и об общем повороте русского народа в нашу сторону — в сторону созидательного начала российской государственности.

Некоторая часть мыслей явно не договаривалась, ибо продолжительный опыт сношения с кубанцами через Быча и Савицкого приучил добровольцев не все договаривать в своих беседах с кубанцами!

Во вступительных словах при открытии собрания сквозило и другое — вы провинциалы, мы центр — начало высшее. Прямо это не говорилось, но в самом начале у генерала Алексеева вырвалось:

— Я разрешил это собрание, чтобы поставить вас в известность... и т. д.

Быч при первом же своем ответном заявлении дал на эту часть речи свою реплику:

— Мы — Рада и правительство — не предполагали, что, находясь при кубанских частях, нуждаемся в особом разрешении, чтобы собраться и поговорить о насущных делах.

— Ну, это лишь неудачное выражение... Не будем говорить о разрешении или неразрешении, — заметил Алексеев в ответ на эту реплику.

Генералы Деникин и Романовский были очень сдержанны на этом собрании. Больше того, и тот, и другой дружно зашикали на генерала Маркова, когда тот вперебивку Алексееву бросил фразу в адрес знаменитого "В И К Ж Е Ля" (Всероссийского Исполнительного Комитета Союза железнодорожников): "Их половину давно нужно было бы перевешать..."

Деникин и Романовский поспешили замять неловкость:

* Продолжение. Начало в № 4—6.

— Что такое?.. Как же это можно?

А тот свое:

— Повесить лишнего человека никогда не мешает...

...В кубанской среде, как всегда, по-разному воспринималось то, что исходило из добровольческой среды.

Черноморцы меньше боялись реакционности генералов, но больше опасались их централистических устремлений.

Мы — линейцы, наоборот, больше всего боялись реакции. Идея же единства России была и нашей руководящей идеей, добровольческая интерпретация ее тогда нас не очень пугала.

Если среди добровольческих генералов оказался бы тогда человек с большей широтой политического мышления, способный легче преодолевать шоры старой военной школы, то им не трудно было бы найти правильный тон во взаимоотношениях как с кубанцами, так и с другими кругами окраинной и внутрироссийской общественности.

У добровольческих генералов, преодолевших затруднения "ледяного похода", был значительный шанс на выдвижение на первый план:

— Вожди героев сами — герои.

Кто видел красоту их риска собственной жизнью в наиболее тяжелые моменты похода, красоту их риска под широко развевающимся полотнищем трехцветного флага, тому не нужно было бы доказывать, что в служении России они не ищут удовлетворения суетных лично житейских желаний. И само трехцветное знамя их подвигом очищалось бы от наносного пепла старой реакции и могло бы приобрести новый блеск знамени Родины, Свободы и Народоправства.

Те темные пятна, которые брызгами упали на знамя, могли бы быть поняты как неизбежное зло походной действительности.

Но... шанс не был использован.

...С путей, пройденных нами с добровольцами, стали притекать в армию не только одиночные казаки и разрозненные группы их, но и целые отряды.

Так, после нашего прихода в станицу Мечетинскую член Рады Ковган привел туда значительный отряд казаков-повстанцев. Потом сотник Павлюченко, офицер военного времени (бывший вестовой у генерала Улагая), привел отряд численностью до полкового состава.

Командование Добровольческой армии эти отряды спешило расформировать и людей обратить на пополнение своих частей или образовывало из них новые добровольческие части, как, например, конный Кубанский Корниловский полк.

...От посланца Быча П. Л. Макаренко, наконец, поступили сведения из Новочеркасска, что существует самостоятельная Украина со своим гетманом во главе, что Дон тоже хочет быть самостоятельным, но что в Киеве и Ростове — немцы.

В помещении какой-то пустующей лавчонки собрались члены Рады и правительства, чтобы обменяться мнениями по поводу этих новостей.

Возник обычный кубанский спор об общих ориентациях и о направлении действий в ближайшее время.

В результате споров в этой пустующей лавке мечетинского торговца была принята следующая резолюция (3 мая 1918 г.):

"Кубанская Законодательная Рада полагает:

I. Что первым и основным заданием Кубанского правительства должно быть, как и раньше, очищение Кубанского края от большевиков и других анархических элементов и восстановление на его территории государственного порядка.

Для этой цели необходимо продолжение героической деятельности Добровольческой армии при полном сотрудничестве Кубанского правительства с нею.

Принимая во внимание тот факт, что оздоровление и возрождение Российского государства невозможно без предварительного установления порядка на юге, Рада высказывает пожелание, чтобы Добровольческая армия совместно с кубанскими войсками приступила в первую очередь к освобождению от советской власти Кубанского края.

II. Что касается отношений с Австрией и Германией в связи с занятием немецкими войсками Ростова-на-Дону, то Рада находит, что в данный момент вооруженная борьба с центральными державами невозможна и вместе с тем полагает, что во имя свободы и независимости Кубанского края необходимо использовать все средства, чтобы избежать проникновения немецких войск на краевую территорию вопреки воле Кубанского правительства.

III. Для успешной борьбы против анархии и установления необходимых отношений с Украиной и Германией потребно полное единение с Доном и другими государственными образованиями.

IV. Для установления союзных отношений с Доном и выяснения немецкого движения, а также определения отношений с Украиной Рада полагает необходимым послать делегации в Новочер-

касск, Ростов и Киев, выдавши им соответствующие полномочия".

Новочеркасскую делегацию возглавил Быч, причем на некоторых из членов была возложена также задача производства разведки в Ростове. Особое внимание Рада уделила составу "украинской" делегации, основным стремлением было установление в ней равновесия сил. В нее назначили из черноморцев председателя Рады Н. С. Рябовола и другого видного члена "спилки" К. А. Бескровного, в противовес им из линейцев определили меня и П. М. Каплина (члена екатеринодарской группы партии ка-де), в качестве нейтральных в делегацию были избраны горец Султан-Шахим-Гирей и Г. В. Омельченко, по происхождению черноморец, но в те времена державшийся наших взглядов.

Наши испытания начались уже в Екатеринославе. Всюду немцы: надменные, нелюбезные; без их пропуска шагу нельзя ступить. Только с их разрешения можно получить комнату в гостинице, тем паче получить билет на дальнейшее следование к Киеву. При входе во всякую канцелярию вас, прежде всего, осмотрят с ног до головы, и, конечно, наши шапки и сапоги нас плохо рекомендовали.

Круто пришлось нашему "голове", человеку экспансивному и близко к сердцу принимавшему горести и унижения "нэньки Украины". А по существу, трудно было придумать другой более действенный способ, чтобы дать понять унижение национального достоинства (более достигающий своей цели), как именно поставить страну в зависимость от немецкого майора.

И еще. Австрийские немцы — а в Екатеринославе были именно они — поощряли спешную украинизацию вывесок магазинов, официальной переписки и т. д. На каждом шагу можно было наблюдать, какие карикатурные формы принимала эта внешняя украинизация!.. Разговор, например, русских евреев, начинающих "балакать" на украинской мове: — Мое вам приветанье! — приветствует такой негоциант другого, присаживаясь к нему за столик в кофейне, и оба хохочут — акцент же их "мовы" неподражаемый, именно чисто еврейский.

Словом, из Екатеринослава мы выехали с весьма притушенным даже у Бескровного и Рябовола энтузиазмом в отношении украинской "незалежности" того времени.

Киев, тогда болезненно изживая развал Юго-Западного фронта Великой войны, в то же время успел произвести несколько смен своего украинского правительства, организовавшегося то на базе федерации в пределах общероссийской государственности с правительственным "генеральным секретариатом под председательством пана Винниченко", то на базе "окремной" украинской "незалежности" (с коалиционным правительством эсера Голубовича) при реальной опасности потерять не только "незалежность", но и всякую возможность "окремного" государственного существования, когда Киевом овладел большевистский главковерх Муравьев с небольшим сравнительно отрядом воинства, а Центральная Рада — не парламент, составленный на основе выборного народного представительства, а как бы особый политический клуб общественных деятелей, самопроизвольно признавших себя полномочным коллективом для направления политики страны, — она, эта Рада, вместе со своим правительством принуждена была перебраться в Житомир, а потом в Сарны, через Коростень и т. д., где этот "Уряд" "Украинской Народной Республики" встретился с немецкими войсками, которые, согласно хроникеру местных событий того времени, "енергійно повели наступ" на Украину, отказавшись, однако, давать какие-либо объяснения своих действий этому всеукраинскому "Уряду", с делегацией которого, тем не менее, они на "мирной" конференции в Бресте только что заключили мир "без аннексий и контрибуций"... Украинский "Уряд" (правительство) лишь спустя некоторое время был уведомлен, что это его делегация на мирной конференции в Бресте пригласила ("закликала") немцев стать на оборону Украины и уведомила, что "для того, щоб скоріше вигнати розбишак (большевиков) і дати лад та порядок" своему краю, она "закликала" немецкое войско "допомогти" им в этой "работе"...

Здесь нужно отметить те основные "бажання" (желания), которые связывали украинские политики из Центральной Рады и правительства с приходом немцев.

Не однажды об этом делал заявления сам старый почетный председатель Центральной Рады, историк "Українн-Русі" М. Грушевский. Он дал пространное, но довольно путаное официальное "повідомлення".

"В немецких политических кругах, — писал он, — издавно было "бажання", чтобы Украина выделилась в самостоятельную сильную державу. Они считали это полезным для Германии. Уже во время войны немецкое правительство принималось при помощи своих инструкторов учить пленных украинцев "осведомлять их со стороны национальной", подготавливать украинские полки, которые после войны могли бы стать на оборону Украины. И это не делалось без ведома украинских политических деятелей, так как эти последние были сторонниками лишь мирного разрешения украинского вопроса в России. Сами же немцы думали, что мирно украинский вопрос не разрешится, и их мнение "оправдалось"...

Теперь украинское правительство думало "пригодить собі ті українські полки з полонених", что формировались в Германии. Оно полагало, что обойдется со своим войском да с помощью этих украинских полков и галицийских сичевых стрельцов, которых намеревалось получить из Галиции... Но так как эти расчеты не оправдались, а "наше правительство оказалось в необходимости спешить с очищением Украины от большевиков, чтобы настал лад и не пропала бы весна для работы в поле", то правительство "увидело себя обязанным принять помощь от немцев, которую те "зараз", до подписания трактата (очевидно, мирного договора в Бресте) Украине и подали... "В интересах Німеччини, щоб Україна була самостійна і сильна, і вони помогають нам для цього". Войско им самим нужно, и поэтому их полки останутся только до тех пор, "пока они будут нужны нашему правительству для очищения Украины". "Їм наказано не грабувати, не кривдити українську людність, бо німецьке правительство хоче..., щоб українська людність дивилась на німців як на своїх приятелів"...

В свою очередь председатель правительства Голубович в не менее розовых красках рисовал отношения немецкого командования и украинского правительства — "відношення співробитництва", то есть отношения сотрудничества:

"Німецьке військо як дружне" не вмешивается во внутренние "хатні справи У. Н. Р."... "Що до реквізиції хліба, худоби и інших продуктів", то немецкие войска совершают это "не для вивозу в Німеччину", а для потребностей своего походного положения, выдавая при этом "квітки", по которым будет платить украинское правительство... "Враги наши пускают лживые слухи, будто бы немцы хотят забрать с Украины весь хлеб", но согласно договору, который подписала Украинская Республика с Германией, "мы продаем немцам только лишок нашего урожая, не уменьшая потребностей нашего населения и своего сельского хозяйства.."

"В заключение могу сказать, — писал Голова Рады Народных Министров, — что, на мою думку, при нашей организованности дружные отношения с могучею немецкою державою принесут лишь пользу молодой Украинской Республике...", "поставлять її нарівні з іншими великими державами".

Наконец, 1 марта (в день рождения Тараса Шевченко) было опубликовано особое "оповещение" и от самой Центральной Рады, к слову сказать, наиболее путаное. Центральным местом в нем является тот же момент о приходе на Украину немцев: "Хотя украинское войско", верное Центральной Раде, "завзято" билось с большевиками, но, видя, что борьба затягивается и что своими силами нельзя будет скоро выгнать из Украины врагов и завести лад, а весна подходит и для работы должен быть лад и порядок, Рада постановила принять "допомогу нових замирених сусідів — Німеччини й Австрії", "чтобы с помощью их войска как можно скорее очистить наш край".

"Враги нашей воли" по этому случаю "почали лякати" (пугать) людей, что теперь "с приходом немцев на Украину — конец украинской воли и конец свободы". "А це неправда".

"Німці.. приходять як наші приятелі і помічники, на короткий час, щоб помогти нам в скрутну хвилину нашого життя" и не имеют намерения в чем-нибудь изменить "наші закони и порядки, сократить самостійность и суверенность нашей республики"..

Так, может быть, с какою-то затаенною мыслью, а может быть, с какою-то странною наивностью, веря в какую-то особую благосклонность немцев к Украине, Грушевский со своими близкими усыплял и свое, и народное внимание и ткал неразрывные тенета для народа.

А немцы, сыграв "в дружбу" с украинской делегацией на "мирной конференции" в Бресте, подписали с нею "мирный" договор "без аннексий и контрибуций", появились на Украине со своими войсками и, выгнав большевистского главковерха Муравьева, принялись наводить свой немецкий порядок на Украине.

Они разделили между собою "зоны влияния". "Австрійцям було віддано Південь України", — отмечается в книге П. Христюка. Значит, Германия удовлетворилась Севером.

В том же месяце, которым датировано оптимистическое "оповещение" Центральной Рады к громадянам Украины о "приятелях" немцах, именно уже началось "явне втручення німецького командування у внутрішні справи Республіки". Тюрьмы начали переполнять "громадянами" У. Н. Р., осужденными немецкими и австрийскими военными судами. А когда министр юстиции Ткаченко на это ответил "гострим циркуляром" к прокурорам окружных судов, указывая, что "чужі суди не мають сили в У. Н. Р.", то именно не только этот циркуляр эту "силу" потерял, но и сам Ткаченко был убран со своего поста и заменен более покладистым паном С. Шелукиным, который должен был суметь "загладити негарне враження від цього циркуляру". Немцы стали производить самочинно реквизиции хлеба и фуража, дело часто доходило до вооруженных конфликтов с населением, что кончилось общим немецким террором.

Вмешательство немцев во внутренние, даже

бытовые дела Украины дошло до издания главнокомандующим немецкими войсками фельдмаршалом Эйгорном циркуляра "с силой местного закона" об обязательных условиях весеннего засева населением своих полей, причем было указано, что местное (немецкое) земельное законодательство должно проводиться на двух языках: немецком и украинском.

25 квітня (апреля) фельдмаршал Эйгорн издал новый наказ о введении на Украине немецких военно-полевых судов. 26 квітня ночью немцы обезоружили в Киеве украинскую "синюю" дивизию. (Она составлялась из бывших в немецком плену украинских солдат). Всему положил конец немецкий майор, который ворвался в Центральную Раду с сотнею своих "озброених багнетами" (вооруженными штыками) солдат и скомандовал всем присутствующим: "Руки вверх!.." Власть Центральной Рады под руководством старого Грушевского, таким образом, кончилась.

В это как раз время в Киеве проходил съезд "украiньских хлiборобів", руководство на котором принадлежало, по словам хроникера, гг. Шемету и Донцову. По инициативе этих лиц (будто бы) съезд украинских хлеборобов "совместно с интернациональной буржуазией Украины" провозгласили генерала П. Скоропадского "гетманом всей Украины" 29 апреля 1918 года.

За короткий срок своего стояния во главе взбаламученной Украины гетман Скоропадский успел не однажды обновить свой кабинет министров.

Когда мы прибыли в Киев, то министром "закордонных справ" (иностранных дел) был пан Дорошенко, красивый брюнет, очень хорошие манеры, приятный голос, молодой русский ученый (историк). Наш Бескровный был с ним семейно знаком. Мы ходили в его министерство запросто и полагали, что в его лице мы имеем своего доброжелателя.

Председателем правительства был Лизогуб, очень скромный на вид, и в лице всегда настороженность и как будто перепуг. Военным министром был почтенный генерал русской армии, склонный к полноте генерал Рагоза.

Все как будто стремились выполнять свои роли так, чтобы не слишком бросалась в глаза их маскарадность.

Однако член нашей делегации Каплин побывал у видных членов партии ка-де, проживавших тогда в Киеве, и пришел от них со сведениями, что, по их мнению, никакой другой власти сейчас в Киеве установить нельзя.

По моменту самому главному — организации своей национальной армии — у гетманского правительства ничего не выходило. Было достаточное количество офицеров, согласных вступить в украинскую армию, в приемной министра Рагозы мне приходилось видеть немалое число видных генералов бывшей российской армии, но дальше составления списков будущих кадров, дальше формулировки будущих титулований чинов, отличительных знаков на их погонах и воротниках и т. д. — дальше всего этого дело организации армии пока что не пошло. Господа положения — немцы дальше этой забавы не позволяли идти гетманскому правительству.

В синема, в кофейнях, в пивных буянили распущенные толпы сине- и серожупанников — будущая основа национальной украинской армии, надежда оппозиционного украинского общества.

В кругах, близких к гетману, говорили об организации казачьего войска по типу Кубанского. Но сколько времени нужно, чтобы образовалось такое войско, в этом не отдавали себе отчета или сознательно тешили себя сомнительными мечтаниями.

Нам была назначена аудиенция у гетмана.

К нам он вышел в кубанской черкеске черного цвета и в белом бешмете, на груди с левой стороны — офицерский Георгий, сзади гетмана адъютант —кубанский офицер, с декоративно брошенным башлыком за плечами.

Генерал Скоропадский — гетман — по манере держаться, по интонации голоса — скромный симпатичный член общества.

Краткую "промову" перед нами он произнес по-украински.

На "мове" же ему отвечал наш "голова" Н. С. Рябовол.

Когда же гетман после обмена торжественными речами пригласил нас в ту часть зала, где стояли мягкие кресла, и сам сел между нами, то тут говорили и по-русски, и по-украински, опять он показал себя приятным и внимательным собеседником. Бескровный, когда мы вышли, очень похвально говорил о нем, в особенности приятно был удивлен, что царский генерал—и так скоро постиг родную "мову".

Гетман устроил в нашу честь завтрак, на котором, кроме нас и гетманских министров Лизогуба, Дорошенко и Рагозы, присутствовали и члены "дипломатического корпуса", фактически чины австрийской и германской миссий в военных мундирах.

Меню завтрака состояло из национальных кушаний — колбасы, солянки и прочего, — все очень скромно.

За шампанским гетман снова произнес краткую "промову", но теперь включал в нее и практическую ноту, пообещав помочь Кубани, чем только можно.

Опять Рябовол ему отвечал, благодарил за готовность помочь и подчеркивал родственную связь Кубани с Украиной, что создает почву для плодотворного сотрудничества. В своей "мове" Рябовол сделал какую-то ошибку, за что его упрекнул по выходе из дворца К. А. Бескровный.

Немцы очень внимательно прислушивались к речам и разговорам, но сами молчали и дружно вставали и поднимали бокалы, когда провозглашались здравицы Украине и Кубани.

В Киев прибыла делегация московского Совета Народных Комиссаров на мирную конференцию для установления границ между "Россией" и "Украиной".

Во главе российской делегации прибыл Христиан Раковский, во главе украинской был пан Шелухин, бывший до войны, кажется, председателем одной из южных судебных палат.

Интерес наблюдателя заставил нас пойти в канцелярию украинской делегации и попросить разрешения на вход в качестве публики на эту конференцию.

Канцелярия выдала пропуск довольно охотно, и канцелярист тут же позлословил по поводу состава "русской" делегации: в ее составе "сорок семь членов, из них тридцать восемь еврейского происхождения".

Эта "российско-украинская" конференция была замечательным явлением киевской жизни того времени.

Начать с того, что министерского пропуска на нее оказалось недостаточно, нужно было получить еще разрешение немецкой комендатуры того здания, где происходили заседания конференции. Караул в нем держали немцы.

Главы делегаций изъяснялись каждый на своем "природном" языке: Раковский — на "русском", Шелухин — на украинском. Речь каждого тут же переводилась собственным переводчиком на язык соответствующего контрагента.

Язык Христиана Раковского, конечно, требовал и своего особого переводчика. Такая фраза Раковского, как: "Я вже вижу, что ваш юрисконсульт махает головой", была очень типична для "русака" — румынского еврея...

Ряд стульев вдоль стены занимали сплошь немцы.

С первого же заседания стало видно, что переговоры затянутся бесконечно... пока граф Мирбах в Москве, а барон Мум в Киеве не получат из Берлина предуведомления, что пора кончать... Так думалось поначалу, фактически же вышло несколько иначе... Под прикрытием дипломатической неприкосновенности многочисленный штат миссии делал свое дело пропаганды...

...Однажды часов в 10 утра внезапно раздался звон бьющегося стекла. В гостинице посыпалась штукатурка, и в первый момент показалось, что все здание рушится.

Обитатели гостиницы бросились наружу. То же самое произошло в зданиях по соседству. В иных кварталах произошли обвалы, пожары.

Выяснилось после: произошел за городом взрыв артиллерийских складов.

В киевском обществе наблюдался разлад.

Гетман Скоропадский делал явное усилие, чтобы добиться благорасположения к себе украинских национальных кругов, но ему это туго давалось. Помню его на концерте национальных "спів".

Хор великолепный. Лучшие музыкальные силы в нем. Песни поются одна другой лучше. Исполнение инструментальной части концерта также великолепное. Весь киевский бомонд в зале. Скоропадский в неизменной черной черкеске, в белом бешмете, при Георгиевском кресте на груди, без всяких других доказательств его чина и положения присутствует в зале, занимает литерную ложу сейчас же около сцены. Он оказывает всякое внимание исполнителям, он подчеркнуто свидетельствует, что пришел сюда, он тоже интересуется национальным творчеством. Но общество холодно к нему. Порыв остается неразделенным.

Сын полтавского мещанина Симон Петлюра — председатель киевской земской управы и "голова спiлки земств", успевший уже побывать при новом режиме в тюрьме, скоро, впрочем, выпущенный, демонстративно подчеркивает неприятие мира после войны.

В социалистических радикальных кругах установился взгляд, что настоящее обезличение Украины является результатом непопулярности гетманской реакции.

Лично я познакомился с Петлюрой несколько позже на вечернем собрании, где делался доклад вновь назначенным послом в Болгарию молодым Шульгиным. В перерыве у меня с Петлюрой произошел недолгий интересный разговор. Несомненно, человек с большим самомнением Павло Христюк, книга которого здесь не однажды цитирована, дал очень нелестный отзыв о деятельности Петлюры в должности генерального секретаря "військових справ": сумел "зробити тільки одне: повернути цю велику справу в трагикомічний фарс з бучними парадами", разноцветными шлыками на казацких шапках...; производилась лишь "бутафорна українізація армії", а когда пришло время пустить в дело украинскую армию, то ее не было.

В это время из Новочеркасска пришло письмо от Быча о переговорах с атаманом Красновым: о срочном установлении "действенного политического и экономического объединения" Кубани с Доном, о котором говорилось на "раде" в станице Мечетинской. Теперь Быч писал:

— Разговариваем... 9 и 24 мая произошли совместные заседания под председательством генерала Краснова..

Быч прислал и проект договора, который договаривающиеся стороны собирались будто бы подписать.

В 1-м пункте проекта заключалось признание "внутренней автономности каждой из договаривающихся сторон".

Во 2-м пункте — признание существующей границы между этими землями и в "переговорах с соседними государственными образованиями — обязательство оказывать взаимную поддержку в вопросах, касающихся включения в состав территории договаривающихся сторон городов и земель, присоединение которых являлось безусловно необходимым по соображениям экономическим или военно-стратегическим".

В 3-м пункте — ограничение борьбы с большевиками территориями Дона и Кубани, а в дальнейшем — всего Северного Кавказа, обязуясь оказывать друг другу поддержку всеми силами и средствами.

В 4-м пункте — учреждение совместного совета, которому предоставляется "разработка плана борьбы с большевизмом и анархией", а также "общее руководство военными операциями в смысле определения общих и даже частных заданий для отдельных армий, во внутренние распорядки коих совет не вмешивается".

В 5-м пункте — благие пожелания, "дабы ныне разрозненные части России смогли являть собою могучую политическую силу... ближайшей задачей признать также создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах, в состав коего должны войти Дон и Кубань как полноправные члены федерации".

Таким образом, ни о каком именно "действенном" — как говорилось в мечетинском собрании — экономическом и политическом объединении пока не было и речи.

...Мне приходилось уже здесь говорить о Быче и о его образовании, о его достаточно большом опыте общественной работы, но эти его тогдашние навязчивые идеи, лишенные всякой практичности, всегда раздражали и наводили большое уныние. Так и теперь по получении этих его писаний о "разговорах" с генералом Красновым мною овладела безысходная тоска.

...В эти дни, числа 10 июня нового стиля, одиноко я сидел в номере гостиницы, и курьер военного министерства принес серый казенный пакет с извещением о главном интересующем нас деле:

— Прохання Ваше не може бути задоволено...

Другими словами, было прислано извещение о полном отказе нам в удовлетворении нашей просьбы об артиллерийских снарядах, патронах и прочем. После многоречивых обещаний полный отказ. Собрались все делегаты и все были озадачены:

— Что же это значит?

Решили отправиться к нашему доброжелателю, министру "закордонных справ" пану Дорошенко.

— Німці, — был короткий ответ. Когда мы попросили расшифровать эту столь короткую формулу объяснения, то, по словам министра, выходило, что немцы не только недовольны нашим игнорированием их, но как будто они хотели бы прежде узнать, на каком титуле мы думаем строить наши отношения Кубани к самостийной Украине — на титуле федерации или автономии? Какие гарантии, что полученное фактически из рук немцев вооружение мы не обратим против немцев же?

Краткое объяснение министра сделалось очень длинным и богатым разными намеками. По сути же дела выходило как будто бы так, что немцы могли бы удовлетвориться декларацией Кубанского правительства о присоединении Кубани к Украине на автономных началах... Наматывался очень сложный клубок домогательств и объяснений. Кто тут играл главную роль, трудно было решить.

Выходило так, что украинцы нас любят, немцы нам доброжелательствуют, но... — "прохання" наше сейчас "не може бути задоволено".

Бескровный, оставшись с паном Дорошенко один на один, пришел потом домой и поведал, что незамедлительное декларирование присоединения Кубани к Украине на автономных началах могло бы иметь следствием то, что во время мирных переговоров с большевиками Украина потребовала бы перенесения демаркационной линии за пределы Кубани, что немцы дипломатическим путем поддержали бы эти требования, и большевики вывели бы свои войска с Кубани...

Я и Каплин наотрез отказались в какой-либо форме вести на подобной основе дальнейшие переговоры. Мы заявили, что наша делегация должна немедленно выехать в Новочеркасск, доложить Раде и правительству обо всем, и только они вправе судить, продолжать или прервать переговоры.

Рябоволу и Бескровному трудно было признать, что Украина не захотела или не могла — бескорыстно и с участием — помочь нам. Но и они не могли оспаривать нашего решения. Они настояли лишь на одном, чтобы наш отъезд не был истолкован как разрыв, как отказ от дальнейших сношений с Украиной. Делегация должна была разрешить Н. С. Рябоволу остаться в Киеве, выждать результата наших решений в Новочеркасске и сделать еще попытку получить просимое.

О пошатнувшемся положении немцев на Западном фронте мы тогда еще не знали и воспринимали их, как всесильных. Со стороны Дона они приблизились к Кубани до станции Кущевка на железной дороге Ростов—Владикавказ, со стороны Керчи они уже переправились на Таманский полуостров, то есть на Кубань. На Украине они, как уже было отмечено, вели войну из-за хлеба с крестьянством. Чтобы быть в курсе дела и чтобы вовремя предостеречь население, мы решили командировать на Тамань члена нашей делегации Г. В. Омельченко.

В Новочеркасск, таким образом, нас выехало четверо: Бескровный, Каплин, Султан-Шахим-Гирей и я.

Заблаговременно мы известили председателя Быча, чтобы он с уполномоченными от Рады к нашему приезду прибыл в Новочеркасск.

Числу к 20 июня нового стиля мы приехали в Новочеркасск, и здесь нас уже поджидал Быч с уполномоченными.

Еще стоял на улице извозчик с моими вещами и ждал расчета, а Быч, встретив меня в коридоре гостиницы, стал расспрашивать, что и как произошло в Киеве.

Беглый рассказ о полном господстве немцев, о бессилии гетманского правительства, о призрачности вообще украинской государственности, — этот один мой рассказ оказался для Быча убедительным:

— Значит — "нет!.."

И это было решение вопроса.

Мы, другая кубанская сторона, приняли такое решение еще в Киеве.

На этот раз Быч вообще проявлял большую сговорчивость, и я радовался, что, наконец, он постиг тщету своих упований на неизвестное данное других самостийностей; понял, как важно в нашем тогдашнем положении не сходить с реальной почвы. При таких условиях с ним можно было сговариваться... По возвращении в Мечетинскую Ф. С. Сушков уверял меня, что причину перемены в Быче нужно было искать не в его внезапном прозрении, а в том крупном разговоре его с генералом Деникиным, который был у Быча перед его вторичным отъездом в Новочеркасск.

Всего через несколько часов после нашего приезда состоялось заседание уполномоченных Рады и правительства и было принято решение:

I. Прекратить переговоры с Украиной о титуле наших с ней отношений: конфедерации, федерации или автономии;

II. Считать общее сближение Кубани с Украиной желательным;

III. Добиваться получения от Украины военного снаряжения и боевых припасов хотя бы за плату.

На следующий день был праздник Святой Троицы. На предполагавшееся новое совещание кубанцев Быч пригласил генерала Алексеева. Он жил тогда в Новочеркасске и очень недомогал. На наше собрание он пришел с опозданием прямо из церкви и не слышал наших предыдущих суждений. Сев к столу, он попросил себе слова. Говорил пространно о России, об армии, о возможных в будущем успехах и испытаниях. Центром речи было предупреждение не увлекаться заманчивыми перспективами легкой жизни при помощи иностранной силы.

Конец речи был приблизительно таков:

— Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством. За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..

Голос Алексеева окреп, глаза загорелись.

— Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется... Поймет, что было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...

Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу:

— И я, если буду жив, и я вам этого не забуду.

Очень взволновался при этом старик.

Со смущенной улыбкой Быч спокойно ознакомил генерала с вынесенными нами решениями.

Алексеев просветлел, поблагодарил и вскоре ушел.

Вскоре в Новочеркасск приехал посланец от кубанцев-повстанцев на Таманском полуострове, полковник Б. Он доложил о шатании местных людей при наличии на Тамани немецкой силы и в особенности некоего инженера К., который вел агитацию против Кубанского правительства и Добровольческой армии и агитировал за обращение за помощью к немцам.

Таманские повстанцы просили помощи деньгами и военной силой. Ни того, ни другого они от нас получить не могли за недостатком силы и денег у нас самих, а кроме того на Тамани были немцы и, следовательно, посланная туда воинская часть должна была или вступить с ними в конфликт, или начать с ними военное сотрудничество. Ни того, ни другого, по занятой нами позиции, делать нельзя было, нужно было выждать.

Как показали дальнейшие события, и сами немцы держались нейтрально до самого своего ухода с Тамани. Отвратительная предательская агитация инженера К., таким образом, успеха не имела и сам он исчез раньше ухода немцев.

Председатель правительства Л. Л. Быч привез из Мечетинской новость о решении командования Добровольческой армии начать новое движение на Кубань. Сюда должны быть направлены главное внимание и главные кубанские силы. Начинался Второй Кубанский поход.

Второй Кубанский поход начался 9—10 июня.

Получив от Донского правительства разрешение на взимание почтовых лошадей, мы несколькими пароконками двинулись через Аксай и станицы Задонья в глубь донских степей, в центр добровольчества и кубанского накопления.

Это обратное путешествие было замечательно в одном отношении: на остановках, в пути — всюду встречались характерные фигуры молодых военных, шли и ехали добровольцы в армию.

С различных концов России, со многими приключениями, как правило, очень опасными, добравшись до Новочеркасска, пройдя здесь регистрационные канцелярии, они передвигались различным способом — на лошадях, пешим ходом — по направлению к станице Мечетинской, чтобы там определиться в военные части и... в поход.

Это был расцвет добровольческого движения.

В нашем багаже был подарок генералу Маркову.

В Киеве нам передали небольшой изящно отделанный ящик, вроде футляра для микроскопа, только немного больше. В этом киевском ящике заключался подрывной прибор — взрывать железнодорожные пути и прочее. Изящно, верно и скоро. Этот "подрывник" и был нашим подарком генералу Маркову.

Лично генералу Маркову в руки он уже не попал.

12 июля генерал Марков был смертельно ранен на станции Шаблиевка предпоследним снарядом, пущенным с уходящего бронепоезда отступавшими большевиками.

Кубанцы, близкие к генералу Маркову, передавали, что последние его слова были обращены к ним:

— Умирали за меня, теперь я умираю за вас...

Страшными и тяжелыми были взаимоотношения кубанцев и добровольцев.

Бок о бок дрались, умирали, радовались общим успехам, а дойдет дело до разговоров о смысле борьбы и ее целях — вырастает стена между двумя сторонами, нет взаимного понимания, а есть отношения неприязни и сарказма.

Генерал Марков среди добровольцев — рыцарь порыва и смелости, наиболее квалифицированный командир, который дорожил жизнью каждого отдельного бойца.

Среди кубанцев немало тех, кто по-человечески полюбил его и восхищался им...

У кубанцев есть слабость помечтать о том, чтобы первым человеком в войске — Войсковым атаманом — у них был бы человек сильный духом, воин открытый и честный. И чтобы был при этом атаман и сам собой — мужчина видный, с хорошей посадкой на лошади, "очи орлиные" и "слово живо". В Киеве у нас была как-то общая беседа о добровольцах. Зашла речь и о генерале Маркове:

— Эх, коли б вин та у нас атаманом!..

Это сказал тогда Н. С. Рябовол. Его была мечта иметь генерала Маркова Кубанским атаманом. Между тем, не было среди кубанских деятелей другого человека, который собрал бы на себя столько неприязни добровольцев, как Рябовол.

Председатель правительства Быч и член правительства по военным делам Савицкий из Мечетинской отправились в село Торговое, где был штаб Добровольческой армии, мы же — другая часть правительства и Рады — несколько недель провели в состоянии тылового бездействия и присоединились к своим лишь в селе Белая Глина, рукой подать от кубанской границы.

Накануне только что разыгрались здесь бои за обладание селением. Обширное поле чистой созревавшей пшеницы, а по бороздам прорыты окопы, неубранные трупы. Говорили, что много их и в глубине поля среди рослой пшеницы... (Третий раз Добровольческая армия занимала это селение, и каждый раз она встречалась с большой враждебностью).

...В воскресное утро на квартире члена правительства Савицкого за чаем со свежеснятыми с дерева вишнями произошло первое после длительного перерыва совещание Кубанского правительства. Завтра-послезавтра предстояло вступление на свою территорию, и важно было обменяться взглядами, что мы — помимо требований о реквизициях и мобилизациях — понесем в свой край в смысле административного устройства, в смысле руководящих норм права, финансовых предложений и т. д.

Первой очищалась от большевиков территория большого Кавказского отдела (округа) с населением в несколько сот тысяч душ, с территорией двух полковых округов, со штаб-квартирой пластунского батальона, с другими подсобными военными и гражданскими административными учреждениями, с такими, наконец, поселениями, как хутор Романовский и хутор Тихорецкий, включавшие в себя население больших узловых станций железной дороги, со служащими и рабочими на путях, и железнодорожные депо с соответствующим количеством торгового люда и т. д., — поселения фактически городского типа, но в правовом отношении не имеющие административной самостоятельности, даже равной станичному управлению, так как их хуторские правления зависели от станичных "сборов" близлежащих станиц Кавказской и Тихорецкой.

Быч, кроме того, что был председателем правительства, был в то же время и членом правительства по внутренним делам. Совместно с Савицким — членом правительства по военным делам они предложили нам кандидатом в атаманы Кавказского отдела некоего полковника Р., старорежимного кадрового офицера...

В дореволюционное время выдвижение кандидатов на должность атаманов отдела, как и вообще учет служебного стажа кубанских офицеров, велись в Войсковом штабе, там следили за порядком старшинства и там намечались карьерные дороги офицерского мира. Теперь все заменялось усмотрением Савицкого, вчерашнего есаула Конвоя Его Величества и совсем некомпетентного судить о пригодности того или другого кандидата к такой ответственной должности, как атаман большого отдела в такое архисложное время гражданской войны.

Я высказался против порядка установления "старшинства" офицера для определения кандидата на столь ответственную должность и против самого намеченного кандидата, не имеющего никаких объективных показаний в его пользу.

Быч неожиданно придал делу оборот ведомственной амбиции.

— Мы (то есть он и Савицкий) не имеем намерения вмешиваться в дело назначения служащих по ведомствам земледелия и контроля (то есть по моим ведомствам), так же не хотели бы, чтобы и Д. Е. вмешивался бы в наши назначения.

Жаркий и неприятный спор ни к чему не привел. Быч и Савицкий настояли на своем; полковник Р-в был назначен нашим первым атаманом отдела по возвращении на Кубань, и, забегая несколько вперед, отмечу, что он на первых же порах своего администрирования сел в самую грязную лужу.

Жестокость большевиствующих банд в станицах общеизвестна. Ответная казачья реакция по изгнании большевиков тоже не была особенно милостивой. Но, во-первых, такой общей их меры, как "к стенке!", казаки не применяли, во-вторых, так как верховоды большевиков успевали уходить с отступающими войсками, то у казаков даже и не оставалось, к кому можно было бы применить ту же ответную меру. Оставались или те, кто большевикам сочувствовал, или те, кто, может быть, даже помогал; и казаки находили, что таких нет основания "ставить к стенке", и в массовом порядке стали применять к ним публичную порку, облекли это даже в определенную форму мрачного юмора, особенно, если дело касалось лиц того же казачьего звания.

— Ты оторвался от нас, выписался из нашего общества, теперь тебя следует обратно приписать к обществу... Ложись!.. — и розгами или плетьми делали "приписку" на задней части тела виноватого...

Так вот в это дело и ввязался вновь нами назначенный атаман Кавказского отдела полковник Р-в. Он своим приказом атамана отдела установил, кому, за какую вину, сколько полагается ударов плетьми или розгами. Получалось как бы узаконение публичных телесных наказаний и их градация.

Быч потом только руками разводил:

— Вот так народная власть!..

Р-ва он после этого убрал, а на его место был назначен полковник и более молодой, и более культурный.

На том же воскресном первом заседании Кубанского правительства в селе Белая Глина был принят, опять же с большими спорами при нашей оппозиции тому же Бычу и нашему члену правительства по ведомству юстиции Н-ву (приказ № 10 о чрезвычайных военных судах). Авторы его не отрицали и его спорности, и кроющейся в нем опасности для доброй репутации краевой юстиции, но настаивали на его принятии, что будто бы он все-таки являлся канализацией мстительного чувства населения к прежним обидчикам и подчинял его юридическим нормам.

В смысле наказаний по этому приказу № 10 предусматривались наказания от двух недель ареста при полицейском управлении до смертной казни включительно. Правда, предусматривался публичный разбор дела, обвиняемый имел право приглашать защитника и за ним сохранялось право апелляции в окружной военный суд в случае недовольства вынесенным приговором низшей инстанции. Последнее, конечно, было положительной стороной этого приказа.

...Мы возвращались к себе домой после описанного воскресного заседания Кубанского правительства. Путь лежал через церковную площадь. Как раз народ выходил из церкви.

Большая толпа народа приметно сгустилась в одном месте против южных ворот церковной ограды. А над толпой возвышается человек и все как будто что-то ловит рукой, как будто что-то выпустил и теперь старается захватить, голову опустил на сторону.

Я сначала не приметил других подробностей. Когда подошли ближе, стало понятно... И солнце стало немило. И толпа потеряла краски. Ни одно лицо не запомнилось, что на нем выражалось.

На глазах у всех у порога храма приводился в исполнение приговор добровольческого военно-полевого суда. Повесили осужденных большевиков.

Сушков и Намитоков остро заспорили между собой, о чем, по-видимому, и сами мало сознавали. Отвратительное состояние духа.

Бой за обладание селом Белая Глина отличался особой жестокостью. Раненые добровольцы, попавшие в руки к красным, замучивались. Мало того: обезображивались трупы.

Особенно тяжелые потери понесла дивизия Дроздовского. Она была новой дивизией в Добровольческой армии, пришла с развалившегося Румынского фронта и влилась в нее строго дисциплинированной частью. Но дивизия пришла со своим особым духом и резко выраженным монархическим настроением, с романовскими ленточками на груди (черно-желто-белыми). Сам полковник Дроздовский при личном знакомстве произвел впечатление волевого человека, но узкого и фанатичного.

В селе Белая Глина по приказанию Дроздовского были расстреляны пленные. На жителей была наложена контрибуция (которую те полностью выплатили).

Продолжение следует

ЖЕРТВЕННОЕ ЗАКЛАНИЕ

Кровавое убийство прот. Александра Меня, совершенное накануне празднования Усекновения Главы Иоанна Предтечи рубящим ударом острого орудия в голову, выдает в его исполнителях тонких знатоков антихристианского ритуала.

Надо удивляться, насколько невидимая рука нанесла свой удар рассчетливо и точно!

Кто такой Александр Мень и какова была его роль в талмудических козноде́йствиях против Русской Православной Церкви, достаточно известно в церковных кругах. Об этом ниже.

Но ответственность за его убийство хотят переложить на защитников Православия. Они к этому неприкосновенны!

Юристами всех времен и народов задается один вопрос: "Кому это выгодно?" В убийстве А. Меня более чем заинтересованы те, кто разжигает антирусские настроения во всем мире; те, кому во что бы то ни стало необходимо не допустить еврейский народ ко Христу, заставить его с еще большим рвением служить мировым антирусским, антиправославным силам. Этой цели А. Мень посвятил свою жизнь, ей же его обрекли работать и своею смертью.

Исторические прецеденты известны, почерк знаком.

За выстрел еврейки Каплан в вождя мирового пролетариата полуеврея Ленина заплатил своей кровью, пролитой "в порядке красного террора", русский народ. Убийство евреем Канегиссером еврея Урицкого обошлось тысячами и тысячами жизней опять-таки русских. В смерти еврея Бронштейна-Троцкого от руки еврея-убийцы Меркадера, вдохновленного евреем-чекистом Эйтингтоном, и поныне умудряются видеть вину русского национал-сталинизма.

Есть и ближайшие примеры. Провокатор-еврей Норинский, угрожавший от имени "Памяти" писателю-еврею Бакланову.

Антисемитизм и русофобия — вот два страшных жупела, без которых никак не могут обойтись разжигатели мировых пожаров!

Жизнь прот. А. Меня брошена на жертвенник антирусской, антихристианской войны. Черные силы, вызванные из преисподней его ритуальным закланием, направлены на разъединение тела Христова — Православной Церкви. Ибо попытка взвалить ответственность за это убийство на "патриотов из "Памяти" имеет целью не только провоцирование антирусских гонений, но прежде всего расчленение Церкви на враждующие партии: приращением чувства вины за несовершенное ими деяние — одним и внушением подозрения и неприязни — другим.

Но в Церкви один путь к спасению — единение во Христе с Богом. Этот путь труден, но другого пути нет. Нет спасения, кроме неисходного стояния в Православии в грядущие скорбные времена.

Об этом нужно помнить и тем, кто призван ограждать Православную Церковь от козней врага, не смущенно стоять на отеческом Предании; и тем христианам из иудеев, которые, приняв Св. Крещение, возложили руки свои на рало церковного деяния.

Пусть смерть прот. Александра Меня послужит уроком всем, кто пытается, находясь в лоне Святой Православной Церкви, заигрывать с сатанинскими силами.

Они не щадят "своих".

Церковное предание, обыкновенно безошибочное, указывает на почившего в Господе митрополита Антония (Ленинградского и Новгородского) как на автора публикуемого нами широкоизвестного Православной Церкви "Письма". Еще предстоит прояснить обстоятельства преждевременной кончины Владыки, мужественно возвысившего свой голос во свидетельство о Истине, как следует пролить свет и на десятки и сотни других преждевременных загадочных смертей, наступивших в результате дорожной ли катастрофы или от внезапной остановки сердца, но имеющих между собой нечто общее — это то, что настигнуты были внезапно смертью те, кто бесстрашно восставал за правду, преграждая путь "действию льсти".

КТО СОБЛАЗНИТ МАЛЫХ СИХ...

Письмо священнику Александру Меню

Давно, о. Александр, наблюдаю я за Вашей деятельностью. Вы не знаете меня, да и я не видел Вас до последнего времени, хотя слышу о Вас уже много лет.

Я знал, что вы являетесь крещеным евреем и служите православным священником. Такое сочетание нисколько не смущает меня, как и любого православного человека, потому что антисемитизма нет в самой природе православия. Но вот, сначала случайно, а потом специально знакомясь с Вашими статьями, крупными работами и Вашими действиями, я обнаружил в Ваших словах и делах такое, что никак не совместимо ни с Вашим положением в православной церкви, ни с подлинной любовью к еврейскому народу.

Отношусь я к Вам с искренней отеческой попечительностью и не стал бы писать это письмо и заботиться о его распространении, если бы Ваша деятельность в конце концов не вынудила меня на это.

Не взыщите, о. Александр, придется объясниться с Вами по-настоящему. Ибо дело не столько в Вас как в Богозданной личности, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют Вами. Условное собирательное имя этим силам — сионизм.

Условным я называю это имя потому, что на самом деле гора Сион — это святая гора, Божия.

Но названием этой горы пользовались для обмана непосвященных силы, глубоко враждебные Богу и Всякой святыне, и самому еврейскому народу. Прячась за святые имена и понятия, сионисты хотят обмануть не только "гоев", т. е. всех неевреев, но, прежде всего, свой собственный народ — еврейский.

Сионизм есть не что иное, как практическое осуществление тайных стремлений религии талмудического иудаизма.

Современный иудаизм — это не просто одна из религий одного из народов земли... Духовная сущность иудаизма достаточно определенно раскрыта в Евангелии. Иудеям, которые упорно не пожелали уверовать в Христа (распятого и Воскресшего) как в обетованного Мессию, Сына Божия, пришедшего во плоти, Сам Господь Иисус Христос сказал: "Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищете убить меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога; Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего..., если бы Бог был ваш отец, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел... ваш отец диявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите мне" (Ин. 8, 39—45).

Итак, слово об иудаизме, не признающем Христа сыном Божиим и истинным Мессией, сказано: "Ваш отец диавол". И прибавлено: "Се, оставляется вам, ваш дом пуст" (Мф. 23—38). "Дом" в смысле слов Священного писания — это прежде всего Церковь, в данном случае — иудейская церковь...

Православная Церковь приемлет людей без различия их национальности, и люди обретают здесь и полноту неискаженного вероучения, и единственно верный образ жизни в Боге, по вере.

Поэтому сионизм особенно заинтересован иметь в Православной Церкви своих "постовых", которые встречали бы людей, искренне идущих к истине и... провожали бы далеко в сторону от нее, стараясь, однако, уверить, что ведут их верно, именно к Православию. Задача таких "постовых" — под видом правды проповедовать ложь, под православной оболочкой наполнять души людей угодными сионизму взглядами и настроениями.

Таким "постовым" сионизма в Православии и являетесь Вы, о. Александр. Это ваше конкретное место в многосложной и многообразной системе сионизма. Это Ваша давняя, продуманная и добровольно на себя взятая миссия. Мне известно, что Вы сами это хорошо знаете!

Прежде чем рассмотреть Вашу духовную сущность и способы действия, несколько слов об особых, чисто религиозных средствах сионизма в его интригах против Православия.

Первое средство можно назвать "негативным". Это всяческое разложение Православия. Здесь не последнее место занимают попытки доказать необходимость объединения Православия с католицизмом, которое мыслится не просто как добрые отношения церквей, а как проникновение католического духа, образа мышления и жизни в среду православных. За последние годы между сионизмом и властями католической Церкви возник самый тесный союз. Это в значительной степени объясняется не только "двойной игрой", которую они ведут друг с другом, но и некоторой духовной общностью.

К примеру, католическая церковная политика ориентируется на приобретение всемирного духовного господства. Это прямо вытекает из некоторых существенных черт католического мировоззрения — стремление к внешней деятельности в мире, к влиянию на ход чисто мирских дел, к мировому могуществу.

Заразить православных католическими настроениями — значит возбудить в них дух внешней активности, жажду политической борьбы, участие в суете чисто мирских дел. Для чего это нужно, станет ясно из дальнейшего содержания данного письма. А пока мы отметим одно существенное Ваше, о. Александр, высказывание.

В своем интервью самиздатовскому журналу "Евреи в СССР", о котором (интервью) у нас будет речь отдельно, Вы откровенно заявили, что "западная (католическая) церковь действительно близка к еврейскому (читай — сионистскому) сознанию, в частности, духом активности, энергии, деятельным практическим "характером".

Как это не покажется странным с первого поверхностного взгляда, но сионизм и католицизм в этом пункте обрели действительно некоторое ду-

ховное родство. Но попытки внедрить в Православие такой же дух "активности" имеют и свой особый расчет: если Марии (Православию) сообщить Марфино (католическое) состояние суеты, то "благая часть" отнимется от Марии (Лк. 10, 42).

"Позитивные религиозные средства, которыми пользуется сионизм, сводятся к следующему: людям усиленно внушается, что современный еврейский народ (из-за иудаистского обмана по-прежнему отвергающий истинного Христа) все-таки остается богоизбранным, а значит (в толковании сионистов) призванным свыше к мировому господству.

Однако после распятия Христа богоизбранность более не принадлежит еврейскому народу как нации. Богоизбранность осталась во Христе для тех, кто подлинно в нем и с ним, без различия наций, т. е. в Церкви Христовой.

Богоизбранный народ — это теперь Церковь Христова. Отсюда Палестина, как место жительства современного Израиля, давно уже не обетованная земля, а только древний прообраз ее.

Обетованная земля в действительности — это Царство Небесное, Божие. И город Иерусалим с горой Сионом (не как места, связанные с событиями Священной истории, а как столица современного иудаизма и сионизма) — это давно уже не возлюбленный Богом город. Град Божий — это теперь Иерусалим небесный, на "новой земле", "под новым небом" как вечное царствие праведников, возвещенное Богом в Откровении (Откр. 21, 1—27).

А современный Иерусалим как центр христоненавистнического иудаизма Бог называет "духовно Содомом и Египтом, где и Господь наш распят" (Откр. 11, 8).

Все это и многое другое хорошо известно Православию. Так что требуется особая изощренность во лжи, чтобы здесь вести разлагающую деятельность.

И тем не менее Вы взялись за такую деятельность.

...Прикрываясь превратным толкованием слов ап. Павла, Вы признаетесь, что не перестаете считать, что Израиль как народ сохраняет свое избранничество, оставаясь "сыном-первенцем".

Вот это самое желание остаться все-таки первенцем и выдает Вас, о. Александр. Вы заявили его в интервью сионистскому самиздатовскому журналу "Евреи в СССР".

Оно было опубликовано в этом журнале за № 11 в 1975 году и распространено отдельным текстом.

В этой беседе с сионистским представителем Вы сообщили те черты и штрихи своему духовному портрету, которые делают его законченным и позволяют выставить для всеобщего обозрения.

Это придется сделать, тем паче что здесь хорошо раскрываются некоторые уловки, к которым прибегают антиправославные силы.

Вы беседуете с корреспондентом-сионистом как искренний брат. Вы оба отлично понимаете друг друга и вполне удовлетворены беседой. Сионист давал Вам удивительно точные (математически!) вопросы. Они были направлены к выяснению самых важных для сионизма предметов: отношения современного русского Православия к сионизму, в сионистских интересах, а также возможности отвода евреев-христиан от Православия под видом создания особой независимой еврейской христианской церкви.

По всем пунктам Вы вполне "успокоили" сиониста. Сионизм при определенных условиях может проникнуть в Православие — таков смысл Ваших ответов по одной из затронутых проблем.

Евреям, искренне стремящимся ко Иисусу Христу, можно не дать быть подлинно во Христе посредством причастия к настоящему Православию: можно и нужно создать для них особую независимую (читай — от Христа независимую) церковь, которая должна быть одним из филиалов иудаизма — таков смысл Ваших заявлений по другой группе вопросов.

Вас спрашивают, в чем Вы усматриваете особое религиозное призвание еврейского народа?

Вы отвечаете: "В силу того, что через них (евреев) было дано Откровение и совершено Боговоплощение, этот народ навсегда посвящен Богу". Следует выдержка из Священного Писания Ветхого Завета о древнем Израиле: "Вы будете царством священников и народом святым". Вы поясняете, "что "святым" — значит посвященным Богу", и говорите: "Когда еврей изменяет своей посвященности, он предает себя и легко оказывается во власти темных сил".

Однако все дело в том, какие силы вы считаете "темными", а какие "светлыми"?

Какому Богу кланяетесь Вы, о. Александр, и какому Богу посвящен навсегда, по Вашему мнению, еврейский народ?

Вас спрашивают, созрели ли возможности для создания особой независимой еврейской христианской церкви (попытки к чему уже предпринимались и предпринимаются в Израиле, где возникают христианские общины с богослужением, близким к синагогальному, на иврите, вроде общины св. Иакова).

Вы отвечаете: "Строго говоря, иудаизм никогда не был монолитен, и в нем было немало различных течений". Иудаисты могут смотреть на общину св. Иакова как на одно из них.

У Вас, о. Александр, такие слова "не дипломатический" ход, тут Вы проговариваетесь о самом важном. Для Вас, оказывается, христианство является одним из течений иудаизма, о чем Вы в другом месте говорите так: "Христианство раздвинуло границы этой (иудейской) церкви,

включив в нее (т. е. в иудаизм) другие народы".

При этом современный иудаизм Вы не отделяете от веры ветхозаветного Израиля, утверждая, что "еврея-христианина и еврея-иудаиста (в наши дни!) связывает не только общность национального происхождения, но и вера в Единого Бога, вера в Священное Писание, общая религиозная этика".

Современное христианство и современный (отвергающий Иисуса Христа!) иудаизм для Вас — равноправные ветви одной и той же "религии Авраама".

Послушайте со вниманием, что говорит Господь Христос: "Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его" (Ин. 5, 23); "Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне" (Ин. 6, 46; Ис. 54, 13); "Я и Отец — одно" (Ин. 10, 30).

После того, как были сказаны эти последние слова, неверующие "иудеи опять схватили каменья, чтобы побить Его".

"Видавший Меня видел Отца Небесного, — говорил Господь в ином месте, — Я в Отце и Отец во Мне" (Ин. 14, 9 — 10).

"Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает, а принимающий Меня принимает пославшего Меня" (Ин. 13, 20).

Иудеям, не верующим Ему, Христос свидетельствует: "Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего" (Ин. 8, 19); "Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего" (Ин. 15, 22—23); "Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают" (Ин. 15, 6).

Все это означает, что такой отсеченной и засохшей ветвью является Израиль, не принявший Христа и не принимающий Его до сих пор, а следовательно, не принимающий и Единого Бога Отца и поклоняющийся не ему. А кому — указал Сам Господь Христос и Единый Истинный Бог, назвавший Отцом иудаистов диавола, а самих иудаистов — "сборищем сатанинским", о чем уже было сказано. Таким образом, совершенно очевидно, что у современного иудаизма нет и не может быть ничего общего ни с религией Авраама, ни с христианством. Иудаизм в корне враждебен и вере праотцев еврейского народа по плоти, и христианской вере.

Вы не новичок в Церкви, о. Александр, и прекрасно знаете текст приведенных здесь мест Евангелия, наверное, наизусть.

Значит, когда Вы объединяете в своем толковании Единого Бога христиан и древнего Израиля с "богом" современного иудаизма — диаволом, то Вы делаете это умышленно, заведомо смешивая свет со тьмою.

Но если даже предположить, что такое объединение у Вас невольно и от совершенно искреннего представления, то тем паче это оказывается вашей распиской в том, что лично Вашим "Богом" является не Христос, не Бог Авраама, Исаака и Иакова...

Только при таком условии у Вас я душе и сознании могло оказаться чувство и представление общности Вашей веры с религией и "религиозной этикой" современного иудаизма.

Вот ведь в чем дело, о. Александр!

Теперь ясно, какому "Богу" у Вас "навсегда посвящен Израиль" и какие силы являются для Вас "темными", а какие — "светлыми".

"Тьма" для Вас, о. Александр, — это традиционное русское святоотеческое Православие во всех его зрелых формах, каких оно достигло в процессе своего исторического развития.

"Просветить" такое Православие, а точнее, разложить и разрушать его является Вашей задачей.

Если под маской ветхозаветной веры в Единого истинного Бога оказалось возможным скрытое поклонение сатане, то почему бы не попробовать устроить того же в христианстве?!.

Однако без обманов и подлогов здесь не обойтись. И Вы их совершаете.

Вас осторожно спрашивают, нельзя ли уже теперь евреев, приходящих к Православию, как-нибудь все же удержать в иудаизме (хотя форма этого вопроса была иная)? Без колебаний Вы отвечаете утвердительно.

Можно, — как бы говорите Вы, — если внушить православным евреям, что они могут не отрекаться от обрядов и религиозных обычаев иудаизма. Вы утверждаете, что с точки зрения Православия это-де вполне допустимо, что крещеные евреи наряду с христианскими обрядами должны сохранять "обрезание, субботу и др.". При этом Вы ссылаетесь на решение Собора Св. Апостола в Иерусалиме в 51 году, который, по Вашим словам, будто бы постановил, что "иудаистские обряды... необязательны только для христиан из язычников, но сохраняют свою силу (!) для евреев-христиан. Решения этого Собора не отменены. Да и вряд ли можно отменять слова Апостолов, — заявляете Вы.

Но такого решения указанный Собор никогда не принимал. Этот Собор очень хорошо описан в 15 главе "Деяний Святых Апостолов".

Разрешая спор о том, следует ли обрезать приходящих к вере во Христа язычников и принуждать их соблюдать закон Моисеев, ап. Петр отметил, что Бог даровал язычникам Духа Святого, "как и нам; и не положил никакого различия между нами и ними, верою очистив сердца их".

Апостол отметил далее, что иго "закона Моисеева не могли понести ни отцы наши, ни мы", и что "мы (апостолы) веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они".

Св. ап. Иаков добавил, что "Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое", потому что так пожелал Бог воссоздать "скинию Давидову падшую и то, что в ней разрушено" (в Израиле).

Было постановлено "не затруднять" язычников-христиан исполнением закона Моисеева. При этом о евреях, желающих в христианстве сохранять иудейские обычаи, не сказано ничего!

Замечено лишь, что закон Моисеев имеет проповедующих и читается каждую субботу в синагогах.

В контексте деяний этого Собора и всего апостольского учения это значит, что апостолы не возбраняют соблюдать иудаистские обычаи тем евреям, которые привыкли к ним, но никак не вменяют этого в обязанность христианам-евреям и не считают эти обряды имеющими спасительную силу.

Ибо по прямому смыслу апостольских слов и соборного решения, во-первых, спасение признается как для евреев, так и для язычников только через веру во Христа Иисуса и Благодать Святого Духа, а обычаи закона Моисеева тем самым оказываются уже излишними, т. к. в Себе и Собою Христос исполнил весь закон. Во-первых, евреи-христиане и христиане-язычники признаются совершенно равными. Никакой "двойной ответственности" и никакого "первенства", о которых Вы, о. Александр, толкуете, за евреями не признается ни в данном соборном решении, ни в других текстах Нового Завета.

Напротив, утверждается на основе пророчеств Ветхого Завета и знамений Божиих, что разрушенная иудаизмом скиния Давидова воссоздается путем привлечения к Истине через Иисуса Христа людей всех народов.

Это означает, что богоизбранность и "посвященность Богу" уже не принадлежит ни еврейскому народу, ни какому-либо другому народу (как нации), но — Телу Христову — Церкви, составляющейся из представителей всех народов земли.

Вы это, отец Александр, прекрасно знаете. Зачем же вы извращаете смысл деяний апостольского Собора, которых, конечно, никто отменить не может?! Зачем же обманываете прежде всего свой собственный еврейский народ? То, что это у Вас не случайная ошибка, а сознательный обман, видно из того, как вы в том же духе извращаете смысл другого новозаветного текста — главы II из Послания св. ап. Павла к Римлянам. Вы вырываете из смыслового контекста учения ап. Павла следующие слова: "Неужели Бог отверг народ Свой? Никак... в отношении к избранию (евреи) возлюбленные Божии... ибо дары и призвания Божии непреложны". Оставляя эти слова без всяких пояснений, Вы делаете нужный Вам и сионизму вывод о том, что современный Израиль, как народ, несмотря на то, что он продолжает в полноте своей не принимать Христа Иисуса (!), остается "избранным" народом, "народом" Божиим". Отсюда у Вас выходит, что еврей-христианин несет якобы "двойную ответственность как член Церкви и как чл народа Божия". Иными словами, наряду с Церковью — Телом Христовым — у Вас оказывается еще один "народ Божий" — евреи как нация, хотя Вы и утверждаете, что "Израиль возник не как нация, а как религиозная община (кагал)".

Однако по смыслу слов ап. Павла в этой главе и многих других местах его посланий народом Божиим является один-единственный "народ" — живое дерево Церкви как Тела Христова, которое "составляем мы, многие" (Рим. 12, 4). Это та живая "маслина", от которой засохшие ветви — не верующие во Христа иудеи — отсечены, привиты ветви "дикой маслины" — бывших язычников. Так что "ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени... пока войдет полное число язычников". Куда войдет? В Израиль как нацию? Нет! В Тело Христово — Церковь. "...И так весь Израиль спасется" (Рим. II, 25—26).

Апостол предупреждает бывших язычников от гордости, чтобы не превозносились плотью и не считали еврейскую плоть чем-то худшим по сравнению с собой. Ибо во Христе все равны. "Здесь нет различия между иудеем и эллином" (в другом месте говорится, что в Церкви нет больше ни скифа, ни варвара, ни эллина, ни иудея).

Ап. Павел говорит: "А Исаия провозглашает об Израиле: "Хотя бы сыны Израилевы были числом как песок морской, только остаток спасется" (Рим. 9, 26; Ис. 10, 22). Вот об этом остатке-то, который может спастись через обращение ко Иисусу Христу, апостол и говорит, что они "в отношении к избранию возлюбленные Божии ради отцов". Эти два последних слова Вы, о. Александр, не случайно исключили из цитаты данного места у апостолов. Ибо отцы древнего Израиля жили верой во Христа Истинного, который, как им было известно от пророков, должен был придти именно тогда, когда приходил и пострадал в Израиле за грехи мира.

Ап. Павел учит, что избранничество и обетования относятся только к тем, кто спасается верой в Иисуса Христа, а "не делами закона". По словам апостола, не принявшие Христа иудеи, "усиливаясь поставить собственную праведность..., не покорились праведности Божией. Потому что конец закона — Христос, к праведности всякого верующего" (Рим. 10, 3—4). Таким образом, по учению ап. Павла, нет двух разных богоизбранных общностей — Церкви Христовой и Израиля как народа по плоти, но есть только один Богоизбранный народ — Христианская Церковь. И чтобы к ней обратились сродники апостола по плоти — евреи, он готов и души своей не пощадить, потому что он знает, что в противном случае они останутся отсеченными ветвями, несмотря на свое плотское происхождение. При этом горячая любовь ап. Павла к "сродникам по плоти" никогда не была выше его любви к Церкви, составляющейся в его времена в основном из язычников, и сам он — "Апостол язычников".

Со времени ап. Павла прошли века. Бывшие некогда "дикими" (по происхождению от язычества) "ветви" от разных народов, возрастая на "благородной маслине" Тела Христова, давно стали одно с Ним. Так что теперь это уже целиком

одна благородная маслина. И иудаизм, обманывающий евреев, за это время успел и "засохнуть", и "одичать".

Так что пребывающие в иудаизме и неверии евреи наших дней — это одичавшая и бесплодная маслина. Теперь, чтобы стать благородной, этой маслине придется прививаться к маслине Христовой Церкви так же, как некогда прививались язычники.

Поэтому для современного еврея важнейшим условием истинного обращения ко Христу должен быть решительный отказ от всякой мысли о своей богоизбранности ("двойной ответственности") по признаку плотского происхождения и смиренное покаянное чувство, что уже не может называться сыном Отца Небесного, но просит принять его хотя бы в число работников Своих... Так учит знаменитая притча о блудном сыне. В таком случае, без всяких сомнений, Бог вернет такому израильтянину сыновство с любовью. Но прощеный сын теперь, в свою очередь, должен будет с любовью разделить свое сыновство с теми, кого Господь за веру и преданность Ему из работников давно благоволил сделать сынами Своими. И не только по Благодати, но и по плоти и крови в прямом и высшем смысле этих слов, ибо Церковь из бывших язычников давно питается и пропитана телом и Кровию Первенца Израилева — Господа Иисуса Христа — через Таинство Причащения.

Поэтому церковь справедливо называется Новым Израилем. Здесь никто ни перед кем не имеет и не может иметь преимущества по происхождению, ибо "всех Бог заключил в непослушание, чтобы всех помиловать" (Рим. 11, 32). Вот в чем состоит подлинный смысл текста II гл. Послания к Римлянам. Вы же, о. Александр, извратили этот смысл в угоду тому самому "шовинизму", который, как Вы на словах утверждаете, "претит" Вам, "будь он еврейский, русский или китайский"... Подлинно "претит" Вам, оказывается, совсем другое — верность Православия Господу Иисусу Христу, о чем вы сами свидетельствуете с поразительной откровенностью.

Сионист спрашивает Вас: "Как вы относитесь к культам православных святых Гавриила и Евстратия, якобы "умученных от жидов"?

Не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне Русской Православной Церкви?

Прежде чем передать Ваш ответ, приведем краткую справку. Преподобный Евстратий был иноком Киево-Печерского монастыря, где особенно прославился постничеством. Во время набега на Киев половцы в числе других русских угнали Евстратия в плен и затем вместе с несколькими христианами продали в рабство одному еврею в Херсонесе Таврическом. Этот человек оказался фанатиком-иудаистом. Желая склонить своих рабов к отречению от Христа, он морил их голодом. Все, кроме Евстратия, умерли. Тогда в праздник св. Пасхи в 1097 году фанатик распял Евстратия на кресте. Мощи мученика были засвидетельствованы Богом как чудотворные. Этому святому память бывает дважды в год, и один раз положена служба с полиелеем.

Святой мученик Гавриил был шестилетним мальчиком и жил в деревне Зверки Гродненской губернии. Арендатор этой деревни тоже фанатик-иудаист, вместе со своими единомышленниками, похитил мальчика и зверски умертвил его. Убийцы потом были уличены, осуждены по закону, а мощи св. Гавриила были найдены нетленными и также получили от Бога благодатную силу. Св. Гавриил пострадал в 1690 году.

Есть ли в обстоятельствах гибели этих святых что-нибудь антиеврейское? Нет! Речь идет о жертвах религиозного фанатизма, наличие которого в иудейской среде не отрицаете и Вы, о. Александр, когда говорите, что и еврейский шовинизм Вам претит... Почему бы Вам тогда в таком смысле и не ответить сионисту?

Но Вы неожиданно начинаете говорить сразу о... ритуальном убийстве! Что это с Вами случилось, Вас ведь не о ритуальном убийстве спрашивали... Однако вы стали говорить, с одной стороны, потому, что "ритуальные наветы на еврейство" не получили юридического подтверждения на скандальных судебных процессах прошлого (процесс Бейлиса). Это "помогает" Вам бросить тень клеветы и на память св. Гавриила и Евстратия и без обиняков заявить: "Надеюсь, что они будут деканонизированы", т. е. исключены из лика Святых нашей Церкви...

За что? За то, что они были верными Христу и пострадали за Него? Тогда, продолжая логику Ваших мыслей, следует исключить из лика святых и первомученика Архидиакона Стефана, еврея-христианина, убитого еще в I в. толпой своих сродников по плоти — фанатиков-иудеев. Следует в таком случае исключить из лика святых всех, кто так или иначе пострадал от еврейского фанатизма и "начать" придется уже со Христа Иисуса, преданного иудеями на распятие...

С другой стороны, когда Вы, о. Александр, столь неожиданно заговорили о ритуальном убийстве, на Вас, как говорят, "шапка загорелась". Не хочу сказать, что Вы лично имеете к этому явлению какое-либо отношение, но Вы можете подозревать или даже знать о нем. Очень знаменательно, что Вы в своих словах по этому поводу и не отрицаете прямого наличия в иудаизме ритуального убийства, а ссылаетесь на то, что сами-де русские богословы в прошлом не поддержали этих обвинений. Но со всей ответственностью следует заметить и напомнить, что там, где в тайных сферах совершается сознательное поклонение диаволу, там ритуальное убийство очень возможно. И оно есть. Об этом стараются лишний раз не говорить только из человеколюбия, дабы не возбудить волну слепого народного гнева против невинной массы простого еврейского народа, действительно не знающего о тайных деяниях своих духовных вождей.

Претит Вам, о. Александр, и то, что Ваш собеседник-сионист называет "выпадами против евреев в христианском богослужении". Вы отлично знаете, что в Православном богослужении, построенном наполовину из псалмов Давида, образов истории древнего Израиля, прославления израильских праведников и пророков, антиеврей-

ских выпадов нет и не может быть! По обличения "безумных иудеев", не познавших в Иисусе Христе своего Мессию и предавших Его на крестную смерть, действительно есть!

Зная все это, Вы говорите сионисту: "Надеюсь, когда придет время для пересмотра православных богослужебных текстов, эти выпады здесь будут изъяты". Почему? Потому что они обличают неверие Христу? Вы, образованный и умный человек, о. Александр, а потому совершенно умышленно (в полном соответствии с тактикой "отца лжи") смешиваете два разных понятия — о еврейском народе и об иудаистской религии — в одно понятие! А это уже подлог!

Он ярко свидетельствует о том, что не антисемитизм, которого нет в Православии, а антисионизм, т. е. верность православия Христу Истинному претит Вам более всего и более всего заботит Вас. Видеть русскую церковь одним из орудий и "течений" сионизма — вот что хотели бы Вы и Ваши хозяева. Высказывая эти настроения, Вы дважды повторяете слово "надеюсь" (что, мол, это будет). Не надейтесь, этого не будет.

Не удастся Вам также осуществить и проект "вселенской Церкви будущего", о котором Вы говорите, призывая ориентироваться на нее, а не на "конфронтацию церквей".

Ибо "конфронтация мешает осуществить "синтез" такой Вселенской Церкви".

Вы употребили слово "синтез", когда говорили, что на его основе якобы создавалась "культура России, Европы, Израиля и большинства других стран".

Что такое "анализ " и "синтез" иудаистского мышления, хорошо известно. Сейчас Вы занимаетесь в Русском Православии "анализом", т. е. попытками разложения его коренных живоносных устоев. Ваши единомышленники делают то же в других христианских народах. И если бы Ваши мечты сбылись, то из духовно разложенных христианских церквей, выбрав пригодные для сионизма элементы, можно было бы "синтезировать" нечто целое. Только это было бы уже не живое Тело Господа Иисуса Христа, а мертвая синтетика, "говорящая кукла", робот; лишь внешне похожая на нечто живое, как механическая кукла чем-то похожа на человека...

А сионизму и его союзникам как раз нужна церковь-кукла, по видимости христианство, а по сути подделка. Такой "Вселенской Церковью" можно было бы управлять как угодно и прежде всего для того, чтобы она признала истинным Христом израильского лжемессию — антихриста и помогла бы установить в мире его духовное и политическое господство.

Поэтому дело не в "конфронтации церквей" и не в шовинизме русских православных людей, а в том, что живую благородную маслину Православия нельзя дать умертвить разлагающими и чуждыми влияниями под видом "братского" объединения. Нельзя погасить светильник правды и истины. В Русской Православной Церкви промыслительно сохраняется в наибольшей чистоте и неповрежденности Божия Истина и как вероучение, и как образ мышления в жизни и в Боге, а потому и Дух Святой животворящий (а не синтезирующий) живет в этой церкви особенно обильной благодатью.

Поэтому не случайно в наши дни многие люди разных стран и народов, в том числе и многие евреи, стали обращаться к нашей Церкви. И не потому, что она русская, а потому, что сами эти люди — подлинные израильтяне, в которых нет лжи, но есть еще и мудрость, свойственная подлинному Израилю. И когда такие люди начинают по-настоящему жаждать правды, они непременно находят ее в должной полноте и сохранности в Русском Православии.

Такой некогда была вера всей нераздельной Апостольской Церкви, и эта вера близка и понятна душам людей любых наций.

Так что если бы Вы, о. Александр, были в самом деле и православным человеком по духу, и человеком, искренне любящим тот народ, от которого произошли по плоти, и человеком, не ложно стремящимся к христианскому единству, Вы не то говорили бы и делали, что делаете теперь. Вы старались бы всех и вся, и прежде всего "сродников по плоти" своих, призвать и обратиться к нашему святоотеческому Русскому Православию, чтобы все народы по возможности стали членами нашей Православной Церкви.

Ибо если и возможна настоящая Вселенская Церковь, она должна быть только православной по образу Русского Православия.

Вы сказали бы своему народу еврейскому, чтобы он принял наше Православие, потому что наша Церковь, принявшая Плоть и Кровь от Господа Христа и Его Пречистой Матери, имеющая в себе все лучшее, чем обладал древний Израиль, не может не любить Израиля. Она любит его и теперь (хотя он стал лишь тенью своих великих прародителей) и ждет его обращения. Пусть только подлинные израильтяне сотворят достойный плод покаяния и, по слову Иоанна Крестителя, не думают "говорить себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю Вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь". (Мф. 3, 9—10)

Федор Углов

Как предупредить катастрофу?

Мы переживаем затянувшийся период нравственного, экономического и политического кризиса. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС сказано: "Утверждение нового, прогрессивного осуществляется в сложных условиях распада хозяйственных связей, сокращения объема производства, ...тотального дефицита, спекуляции, роста цен. Наглеет преступный мир, не затухают очаги межнациональных конфликтов" ("Правда". 18.10.90. г.).

На пресс-конференции ("Известия". 25.11.90. г.) с участием руководителей КГБ, МВД, Прокуратуры и Суда проблема преступности признана главной болевой точкой общества. Принимаемые меры по борьбе с преступностью не дают результатов. Как считает В. В. Бакатин, настало время создания общенациональной программы борьбы с преступностью.

К сожалению, ни на этой пресс-конференции, ни на Пленуме, ни в обращении Президента в Верховный Совет СССР о положении в народном хозяйстве не дан анализ причин роста преступности в стране.

Между тем, давно и всем известна причина роста преступности — она, главным образом, в росте алкоголизации народа. Не известно только, почему все те, кто должен трубить об этом во все трубы, молчат. Обществу остается только гадать и предполагать, что, по-видимому, алкогольная мафия или подкупила кого следует, или пригрозила кому нужно, а у наших вождей нет ни сил, ни желания входить с ней в конфликт.

Между тем, по данным Всемирной организации здравоохранения, по данным наших выдающихся деятелей как прошлого (Л. Толстой, И. Сикорский), так и настоящего времени (Комиссия Совмина СССР) преступления в 60—90% случаев связаны с потреблением алкоголя. При этом учитываются только те, кто совершает преступления, будучи в тот момент пьяным. Если же учесть, что после потребления даже умеренных доз алкоголя мозг остается в угнетенном состоянии в течение 18—20 дней и человек не может в полной мере себя контролировать, то окажется, что алкоголь является главным виновником преступлений в огромном большинстве случаев. И "борьба" с преступностью при нашем "пьяном" бюджете и при продолжающейся алкоголизации народа — есть не что иное, как очередной обман народа. И действительно, несмотря на то, что, по уверениям руководителей правоохранительных органов, на борьбу с преступностью брошены все силы, преступность нарастает угрожающе быстрыми темпами. О том, что нарастание преступности находится в строгом соответствии с ростом алкоголизации населения, показывает диаграмма тяжелых преступлений, опубликованная в газете "Известия" от 10.12.90 г.

Эта диаграмма показывает, что как только в 1985 г. началось снижение потребления алкоголя, то уже в этом году число тяжелых преступлений с убийствами сократилось на 14,8% по сравнению с 1984 годом. В 1986 году, когда заметно сократилось потребление алкоголя, число тяжелых преступлений снизилось на 29,7% по отношению к 1985 г., а следовательно, по отношению к 1984 г. на 44,5%. В 1987 г., когда вновь началось спаивание народа, но пока еще не принявшее угрожающих размеров, число преступлений по отношению к 1986 году сократилось еще на 1,3%, а групповая преступность сократилась на 9,7%.

В 1988 году, когда уже официально и в значительных размерах произошло увеличение продажи алкоголя, диаграмма тяжелых преступлений по отношению к 1984 году возросла на 14,1%, а групповая преступность — на 37,7% (пьяным легче сговориться идти компанией на тяжелые преступления! — Ф. У.).

В 1989 году имел место резкий подъем продажи алкоголя и в ответ был получен резкий рост тяжелых преступлений по сравнению с 1988 годом на 28,5%, а групповых преступлений — на 40,3%. По отношению же к 1987 году соответственно 42,6% и 78%. В 1990 году за 10 месяцев количество тяжелых преступлений по отношению к 1989 г. возросло на 12%, а по отношению к 1987 г. — на 54,6%. За каждым этим преступлением скрывается гибель наших людей, не говоря уже о нравственных издержках общества. И основная вина преступлений — алкоголь. Это не видят только слепые и глухие к народному горю. Скорее же всего это выполнение дьявольского плана уничтожения наших людей.

Алкоголь, как известно, в первую очередь раз-

рушает нравственность, поэтому рост алкоголизации неизбежно сопровождается ростом общей преступности, а особенно в сфере экономики. Не удивительно поэтому, что после 1988 года, когда бурно стало нарастать пьянство, то сразу же, что называется, в геометрической прогрессии, стала нарастать преступность в этой сфере. Причем бурно растут все виды преступности:

	1988 г.	1990 г.
1) Кражи государственного и общественного имущества *(количество в тысячах)*	123	264
2) Кражи личного имущества *(количество в тысячах)*	364	671
3) Грабежи *(государственного и общественного имущества)*	2 тыс.	3,9 тыс.
4) Грабежи *(личного имущества)*	36 тыс.	76 тыс.
5) Разбои *(гос. и общественного имущества)*	0,5 тыс.	1,1 тыс.
6) Разбои *(личного имущества)*	7,5 тыс.	16,3 тыс.

(“Экономика и жизнь”. № 47, 1990 г.).

Из этих данных ясно вытекает, что за 2 года массового спаивания людей все виды экономических преступлений возросли на 200 и более процентов. Какие еще нужны доказательства разлагающего влияния алкоголя на общество и в особенности на его нравственность.

Однако ни в правительстве, ни в Верховном Совете этот вопрос даже не ставился. Ни один депутат ни СССР, ни России не потребовал обсуждения вопроса о катастрофическом положении страны в связи с массовой алкоголизацией населения. Выдвигаются разные причины для объяснения нашего катастрофического положения, но на разговор об алкоголе наложен запрет — он полностью замалчивается. А в это время все газеты, не требуя фактов, ни документов, печатают примитивную ложь о том, что трезвость разоряет страну. И ни одна из центральных газет не поместила обстоятельной, научно обоснованной статьи по алкогольной проблеме, фактически — об алкогольном геноциде русского народа.

Мною было послано в различные газеты не менее 10 статей по этой проблеме со строго научным анализом положения в стране, и ни одна из статей не была напечатана. При этом мне или не отвечали вовсе, или присылали такие примитивные, безграмотные и необоснованные отказы, что мне было стыдно и за того, кто эту бумагу писал, и за редактора газеты.

Неужели такое поголовное замалчивание правды об алкоголе случайно? Кто может сомневаться в том, что это тщательно спланированная кампания, направленная на спаивание нашего народа, под истерические крики некоторых депутатов и корреспондентов о том, что трезвость разоряет страну и что надо открыть все шлюзы для алкоголя?

А почему молчат наши ученые, в частности, депутаты? Ведь в Верховном Совете не один десяток академиков, в том числе медиков и социологов. Что они, не видят, что алкоголь разоряет страну, губит народ и разрушает его генетический фонд? Может быть, их также не печатают? Так почему молчит Академия, молчат институты, обязанные изучать социальные аспекты страны, извещать правительство и предупреждать народ? Почему наши писатели, за самым малым исключением, эту проблему или обходят молчанием, или же освещают ее с позиции человека, не знающего проблемы или находящегося в алкогольной зависимости?

Все это не может быть случайным, и наше правительство и Верховный Совет обязаны принять самые решительные меры для защиты народа и страны от алкогольной зависимости! Необходимо обязать печать и все средства массовой информации сказать народу научную правду о наркотической и в первую очередь об алкогольной проблеме. При этом пора прекратить печатать призывы к умеренному потреблению алкоголя, осужденному как провокация и враждебная акция против народа всеми прогрессивными русскими учеными и врачами еще сто лет назад.

О полном незнании вопроса о влиянии алкоголя на организм человека говорят примитивные высказывания обывателей, которые печатаются у нас без всяких комментариев.

В газете “Советская Россия” от 4.1.91 приводятся слова ветерана труда А. Старостина из Москвы: “На мой взгляд, пусть лучше подростки по-прежнему пьют в подъездах портвейн, чем калечат себя наркотиками”. И никаких примечаний, что портвейн в подъездах калечит наших подростков и приводит к гибели людей в сотни и тысячи раз чаще, чем наркотики, что “портвейн в подъездах” — это “затравка”, с которой начинаются и наркомания, и разврат, и преступления, что редкий наркоман начал потребление наркотиков без предварительного отравления себя алкоголем; что водка, портвейн — есть начало всех зол, что с них начинается любая наркомания. И поэтому, если наши подростки будут “по-прежнему пить в подъездах портвейн”, то по-прежнему будет пышным цветом расцветать не только пьянство, но и наркомания, и преступления, и разврат, ибо,

как сказал еще великий Лев Толстой: “от нее, т. е. от водки) все качества сохраняют силу и по сей день”. И вряд ли кто сомневается в том, что печать и средства массовой информации несут большую ответственность за полную безграмотность основной массы населения в вопросах алкоголизации и других видов наркомании. Упорно скрывая от народа хотя и горькую, но очень важную правду о губительном действии алкоголя в любых дозах, печать охотно сообщает “красивую”, но губительную для народа ложь о безвредности “умеренного”, “цивилизованного” его потребления.

Не только преступность быстро нарастает в обществе при массовом потреблении алкоголя. Автодорожные происшествия, часто с человеческими жертвами, более чем в половине случаев связанные с приемом спиртных напитков, за эти два года настолько возросли, что превратились буквально в бедствие для страны. Достаточно сказать, что их число и число погибших на наших дорогах в 5 раз выше, чем в других промышленно развитых странах, несмотря на то, что интенсивность движения у нас намного ниже. У нас ежегодно на дорогах гибнут десятки тысяч людей, и в том числе детей, и сотни тысяч становятся инвалидами.

Но не это оказалось самым страшным последствием нового витка алкогольной беды, нависшей над нами, навязанной нам защитниками алкогольной экспансии и, к сожалению, поддержанной правительством и Верховным Советом СССР. Самое страшное заключается в том, что на этот раз рост потребления спиртных напитков быстро ведет к алкогольному геноциду, когда умирает больше, чем рождается, а дефективных детей появляется больше, чем рождается нормальных.

Вот что говорят демографические показатели по России: “Начиная с 1988 года наблюдается последовательное ухудшение демографической ситуации. В текущем году положение продолжает обостряться: число родившихся за январь-март по сравнению с тем же периодом 1989 года уменьшилось в республике на 40 тыс. человек. Одновременно на ту же величину возросло число умерших. Это повлекло за собой сокращение естественного прироста населения более чем в два раза. В ряде областей России общий коэффициент рождаемости не превысил 11 родившихся на 1000 человек населения (в то время как в благополучных республиках этот коэффициент равнялся 50 и более). На 30 тысяч, или на 10%, снизилось количество заключенных браков, а число разводов возросло приблизительно на ту же величину.

На 27 территориях, где проживает 40% населения России, число умерших превысило число родившихся на 25—40%. В 1989 году таких территорий было 9. Следовательно, за год рост — на 300% (“Литературная Россия”. № 25, 1990 г.).

1989 год для России считается самым неблагоприятным за последние десятилетия. Он был много хуже, чем 1980 год, считавшийся особенно неблагоприятным. Так, родившихся в 1980 году было 2 миллиона 280 тысяч; в 1986 году — 2 миллиона 486 тысяч; в 1989 году — 2 миллиона 160 тысяч; т. е. в России в 1989 г. родилось на 300 тысяч меньше, а умерло на 100 тысяч больше, чем в относительно благополучном по употреблению алкоголя 1986 году.

Естественный прирост: 1980 г. — 677 тыс.; 1986 г. — 988 тыс.; 1989 г. — 583 тыс., т. е. он в 1989 году по сравнению даже с 1980 годом сократился почти на 100 тыс., а по сравнению с 1986 г. — на 400 тыс. человек. В 1989 году в сельских местностях убыль населения имела место в 27 территориях республики, а, как сказано выше, число таких территорий в 1990 году возросло в три раза (“Экономика и жизнь”. № 31, 1990 г.).

Чем же объяснить, что рост потребления алкоголя, вновь начатый в 1987 г., так быстро привел к столь тяжелым последствиям?

Дело в том, что массовое потребление алкоголя, продолжавшееся в течение почти 30 лет, вплоть до 1984 года, привело к глубинным изменениям в организме людей. У них возникла повышенная чувствительность к алкогольному яду. В результате употребление значительно меньших доз алкоголя приводит к самым тяжелым последствиям, наблюдавшимся ранее только при приеме очень больших доз.

Поэтому необходимо повсеместно прекратить потребление алкоголя тем, кто его раньше употреблял, а таких было большинство. Поэтому, если мы продолжим и ныне нашу политику спаивания народа, мы в самое короткое время можем получить непредсказуемо тяжелые последствия.

Если бы в руководстве страны находились люди, которые проявляют заботу о народе, они бы приняли все меры к полному запрещению торговли алкогольным ядом.

Ныне же мы должны обращаться к нашим депутатам-патриотам, чтобы они защитили народ от алкогольной катастрофы, иначе на их совести будет лежать ответственность за гибель народа.

Наряду с разрушением нравственности, здоровья и даже гибели населения нарастает разорение страны и гибель экологии. Причем последние два года показали, что если рост алкогольного бюджета идет в арифметической, то уничтожение народа, разрушение общества и гибель экологии идет в геометрической прогрессии.

То, что происходит с обществом и страной в наши дни, нельзя квалифицировать иначе, как чрезвычайное положение, требующее незамедлительных и самых радикальных мер.

В русских традициях подобная ситуация требует немедленного закрытия всех винных магазинов со строжайшей и беспощадной борьбой с ку-

старным производством хмеля, вплоть до применения чрезвычайных мер, и эта принудительная трезвость должна продержаться до тех пор, пока не выправится положение в стране, после чего вопрос об открытии винной торговли решить всенародным референдумом.

В русском народе это считалось всегда и считается поныне обязательным при опасных ситуациях, подобным тем, которые переживает народ в наше время. Достаточно указать на конфликт в угольной промышленности, когда забастовочный комитет строго запретил продажу и потребление всех алкогольных напитков и этим способствовал тому, что конфликт был ликвидирован без эксцессов. В то время, как в других районах страны, где во время конфликтов алкоголь не был запрещен, события принимали нередко трагический оборот.

Подобные меры в государственном масштабе тем более необходимы, что вся эта ситуация стала быстро развиваться, начиная с 1988 года, со времени принятия решения о расширении водочной торговли. Когда вся картина стала нарастать в неблагоприятном направлении, правительство и Верховный Совет вместо того, чтобы ввести обязательную для всех трезвость, под влиянием таких депутатов, как Шмелев, "открыли" все шлюзы для алкоголя". Так надо ли удивляться тому, что преступность, безнравственность и разрушение страны захлестывают нас? Мы подошли к такой черте, которая Президентом охарактеризована как близкая к катастрофе.

В начале 1989 года угроза катастрофы уже нависла над страной, но экономисты, приближенные к Президенту, вместо того, чтобы забить тревогу и потребовать безотлагательно запрета всех видов винно-водочной торговли, наоборот, вопреки здравому смыслу, элементарной логике и историческому опыту России, которого они не знают или не хотят знать, развили бешеную энергию, требуя снять все ограничения с торговли спиртными изделиями. В своем стремлении во что бы то ни стало добиться максимальной алкоголизации народа они доходят до абсурда, заявляя, что трезвость разоряет страну, подрывает экономику. Хочется напомнить этим экономистам заключения крупнейших ученых по этому вопросу. Так, академик Струмилин еще в 1968 году писал: "...расширение торговли водкой лишь умножает тот ущерб, который она приносит всему народному хозяйству. Сам по себе этот продукт как безусловно вредный людям и ведущий к хозяйственным потерям, ибо дезорганизует труд, следует рассматривать как отрицательную величину в народнохозяйственном обороте... и поэтому торговлю водкой выгоднее было бы снижать до нуля, чем расширять без меры".

Столь же категорически высказываются об отрицательном влиянии алкоголя и современные русские ученые (Б. И. Исаков, И. А. Красноносов и др.).

Есть ли у нас надежда на спасение?

Она существует, но она заложена в самом народе, ибо, судя по сообщениям в газетах, ни в правительстве, ни в Верховном Совете СССР и России мы не слышим трезвых голосов. Значит, таких нет (за исключением таких бойцов, как Белов и Распутин), настоящих народных представителей, которым нужды и беды народа ближе всего.

Те, кто решает вопросы пьянства в стране, не прислушиваются к голосу русских ученых, которые говорят правду об алкоголе: академик Н. М. Амосов в своей книге "Раздумья о здоровье" (1987 г.) пишет: "...Проблема алкоголизма столь важна, что ее уже нельзя обойти молчанием... Алкоголизм приобретает характер эпидемии... Такое и должно быть к нему отношение... Эпидемия — это пожар: чем больше захватил огонь, тем быстрее распространение... Кривая роста потребления алкоголя это доказывает... Мы уже перешли критическую точку, и убеждениями общества от алкоголя не отвлечь — нужно поступать как при холере, то есть вводить запретительные меры... Сухой закон выгоден даже экономически... и, на мой взгляд, это лучшая мера оздоровления народа... Если в начале революции в разгар эпидемии были плакаты: "Вошь может погубить революцию", то не время ли сейчас сказать: "Алкоголь погубит социализм?!."

Моя книга "Из плена иллюзий", в которой я говорю правду об алкоголе и доказываю, что алкоголь — это враг народа номер один, что до тех пор, пока мы не прекратим его потребление, мы ни к чему разумному не придем, разошлась почти в 5 миллионах экземпляров и получила активную поддержку в народе... Несмотря на это трезвость и даже борьба за трезвость огульно охаивается с самой высокой трибуны. В унисон с защитниками пьянства работают печать, телевидение и все средства массовой информации.

Спрашивается, зачем экономисты, приближенные Президента, так ратуют за расширение водочной торговли? Они что, тревожатся за наш бюджет? Думаю, что они не настолько глупы, чтобы не понимать, к чему ведет пьянство. Комиссия Совмина СССР в составе четырех академиков еще в 1986 году указала, что каждый рубль, полученный за алкоголь, несет 2—3 рубля убытку. Это только прямые убытки. По данным экономиста Б. И. Исакова, прямые и косвенные убытки составляют в 5—6 раз больше, чем прибыль от продажи спиртных изделий, и если мы в год продадим их на 55 миллиардов рублей, то государство понесет убытков на 250— 300 миллиардов рублей. А сколько горя, слез, смертей, пожаров, аварий, катастроф, поломанных судеб, сирот при живых родителях, дебильных детей и т. д. и т. п. принесет нам проданный алкоголь сверх экономических потерь?! Кому не ясно, что эти кровавые деньги, планируемые за алкоголь, несут народные беды и разорение государству? Так зачем же его планируют, производят и продают? Ясно, что не из-за денег, а из-за чего-то другого.

Еще до революции трезвенники-борцы обнаружили, что в нашем государстве немало таких людей, которые добивались не столько увеличения бюджета, сколько спаивания народа.

В истории русского народа подобное уже имело место. Депутат Государственной думы М. Д. Челышев в 1911 г. на ее заседании от 21.1 сказал: "У нас в Самаре в 1902 году я внес предложение в Думу, что городу выгодно прямо внести в казначейство то, что у нас наживает казна от продажи спиртного. Но такое предложение даже напечатать нигде не разрешили, и только через год мы добились разрешения заслушать его в Думе. В 1903 году Дума заслушала это заявление и приняла его. Но результат? Из Питера нам отказали... Ведь из-за денег торгуют — ну, на, возьми, возьми ты деньги от нас, но отпусти душу на покаяние! Господа, вот этот случай заставляет невольно думать, что не из-за денег торгуют, нужно им что-то другое..."

Не менее откровенно высказывается по этому поводу и другой депутат Думы — епископ Митрофан: "...главные враги — это не лица, заинтересованные в водочном производстве, а те, кто боится трезвости народа, боится, что трезвый народ не пойдет по пути осуществления их антинародных целей! Вот где главные враги".

Как все это похоже на наши дни! Разница в том, что наши депутаты уже не скрывают своего враждебного отношения к трезвости и открыто приказывают открыть все шлюзы для алкоголя, и Верховный Совет согласился с этим.

На помощь таким депутатам добровольно приходят "Ломехузы", которые хотят, чтобы мы не прекратили пить. Но, в отличие от депутатов, они стараются законспирировать свои действия и для этого все, как один, прибегают к своему излюбленному приему, добавив слово "умеренно". Все остальное, как у Шмелева.

Но ныне никого уже этим не обманешь. Всем видно, что это враг трезвости. И поэтому особенно удивляет тот факт, что страницы для пропаганды алкоголя предоставляет журнал "Народный депутат".

В его июньском номере за 1990 год выступил известный защитник потребления алкоголя Г. Заиграев.

Я читал его книги и уже давно обратил внимание на то, что в книге, посвященной борьбе с пьянством и алкоголизмом, слово трезвость не упоминается ни разу. Даже в тех случаях, где говорится о борьбе с детским алкоголизмом.

Он верен себе и поныне. В статье "Алкогольный тупик: где выход?" он подробно освещает свою точку зрения на причины нарастающего пьянства, считая, что основной причиной является отсутствие "четкой и ясной, научно обоснованной концепции преодоления пьянства". По его мнению, идеальным будет "добиваться сокращения потребления алкоголя на 1,5—2% в год!" Короче, растянуть борьбу на 50—75 лет в надежде, что к этому времени некого будет спасать. А чтобы люди не прекратили пить, он считает необходимым в государственном масштабе "пересмотреть проводимую ныне политику осуждения умеренного, цивилизованного потребления алкоголя..." Автор повторяет это уже много лет: "пейте, но умеренно..." А что это такое, ни он, ни все те, кто проводит ту же политику, не поясняют. Они сами, возможно, придерживаются этого правила, но это их этнические свойства и навязывание этого обществу всегда вызывает подозрение к причинам этой настойчивости.

В архиве Маркса-Энгельса (М., 1938, т. 5, стр. 348) можно прочесть такой абзац: "Как только распространяется употребление водки, для них (евреев) при их умеренности это становится средством порабощения народа". В свете этого изречения невольно возникает вопрос: столь настойчивое стремление навязать "умеренное" винопитие, давно осужденное русскими умами, не является ли проведением в жизнь политики порабощения народа?

В 1915 году постоянная комиссия при Русском обществе охраны народного здоровья, изучавшая вопросы алкоголизма во всем их объеме в течение 17 лет, выработала ряд предложений, которые были преданы гласности и не знать которые не имеет права никто из пишущих на эту тему.

Вот ее отдельные выводы:

1. Алкоголь по природе своей вещество наркотическое как в чистом виде, так и в различных разведениях (водка, пиво, виноградные вина), проявляет, несомненно, самое ядовитое действие на живой организм, действуя парализующим образом на все клетки и ткани, в особенности на наиболее живые и деятельные из них (нервную систему, половые клетки и т. д.).

2. Как вещество ядовитое алкоголь не может быть ни в каком размере причислен к укрепляющим или питательным продуктам и вообще не должен считаться в каком-либо отношении необходимым или полезным для нормального организма.

3. Многочисленными, строго научными опытами и наблюдениями установлено, что все отправления организма (питание, рост, размножение, физическая и умственная работа, сама защита от болезней и неблагоприятных физических влияний) протекает лучше при полной трезвости и, наоборот, даже так называемое "умеренное" потребление спиртных напитков ослабляюще влияет как на отдельные организмы, так и на все общество, усиливая болезненность, смертность, преступность, наклонность к самоубийствам, бедности, недовольствам и прочим отрицательным явлениям.

4. Ни теоретически, ни практически невозможно указать предельную дозу алкоголя и степень его разведения, которая была бы для организма безвредна, а поэтому без специальных лечебных назначений никакие алкогольные препараты и спиртные напитки продаваться не должны и не могут быть рекомендованы ни отдельным лицам, ни обществу и т. д.

Стремление людей одурманить себя наркотическими веществами (в частности алкоголем), стремление, которое не может быть ни физиологически необходимым, ни социально желатель-

ным, ни нравственно оправданным, требует решительной борьбы с ним со стороны всего прогрессивного человечества, являясь элементарным и абсолютно обязательным для любого разумного правительства, стоящего на защите интересов своего народа и государства.

В свете этих классических научных выводов, которые еще никто не опроверг, только полным невежеством можно объяснить высказывания обывателя о безвредности малых и "умеренных" доз. Настойчивое же внедрение "умеренного" потребления алкоголя со стороны некоторых ученых (Заиграев, Левин, Бабаян и др.), которое они так упорно насаждают нам через свои научно-публицистические "труды", нельзя объяснить неграмотностью, и невольно напрашивается мысль об их сознательной работе по порабощению народа.

Многолетняя борьба за отрезвление населения убеждает нас, что главным препятствием на пути к трезвой жизни является настойчивая пропаганда этих "ученых" о безвредности "умеренных" доз.

Более губительной для народа пропаганды враги народа не придумали, и эта теория много лет верой и правдой служит их главным орудием в алкоголизации населения.

Мозг, подготовленный "умеренными дозами", легко воспринимает и уже не замаскированную ложь о вреде трезвости, которую беззастенчиво пропагандируют не только депутаты и некоторые журналисты, за чечевичную похлебку продающие свою честь и человеческое достоинство, но и некоторые государственные деятели. Поскольку Указ правительства от мая 1985 года "О борьбе с пьянством и алкоголизмом" в какой-то мере стоял на пути алкогольной вакханалии, то все, мечтающие о ней, обрушились на это постановление, уверяя, что оно разоряет и губит страну.

Для доказательства они смогли привести только два довода:

1) что из-за этого постановления некоторые враги или дураки стали вырубать виноградники;

2) что из-за некоторого отрезвления мы в 12-й пятилетке не добрали 37 миллиардов рублей.

Другого они ничего не могли придумать. Эти же доводы можно привести лишь по безграмотности или по беспомощности. В самом деле: в Указе нет ни слова о необходимости рубить виноградники, значит, это личная инициатива этих людей и она скомпрометировать Указ не может. Да и само этот вопрос специально гипертрофирован, а может быть, надуман.

Дело в том, что виноградники в какой-то части подлежат вырубке и замене новыми саженцами, а кое-где, возможно, сделали это и для того, чтобы посадить и другие сорта винограда, необходимого для потребления в свежем виде. И вот этот-то процесс ретивые борзописцы и могли раздуть до уродливых форм, которые никак не могут скомпрометировать сам Указ.

Что же касается того, что мы недобрали с народа 37 миллиардов рублей за алкогольную отраву, то любой патриот обрадовался бы этому. Это значит, люди не выпили годовую "норму", при которой от причин, связанных с алкоголем, в нашей стране погибает около миллиона человек, рождается 200 тысяч дефективных и умственно отсталых людей, и только человеконенавистники могут сожалеть о том, что мы не выпили эту "норму". Они льют "крокодиловы" слезы и фарисейски плачут о том, что в бюджет недопоступила эта сумма. На самом же деле — это очередная ложь, ибо некоторое отрезвление народа, вызванное недопитым алкоголем, принесло в бюджет значительно большую сумму, но уже не за счет отравы, а за счет здоровых, нормальных доходов. Так в эти годы в сберкассы дополнительно сверх обычного поступило 46 миллиардов рублей. В годы меньшего потребления алкоголя за другие продукты поступило дополнительно по 4,5 млрд. рублей в год, на 59% продано больше соков и минеральных вод и т. д. Не говоря о косвенных прибылях, за счет повышения производительности труда на 1% (9 миллиардов) ежегодно снижение прогулов на 30—40% (одна минута прогула по стране стоит 4 миллиона рублей) и т. д.

Но главное, эти люди совсем не замечают и никак не ценят крупнейшие демографические успехи, которые были достигнуты страной и которые ценнее всех других показателей.

В годы протрезвления рождалось ежегодно на 500—600 тыс. детей больше, чем обычно, снизилась смертность, на 2,5 года повысилась продолжительность жизни мужчин, сократилась детская смертность и т. д. Об этом даже не упоминают те, кто сокрушается о невыпитом алкоголе.

Но как бы ни кликушествовали Шмелевы о невыпитых миллиардах и как бы они ни замалчивали демографические показатели, для любого честного, беспристрастного ученого ясно, что даже частичное отрезвление дает в 3—4 раза больше прибыли по сравнению с непропитыми миллиардами. А главное — резко улучшается физическое и нравственное здоровье населения, налаживается нормальная человеческая жизнь, улучшаются все экологические и демографические показатели. Поэтому проведенный в 1985—1987 гг. эксперимент показывает, что полное отрезвление народа, т. е. введение обязательной для всех трезвости, принесет такие блага, о которых нам даже трудно мечтать. Поэтому каждый честный человек, если он патриот и думает о благе родины и своего народа, будет считать трезвость как первое и главное условие не только для нормальной жизни человека, но и необходимое требование для возрождения России.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В редакции "Кубани" не смолкают телефонные звонки: всех волнует один и тот же вопрос — что с журналом, почему запаздывают очередные номера.

Как сообщают нам корреспонденты, в ряде городов России уже слышны провокационные заявления — журнал "Кубань" прекратил свое существование, а потому отнеситесь к потере денег, потраченных на его подписку, как к неизбежности, и не вздумайте повторять свою ошибку на 1992 год.

Но журнал "Кубань" — жив и по-прежнему ведет бескомпромиссный разговор с читателем о судьбах народа, истории и будущего отечества, о возрождении духовности и культуры России. Может поэтому наши временные трудности и преподносятся недоброжелателями "Кубани" как страстно желаемое ими (т. е. его гибель).

В 1992 году журнал "Кубань" предполагает опубликовать:

ПРОЗА

П. Краснов. Опавшие листья. Главы из романа.
В. Криворотов. Контрреволюционеры. Роман.
А также произведения В. Белова, Л. Бородина, В. Лихоносова, В. Личутина, А. Знаменского, А. Брежнева, Св. Рыбаса.

ПОЭЗИЯ

Поэтические страницы журнала будут представлены стихами:
Ю. Кузнецова, Ст. Куняева, М. Шелехова, С. Хохлова, В. Бакалдина, В. Неподобы.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Новые статьи В. Бушина, Ал. Иванова (Скуратова), Б. Куркина, В. Хатюшина, Н. Тетенова, К. Раша, И. Шафаревича, П. Горелова.

УМАЛЧИВАЕМОЕ И ЗАБЫТОЕ

Н. Марков. Войны темных сил.
И. Селянинов. Тайная сила масонства.
Б. Башилов. О русском масонстве.
А. Шмаков. Свобода и евреи.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Р. Гуль. Ленин и Архипелаг "Гулаг".
С. Нилус. Близ есть, при дверях.
И. Солоневич. Народная монархия. Диктатура импотентов.
Журнал также предоставит страницы патриотическим зарубежным изданиям: "Вече", "Русское самосознание", "Кубанец", "Наша страна".

НАПОМИНАЕМ: подписка принимается без ограничений с любого месяца и во всех отделениях связи и агентствах "Союзпечати".
Индекс журнала — 73607.
Подписная цена на год — 14 руб. 40 коп.
Подписывайтесь на "Кубань"-92! В розничной продаже, в связи с рыночной ценой бумаги, стоимость каждого номера составит ориентировочно 3—5 рублей.
Арифметика здесь проста — лучше подписаться!

Исповедуя идеалы духовного и патриотического возрождения России, журнал "Кубань" не укладывается в прокрустово ложе новых идеологических диктатов, а следовательно остается без поддержки правящих структур. Точнее на грани жизни и смерти.
Поэтому мы призываем Вас, дорогие читатели, к посильной материальной поддержке "Кубани".
Наш счет: 000609923 в Коммерческом "Краснодарбанке", МФО 14187.
С благодарностью примет редакция и предложения о помощи в обеспечении бумагой.
ПОДДЕРЖИВАЯ ЖУРНАЛ "КУБАНЬ", ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА!

Сдано в набор 29. 10. 91 г. Подписано в печать 29. 11. 91 г. Формат бумаги 70x100/16. Бумага типографская № 2. Уч-изд. л. 14,1. Тираж 20. 000. Заказ 778. Адрес редакции: 350650, Краснодар, а/я 69, ул. Коммунаров, 59. Телефоны: главный редактор — 52-29-44, заместитель главного редактора, секретариат — 59-22-60. Типография издательства "Советская Кубань". 350680, Краснодар, ул. Шаумяна, 106.

Редакция принимает только первые экземпляры не публиковавшихся ранее рукописей, отпечатанных на машинке.

Рукописи объемом меньше печатного листа не возвращаются.
Рукописи, присылаемые членам редколлегии, к рассмотрению не принимаются.